

## О возможном источнике рассказа А.П. Чехова “Архиерей”

М.Ю. ЛЮСТРОВ,

кандидат филологических наук

Рассказ “Архиерей” современники приняли сдержанно: произведение не вызвало большого интереса у читающей публики, высказывания критиков были немногочисленны и не отличались глубиной и проницательностью. Достоинства этого небольшого по объёму рассказа были оценены лишь немногими, способными увидеть гениальное творение за простым сюжетом и незатейливым повествованием. Произведением огромной силы, вышедшим из-под пера зрелого мастера, считал этот рассказ И.А. Бунин, высокого мнения об “Архиерее” был Л.Н. Толстой.

В центре рассказа – викарный архиерей преосвященный Пётр, достигший “всего, что было доступно человеку в его положении...” (Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1977. Т. 10. С. 195; далее ссылки на это издание), однако чувствует непонятную грусть, что-то тяготит его, приходят смутные, волнующие мечтания и надежды. Нечто подобное ощущал он в юности, в начале своего пути. Но сейчас преосвященный Пётр болен, его мучают слабость и боль в плечах и затылке. Жизнь заканчивается, герой чувствует приближение смерти.

Затрагиваемые Чеховым вопросы обозначаются в самом названии рассказа: человек и сан, архиерей и его вера. И, конечно, главный вопрос: человек в ожидании неизбежной смерти. Именно этот круг проблем поднимали исследователи рассказа (Б. Зайцев, Н. Нилссон, В. Камянов, А. Ранчин). Образ главного героя – преосвященного Петра – интерпретировался по-разному: в богослужении он спасается “от состояния душевного бесприютства” (В. Камянов) или тяготится обрядом и своим саном (А. Ранчин), искренне верует в Бога (Ю. Иваск) или сомневается в вере (А. Ранчин).

Стараясь объяснить главного героя рассказа, исследователи неизбежно обращались к прототипам чеховского архиерея. Хорошо зная замысел Чехова и обстоятельства, повлиявшие на создание этого произведения, И.А. Бунин говорил, что «... в “Архиерее” он (Чехов. – М.Л.) слил черты одного таврического архиерея со своими собственными, а для матери взял Евгению Яковлевну» (Зайцев Б. Чехов. Литературная биография. Нью-Йорк, 1954. С. 257–258). Кроме указанного Буниным еп. Михаила Таврического (М. Грибановского), прообразом архиерея Петра назывался архиерей Сергей (С.А. Петров), с которым, по воспо-

минаниям М.П. Чехова, писатель общался в Ялте. По мнению В.Б. Катаева, при создании образа архиерея Чехов мог учитывать фигуру еп. Порфирия (Успенского).

Итак, пресвященный Пётр не имел определённого прототипа, совмещал черты многочисленных, в основном духовных, лиц. В предлагаемой статье предпринята попытка доказать возможность существования ещё одного прообраза главного героя рассказа, не являвшегося современником автора. При этом ставится вопрос о знакомстве Чехова с фактами русской истории XVII века и литературными произведениями того времени, оказавшими косвенное влияние на создание рассказа.

“Архиерей” был опубликован в 1902 году. Однако его написанию предшествовала многолетняя подготовительная работа. В письме от 16 марта 1901 года к О.Л. Книппер Чехов отмечал: «Пишу теперь рассказ под названием “Архиерей” – на сюжет, который сидит у меня в голове уже лет пятнадцать» (Чехов А.П. Указ. соч. Письма. Т. 9. С. 230). Это позволило Н. Нилссону заключить, что “Архиерей” входит в контекст чеховских произведений, написанных во второй половине 80-х годов, по своему идейному содержанию приближается к рассказу “Огни” (1888).

Известно, что по окончании в 1884 году медицинского факультета Чеховым была задумана диссертация на тему “Врачебное дело в России”. Эта работа была посвящена фиксированию и исследованию отмеченных в различных исторических, фольклорных и литературных источниках эпидемий, способов борьбы с заболеваниями, а также описанию болезней и смертей некоторых деятелей русской истории. Работа над диссертацией оказалась незавершённой, по записям автора невозможно точно установить её план (Н.Ф. Бельчиков указал, что Чехов составил перечень необходимых ему книг по “Систематическому каталогу русским книгам” А.Ф. Межова, однако принцип, по которому Чехов останавливался на тех или иных изданиях, остаётся неизвестным). Таким образом, если знакомство Чехова с памятниками древней литературы вызывает сомнение, то интерес автора к событиям русской истории в середине 80-х годов очевиден. Кроме того, в 1884–1886 годах Чехов жил в Воскресенске и Звенигороде, недалеко от Саввино-Сторожевского и Воскресенского монастырей, тесно связанных с именами царя Алексея Михайловича и патриарха Никона и хорошо знакомых писателю.

Однако сам Чехов тщательно скрывал работу над историческим очерком: по замечанию Н.Ф. Бельчикова, в его письмах, датированных серединой 80-х годов, невозможно найти указания на подготовку диссертации. Больше того, Чехов подчёркивал своё незнание и отсутствие интереса к этим проблемам. В письме Н.А. Лейкину (25 июня 1884) он пишет: “Каждое воскресенье в монастыре производится пасхальная служба со всеми её шиками... Лесков, вероятно, знает об этой особен-

ности нашего монастыря” (Чехов А.П. Указ. соч. Письма. Т. 1. С. 114). Признание своей некомпетентности в области богослужения, указание на авторитет Лескова сочетаются с обращением к трудам по истории русской церкви (среди выписанных Чеховым изданий немало книг этой тематики). Вероятно, причиной подобной “скрытности” являлась неуверенность автора в возможности написания такого рода научного труда.

Можно предположить, что замысел “Архиерея” возник в процессе работы над “Врачебным делом в России”. Одно из доказательств этому: многочисленные совпадения в рассказе Чехова и в известном письме царя Алексея Михайловича к новгородскому митрополиту Никону, датированном 1652 годом и рассказывающем о смерти московского патриарха Иосифа.

Главное событие обоих текстов: смерть церковного иерарха **перед Пасхой**. Герой умирает, когда весь мир готовится встретить праздник Воскресения. Исследователями этих произведений, независимо друг от друга, было замечено, что смерть патриарха Иосифа и архиерея Петра не представлена как благодатная, дисгармонирует с ожидаемым событием. По мнению А. Ранчина, “...торжество праздника, общая радость не смягчают горестей *одного* (курсив Ранчина. – М.Л.) человека, не способны придать благодатный смысл смерти владыки Петра накануне великого, светлого дня Пасхи” (Ранчин А.М. Просто люди. Священнослужители в произведениях А.П. Чехова // Литература. 1997. № 28. С. 3). М.Г. Кротов полагает, что описание предпасхальной смерти патриарха связано с недоброжелательно иронической интонацией всего повествования царского рассказа (Кротов М.Г. Послание царя Алексея Михайловича о смерти патриарха Иосифа: Этюд из исторической психологии // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 2. М., 1989. С. 160). Само это противопоставление смерти и Воскресения несёт большую идейную нагрузку в обоих произведениях, подчёркивается авторами.

Композиция “Архиерея”, представляющая собой подробное описание каждого дня болезни, протекающей на Страстной неделе, точно повторяет композицию письма царя Алексея Михайловича. Оба повествования вначале рассказывают о предчувствии человеком своей смерти. Авторы подчёркивают, что их герои плачут, плачут много и без видимой причины. В этих слезах и умиление, и жалость к себе, и боязнь смерти. Слезы становятся значимой деталью повествования, на них акцентируется внимание читателя.

Это ощущение приближения смерти приходит к обоим иерархам примерно в одно и то же время, незадолго до Вербного воскресенья. Алексей Михайлович указывает, что болезнь патриарха Иосифа началась после встречи мощей бывшего патриарха Иова, а сразу после Вербного воскресенья последовало резкое ухудшение. “Архиерей” на-

чинается с описания состояния преосвященного Петра на всенощной под Вербное воскресенье. К этому моменту архиерей недомогал уже три дня.

Затем следует подробное отображение предшествующих смерти иерархов событий, поступков и ощущений (здесь необходимо оговориться, что если в письме к Никону автор является повествователем, описывает свои наблюдения, то в рассказе Чехова такой рассказчик отсутствует, автор передает ощущения самого героя, а не впечатления видевших его людей). При таком способе повествования обязательно фиксируется день и час, когда произошло очередное изменение в состоянии больного. В письме царя Алексея Михайловича показан промежуток времени с понедельника шестой недели Великого поста до Великого четверга, в “Архиерее” – с Лазаревой субботы до Страстной субботы. Таким образом, в обоих текстах Страстная неделя представлена как последовательность дней, предшествующих не воскресению Христа, а смерти церковного иерарха.

И в письме царя Алексея Михайловича, и в рассказе Чехова большое внимание уделяется подробному описанию симптомов болезни. В “Словаре историческом о бывших в России писателях духовного чина” митрополита Евгения Болховитинова (не указанного в перечне изданий, выписанных Чеховым для работы над диссертацией) причиной смерти патриарха Иосифа названа апоплексия. Преосвященный Пётр умирает от тифа. Многочисленные упоминания об этой болезни периодически появляются в письмах Чехова, датированных серединой–второй половиной 80-х годов: “В Питере свирепствует брюшной тиф...”, “Сим извещаю, что я жив и здоров и тифом не заразился”, “При брюшном тифе бронхит с обильным выделением мокроты – обычное явление”. Тиф становится “героем” целых произведений Чехова, например, рассказа “Тиф”. Однако некоторые симптомы, описанию которых уделяется достаточно места и на которых акцентировано внимание царя Алексея Михайловича и Чехова, кажутся сходными: оба героя чувствуют жар, боли в животе. Последнее обстоятельство особенно важно для авторов. Говоря об утробных звуках, Алексей Михайлович сравнивает болезнь патриарха Иосифа и своего отца царя Михаила Фёдоровича (комментируя этот фрагмент письма царя Алексея Михайловича, П.И. Бартенева указывает на какой-то непонятный современному читателю намёк, что вполне соответствует замыслу царя, выражавшему своё отношение к покойному через описание его смерти). Разговор преосвященного Петра и Кати на сходную тему появился в черновиках Чехова задолго до создания рассказа, являясь одним из первых фрагментов будущего произведения.

И ещё одна деталь, подчёркнутая в этих текстах и особенно важна для раскрытия авторской идеи: перед смертью оба героя впадают в беспамятство. Предсмертные мгновения патриарха Иосифа описаны в со-

ответствии со средневековым представлением о споре ангелов и демонов за душу умирающего на смертном одре (М. Кротов). Предсмертным видениям преосвященного Петра также предлагались разные интерпретации (Б. Зайцев, Н. Нилссон). Таким образом, письмо царя Алексея Михайловича будущему патриарху Никону и рассказ Чехова "Архиерей" объединяет одинаковый принцип отбора материала, сходная композиция, совпадение деталей и, наконец, главный мотив – смерть человека, достигшего высшего сана духовной иерархии, перед главным православным праздником – Пасхой. Однако знакомство Чехова с письмом Алексея Михайловича не имеет прямых подтверждений.

Письмо о смерти патриарха Иосифа неоднократно публиковалось в первой половине XIX века и входит в каталог Межова. Вместе с тем среди книг, выписанных Чеховым для работы над диссертационной темой, изданий, содержащих этот документ, нет. И знакомство Чехова с текстом царского письма оказывается под вопросом. Однако известно, что работая над диссертацией, Чехов консультировался с известным историком, специалистом по XVII веку П.Д. Голохвастовым. Общени-ем с этим учёным объясняется появление в плане диссертации раздела, посвящённого деятелям и событиям XVII века (Лжедмитрию I, Михаилу Скопину-Шуйскому). И хотя, судя по списку выбранных из каталога Межова книг, изучение второй половины XVII века не входило в планы Чехова, можно предположить, что беседы с автором работ по истории Смутного времени и Земских соборов сделали содержание письма Алексея Михайловича известным писателю. Эта версия позволяет объяснить выявленные текстовые совпадения.

Вероятно, замысел рассказа "Архиерей" относится к середине 80-х годов и сформировался он под влиянием описания смерти патриарха Иосифа. Позднее произошли существенные изменения, появились новые сюжетные линии, новые герои (например, мать архиерея). Уже созданный рассказ сохранил некоторые следы повлиявшего на него сюжета. И хотя называть патриарха Иосифа одним из прототипов преосвященного Петра едва ли возможно, однако смеем утверждать, что письмо царя Алексея Михайловича, представляющее собой отнюдь не простой пересказ реальных событий, является одним из источников чеховского "Архиерея".

## Обращения в поэтической речи Е.А. Баратынского

Н.В. ПАТРОЕВА,  
кандидат филологических наук

Обращение – одна из основных фигур поэтического синтаксиса, обладающая необычайным богатством экспрессивно-стилистических возможностей. По словам М.В. Ломоносова, “сею фигурою можно советовать, засвидетельствовать, обещать, хвалить, насмехаться, утешать, желать, прощаться, сожалеть, повелевать, запрещать, прошения просить, оплакивать, жаловаться, поздравлять и проч.” (Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.-Л., 1952. Т. 7. С. 267). Обращения встречаются во всех стихотворных жанрах, что вполне естественно: поэзия – это всегда доверительный разговор лирического героя с Богом, Космосом, природой, читателем, с самим собой.

Являясь регулятором отношений между говорящим (пишущим) и слушающим (читающим), обращение выполняет две главные синтаксические функции, тесно взаимосвязанные и переплетающиеся: собственно звательную, или контактно-устанавливающую, и характеризующую, или модально-оценочную. “Всякая речь, – замечал Николай Гумилёв в “Анатомии стихотворения”, – обращена к кому-нибудь и содержит нечто, относящееся как к говорящему, так и к слушающему, причём последнему говорящий приписывает те или иные свойства, находящиеся в нём самом” (Гумилёв Н.С. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 65).

В языке художественной литературы эти функции обращения расширяются и обогащаются, а в поэтических текстах обращение часто становится “эстетическим и риторическим центром, вбирает в себя максимум мысли и чувства автора” (Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 407).

Известны четыре основные функции обращения в поэтическом тексте: 1) собственно звательная, 2) условно-звательная, 3) фиктивно-звательная и 4) координационно-звательная (см.: Максимов Л.Ю. Обращение в стихотворной речи // Учён. зап. МГПИ. 1965. Т. 236. С. 69–70). За примерами обратимся к стихотворениям и поэмам Евгения Баратынского (1800–1844) – пожалуй, самой яркой, оригинальной и загадочной фигуре среди поэтов пушкинской поры. Неоднократно отмечались самобытность, “необщее выражение” его психологической и философской лирики. Особую популярность молодому Баратынскому принесли его элгии 1820-х годов, отличавшиеся изяществом чувств и поэтической отделкой. “Баратынский, – писал А.С. Пушкин в статье 1830 года, –

принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален, ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко. Гармония его стихов, свежесть слога, живость и точность выражения должны поразить всякого хотя бы несколько одарённого вкусом и чувством” (Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 6. С. 368).

Наиболее частотны в лирике Баратынского конструкции, выполняющие условно-звательную функцию. Таковы, например, обращения к реальным адресатам, современникам поэта: “*О Дельвиг! слёзы мне не нужны...*”; “*Клянусь, Давыдов благородный, / Я в том отчизною свободной...*”; “*...тебя, Мицкевич вдохновенный, / Я застаю у Байроновых ног...*” (Баратынский Е.А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1989. С. 92, 130, 146; далее стихотворные примеры приводятся с указанием только стр.).

В этом же ряду и обращения к историческим деятелям, писателям прошлого или условным адресатам, созданным фантазией автора: “*Ты б не узнал, Солон, страну своих отцов...*” (63); “*О Душенькин поэт, прими мои стихи!*” (117); “*И твое лобзанье, Лила, / Не прервёт холодный сон*” (80); “*Не смейтесь, девы наслажденья...*” (57). Названия мифологических богов и героев в позиции обращения также выполняют условно-звательную функцию: “*Не славь, обманутый Орфей, / Мне Элизийские селенья...*” (158); “*Блестящий Феб, священный идол твой / Он повредил...*” (213).

Подобные обращения передают отношение автора к адресату с помощью таких, например, лексических средств, как, определения и приложения к опорному слову обращения, в том числе слов “интимизирующих” (типа *мой, милый*), а также путём использования существительных с качественно-характеризующим значением и суффиксами субъективной оценки: “*Ты ль это, дитячко моё...*” (263); “*Что он, голубушка, за диво?*” (246); “*Ты мне поверь, моя красotka...*” (298); “*...не пережить / Тебя, друг милый, друг сердечный*” (154); “*Кто тебе, мой мальчик, равен?*” (200).

Фиктивно-звательная функция обращения тесно связана с таким художественным приёмом, как олицетворение. Компоненты предложения, выполняющие фиктивно-звательную функцию, представляют собой названия предметов и явлений, не способных воспринимать речь и входить в контакт с адресантом. К этой группе обращений относятся словосочетания, называющие природные объекты и явления, животных и насекомых: “*Красного лета отрава, муха досадная, что ты / Въешься, терзая меня, льнёшь то к лицу, то к перстам?*” (198); “*Комар двуногий, гость-мучитель, / Нет, не прощаю я тебя!*” (143); “*Не умолю-кай, поток седой!*” (85); “*Когда волнам твоим я вверюсь, океан?*” (123); “*В свои расселины вы приняли певца, / Граниты финские, граниты вековые...*” (72). А также обращения к неодушевлённым или “чудесным”

предметам: “Полный влагой искромётной, / Зашипел ты, мой бокал!” (182); “И ты, величественный грот, / Тяжёло-каменный, постигнут разрушением...” (177). Эту же функцию выполняют лексические структуры, содержащие временные представления или называющие отвлечённые понятия, связанные с сознанием, духовным опытом лирического субъекта: “В тягость роскошь мне твоя, / О бессмысленная вечность!” (182); “Промчалось ты, златое время!” (140); “Где ты, живое сладострастье?” (71); “О память! ты одна беседеешь со мной...” (60).

В стихотворениях позднего Баратынского, автора философского цикла “Сумерки”, существенно возрастает доля обращений в фиктивно-звательной функции и, одновременно, заметно снижается их активность в условно-звательной функции. “Звезда разрозненной плеяды”, зрелый Баратынский, который “дни извёл, стучась к людским сердцам”, уже не ищет отзыва у своих современников в век “промышленных забот” и устремляет взор к культурному наследию древности, замыкаясь в самом себе с тайной надеждой на понимание “далёкого потомка”:

“Читателя найду в потомстве я” (144).

А.С. Пушкин так рассуждал о причинах охлаждения читающей публики и критиков к Баратынскому: “Первые, юношеские произведения Баратынского были некогда приняты с восторгом. Последние, более зрелые, более близкие к совершенству, в публике имели меньший успех. (...) Понятия, чувства 18-летнего поэта ещё близки и сродны всякому; молодые читатели понимают его и с восхищением в его произведениях узнают собственные чувства и мысли (...) Но лета идут, юный поэт мужает, талант его растёт, понятия становятся выше, чувства изменяются. Песни его уже не те. А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни. Поэт отделяется от них и мало-помалу уединяется совершенно. Он творит для самого себя и, если изредка ещё обнародывает свои произведения, то встречает холодность, невнимание и находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии, как он, уединённых, затерянных в свете” (Пушкин А.С. Указ. соч. С. 369).

Не характерна для лирики собственно звательная функция обращения. По наблюдению Осипа Манделъштама, “обращение к конкретному собеседнику обескрыливает стих, лишает его воздуха, полёта. (...) если отдельные стихотворения (...) и могут обращаться к конкретным лицам, то поэзия, как целое, всегда направляется к более или менее далёкому, неизвестному адресату...” (Манделъштам О.Э. Слово и культура. М., 1987. С. 52, 54). Именно поэтому коммуникативная функция обращения в поэтической речи оказывается существенно ослабленной, преобразованной.

Обращения в собственно звательной функции, осложнённые обычно разнообразными эмоционально-оценочными смыслами, встречаются

ся лишь в стихотворениях Баратынского, содержащих прямую речь, диалог героев: “– *Синьор, синьор!* бедность грешно искушать” (171); “Не плачь, не крушися ты, *солнце моё!* – / Тогда утешала старушка её...” (170); “*Дитя моё,* – она сказала, – / Возьмёшь иль нет моё кольцо?...” (163). Куда более активно эти обращения используются в поэмах Баратынского, и также в диалогах и прямой речи героев: “Его найду я, *мой отец...*” (“Телема и Макар”, 246); “Ах, боже мой! Скажите, *князь,* / Скажите, что с княгиней Ниной...” (“Бал”, 250).

А вот обращения в условно-звательной позиции в поэмах Баратынского сравнительно редки. Лишь несколько примеров адресации лирического героя к другим действующим лицам и мифологическим персонажам: “Ты ль это, *Нина,* много зрима?” (“Бал”, 263); “Любовь он пел, *о Зораида!*” (“Переселение душ”, 267); “*О бог стола, о добрый Ком,* / В твоих утехах нет отравы!” (“Пир”, 224).

У Баратынского в поэмах почти не представлены словосочетания в фиктивно-звательной функции: “Ты мне постыл, *печальный свет!*”; “Когда, когда сметёшь ты, *вьюга,* / С лица земли мой лёгкий след?” (“Эда”, 244). Но только в поэмах реализуется координационно-звательная функция обращения. Так устанавливается контакт с читателем – внешним адресатом высказывания: “...в эту пору, *мой читатель,* / Столетний маг в Мемфисе был...” (“Переселение душ”, 268).

Обращения придают самобытную эмоциональную тональность поэзии Баратынского. Их экспрессивное и информативное воздействие на читателя достигается, в частности, расположением адресата в так называемых “сильных” позициях стихотворного текста (в начале или конце строки):

За Белым иль за Чёрным морем  
Блуждаешь ты, *желанный друг?* (266);

Тебе я младость шаловливу,  
*О сын Венеры!* посвятил... (133).

Важную роль в композиционной и ритмо-мелодической организации поэтического пространства играют развёрнутые обращения, осложнённые различными видами обособленных оборотов или придаточными предложениями. Такие построения, занимающие две и более строк, очень характерны для стиля Баратынского:

Прощай, *отчизна непогоды,*  
*Печальная страна,*  
Где, *дочь любимая природы,*  
*Безжизненна весна;*  
Где *солнце нехотя сияет,*  
*Где осен вечный шум,*  
*И моря реет, и все питает*  
*Безумье мрачных дум;*

*Где, отлучённый от отчизны  
Враждебною судьбой,  
Изнемогал без укоризны  
Изгнанник молодой;  
Где, позабыт молвой гремучей,  
Но всё душой питт,  
Свою музою летучей  
Он не был позабыт! (86)*

*Беглец Италии, Жьячинто, дядька мой,  
Янтарный виноград, лимон её золотой  
Тревожно бросающий, корыстью увяленный,  
И в край, суровый край, снегами покровенный,  
Проставший с выбором загадочных картин,  
Где что-то различал и видел ты один!  
Прости наш здравый смысл... (202).*

Достижения Баратынского в области синтаксиса стихотворных произведений, по выражению А.В. Чичерина, “едва ли не наиболее причудливого во всей русской лирике” (Чичерин А.В. Очерки по истории русского литературного стиля. М., 1985. С. 389), но во многом опередившего своё время, к сожалению, не получили до сих пор должной оценки и, несомненно, заслуживают большого внимания языковедов как одна из ярких, самобытных страниц истории русского поэтического синтаксиса.

*Петрозаводск*

*Русский быт и словесность***К ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ВКУСА  
СЕРЕДИНЫ ПРОШЛОГО ВЕКА**

*(Стихотворное переложение молитвы "Отче наш"  
в рукописной антологии Е.В. Гоголь-Быковой)*

*Е.З. ТАРЛАНОВ,  
кандидат филологических наук  
Л.В. САВЕЛЬЕВА,  
доктор филологических наук*

В одном из личных архивов г. Петрозаводска хранятся два небольших рукописных томика литературно-мемориального альбома младшей сестры Н.В. Гоголя Елизаветы Васильевны (1822–1866). О его первом мемориальном томе уже писалось (Тарланов Е.З. Альбом Е.В. Гоголь-Быковой // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность, искусство, археология. М., 1987. С. 33–47), однако не меньшего внимания заслуживает и второй том, представляющий очень характерную поэтическую подборку русских и французских авторов, а также робкие стихотворные опыты самой владелицы и её дневниковые записи.

Архивная история этой поэтической антологии достаточно прозрачна: после смерти рано овдовевшей Елизаветы Васильевны Гоголь (в замужестве Быковой) рукопись перешла к её родной сестре Анне, вырвавшей пятерых осиротевших племянников. Старший из них, крест-

ник бабушки Марии Ивановны Гоголь, названный в честь великого дя-ди Николаем, с большим тщанием сохранил всё перешедшее к нему рукописное наследие матери. Будучи адъютантом тогда ещё полковника Нарвского гусарского полка Александра Александровича Пушкина, он женился на его дочери Марии. Рукописный альбом перешёл в руки одной из дочерей от этого брака – Софии Николаевне Быковой (в замужестве Данилевской), внучатой племяннице Н.В. Гоголя и правнучке А.С. Пушкина. Несмотря на все трагические катаклизмы своей долгой жизни, Софья Николаевна сумела сохранить эту реликвию для семьи, за исключением нескольких самых ценных листов с записями о Н.В. Гоголе, которые она подарила Академии наук в радостный для нее день освобождения родной Полтавы от фашистской оккупации 23 сентября 1943 года (Дневник Е.В. Гоголь-Быковой. Ин-т литературы им. Т.Г. Шевченко АН Украины, ф. 17, ед. хр. 150). Оставшуюся часть разброшюванного альбома вместе с некоторыми другими семейными реликвиями она впоследствии подарила своей внучке – петровскому филологу.

Любой домашний рукописный альбом – это всегда уникальный живой документ истории, подкупающий безыскусной правдой быта и бытия народа. В нашем же случае он представляет двойной интерес как отражение важных страниц отечественной культуры, связанных с духовной атмосферой жизни и творчества великого русского писателя и характеризующих среду, из которой он вышел и на которую оказывал решающее воздействие.

Рукописная антология представляет собой, как и мемуарный альбом, небольшой томик в темно-зелёном муаровом переплёте, сброшюванный из 80 листов старинной бумаги. Миниатюрная наклейка в левом верхнем углу фронтисписа говорит о том, что он был куплен в английский магазине Петербурга, принадлежавшем Nicholls Plincke. Дата покупки обоих томиков – не позднее мая 1842 года, когда был начат первый, собственно мемориальный том девичьего альбома Елизаветы, заполненный почерками её подруг и друзей. Во втором томе подавляющее большинство записей на французском и русском языках сделано одним почерком – рукой самой Елизаветы Васильевны, некоторые из записей датированы (1851–1856 годы). После длительного перерыва почерк и характер записей резко меняется (с 80-х годов).

Елизавета Васильевна Гоголь, которая была моложе брата на 13 лет, провела под его заботливой опекой отрочество и юность и волею обстоятельств оказалась наиболее близкой ему из всех четырёх сестёр (в частности, и из-за своей склонности к сочинительству, проявлявшейся с детства). Мемуары, написанные ею в конце жизни и опубликованные её сыном в 1885 году, дают весьма подробную картину детства, проведённого в имении Гоголей Васильевке Полтавской губернии, а также отрочества и юности, прошедших в Петербурге и Москве в кру-

гу друзей Гоголя. Брат Николенька начинал учить шестилетнюю Лизу и восьмилетнюю Анет географии и истории. Подросших девочек (Елизавете было тогда 10 лет) Н.В. Гоголь увёз в Петербург для поступления в Патриотический институт, где служил учителем истории. Первые три года обучения сестёр целиком оплачивались его учительским жалованьем. Отъезд Гоголя за границу стал возможным только после того, как он добился, чтобы девочек учили на казённый счёт. Закон Божий, история, география, русская словесность, французский и немецкий языки, рисование, музыка, танцы – вот круг предметов, входивших в программу Патриотического института, с которой обе сестры справились “очень недурно”.

Все четыре года, преподённые братом и сёстрами врозь, не затихала их регулярная переписка. “Я вас люблю любовью брата, отца и матери вместе”, – заверяет Лизу и Анет Н.В. Гоголь в письме от 17 июля 1836 года (Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М., 1952. Т. XI. С. 51; далее – только том и стр.). Характерны его обращения к сёстрам: “мои голубушки”, “мои бесценные”, “молодые цветки мои”, “отрада мыслей моих”, “мои душеньки”, “мои миленькие” и т.д. По выходе из института новая жизнь “двух монастырок”, как их называл С.Т. Аксаков, началась под заботливой опекой старшего брата, специально вернувшегося для этого из-за границы. Гоголь активно вводит сестёр в круг своих друзей в Петербурге (где они бывают в домах Балабиных, Репниных, Жуковского, Нащокина) и в Москве, где посещают литературные вечера у Хомяковых, Свербеевых, Елагиных, Киреевских, живя постоянно в доме Погодиных. Большое участие в деле воспитания и устройства девушек приняла большая и дружная семья Аксаковых. “Меньшая, Лиза, весёлая и живая, была любимица брата; может быть, и сам Гоголь этого не знал, но мы заметили”, – вспоминал впоследствии С.Т. Аксаков (История моего знакомства с Гоголем. М., 1960. С. 29).

При мысли о будущем сестёр в глуши Малороссии, по признанию Гоголя, его сердце “содрогалось невольню”. Из-за слабого здоровья Анет решено было отправить её на родину, но судьбу 17-летней Лизы брат всеми силами старался устроить иначе. Благодаря настойчивым хлопотам Н.В. Гоголя и его участливых друзей Лизе была найдена опекуница – Прасковья Ивановна Раевская, состоятельная бездетная женщина, большая приятельница Н.Д. Шереметьевой. Известно, что направление духовных исканий начала 40-х годов всё более сближало Гоголя и Н.Д. Шереметьеву, о чём свидетельствовала их переписка (см.: Гоголь Н.В. Указ. соч. Т. XIII–XIV).

В гостеприимном и чрезвычайно набожном московском доме добрейшей Прасковьи Ивановны, ставшем за два года пребывания в нём Лизе родным, по всей видимости, окончательно оформились представления молоденькой девушки об истинных жизненных ценностях. Здесь

же она познакомилась с человеком, с которым впоследствии, через много лет, связала свою судьбу (Гоголь на родине. Альбом художественных фототипий и гелиографюр. Вступит. статья В. Горленко. Полтава, 1902. С. 7). Взгляды и убеждения Елизаветы Васильевны складывались, конечно, не без сильнейшего влияния брата, чей авторитет возрастал по мере её взросления. Брат всегда руководил чтением сестёр. Пока они жили вместе в московском доме Погодиных, Николай Васильевич считал своим долгом не только приобщить их к светской жизни, но и регулярно сопровождать на церковные службы, пробуждать интерес девушек к духовным беседам лучших проповедников. Об одном из них, миссионере о. Макарии, Елизавета подробно рассказала в своих мемуарах (Из записок Е.В. Гоголь // Русь. 1885. № 1. С. 8). Заботой о духовном здоровье сестёр пронизана вся переписка Гоголя с ними, а особенно письма в Васильевку с середины 40-х годов. Он требует от сестёр полной самоотверженности и нравственной деятельности, требует вместо “молитвы слов” “молитвы дел” (XII, 103). Не без оснований Елизавета видела в письмах брата “правила монастыря” (см. сердитый ответ Гоголя сестре – XII, 343). Самая младшая из сестёр Ольга Васильевна вспоминает об их постоянных поездках вместе с матерью на богомолье в Будищанский монастырь, Ахтырский, в Киево-Печерскую лавру (Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О.В. Гоголь-Головни. Киев, 1909. С. 28–29). Вместе с семьёй Софии Васильевны Скалон, дочери драматурга В.В. Капниста и большого друга Гоголей, они не раз посещали Полтавский Крестовоздвиженский монастырь – и в церковные праздники, и в будни.

По этим же воспоминаниям нам известно кое-что из круга чтения Елизаветы Гоголь и сестёр: “Отечественные записки”, выписываемые для них братом (в эти годы там печатались романы Жорж Санд и Александра Дюма, ранние повести Достоевского и Панаева, стихи Кольцова, критические разборы Белинского); строго выдерживаемый в духе православия “Москвитянин”, аккуратно высылаемый его издателем М.П. Погодиным; кроме того, сёстры внимательно следили за новыми сочинениями брата, а также за журнальными откликами на них. В частности, Анна Васильевна переводила с немецкого языка статью о Гоголе (см.: Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 462–463). Настольной книгой для сестёр всегда была Библия – на церковнославянском и французском (парижское издание 1841 года в новом переводе привёз сёстрам в подарок Николай Васильевич. В настоящее время этот экземпляр хранится в том же семейном архиве г. Петрозаводска). В полном распоряжении девушек была не только семейная, но и богатая библиотека будищанского помещика, их “добрейшего”, по определению Н.В. Гоголя, соседа Гавриила Семёновича Лукьяновича, дочь которого Надежда была ближайшим другом Елизаветы, в том числе и по совместным чтениям.

Всё сказанное позволяет нам глубже понять и оценить литературные пристрастия Елизаветы Васильевны периода первых лет замужества (в возрасте 29–33 лет), когда ею активно заполнялся второй том альбома. Яркий отпечаток её личности виден как в подборке стихов, афоризмов и извлечений из прочитанного, так и в собственных поэтических опытах, где она искала самовыражения, отнюдь не предназначенная их для посторонних глаз и ушей.

Из современной французской литературы молодую женщину более всего трогает поэзия романтического склада, с утончённой чувствительностью и выразительной мелодикой стиха. Среди её любимых стихотворений – “Regret” (“Сожаление”) В. Гюго, “Une larme” (“Слеза”) Луи де Ламартина, “L’Enfant mourant” (“Умиряющее дитя”) Ксавье Мармье и некоторые др. Прозаические отрывки (“Extraits”), содержащие размышления и суждения на этические, психологические и философско-религиозные темы, извлечены из современных романов Оноре де Бальзака, драматургических сочинений Фредерика Сулье – представителя демократического крыла французских романтиков, а также из похвальных слов известного французского проповедника XVIII века аббата Жана-Баптиста Массильона. Выписки из Жана Поля Рихтера (псевдоним Иоганна Пауля Рихтера) – выдающегося немецкого просветителя, писателя, публициста и теоретика искусства – говорят и о более широком знакомстве провинциальной читательницы с языками и литературой Европы\*.

Вера была органическим свойством натуры Елизаветы Васильевны, и в объяснении феноменов жизни она была более склонна к иррациональному, чем рационалистическому началу. В этом мирозерцании сказался общий дух, образ жизни семьи и глубокие родовые традиции Гоголей-Косяровских, о чём сохранилось множество свидетельств. Беспokoйный, нервный ритм душевной жизни и высокая духовная настроенность сестры Гоголя вырисовываются из выделенных ею суждений и изречений на русском языке (в большинстве анонимных или помеченных не расшифрованных нами инициалами) и из представленной в её сборнике русской духовной поэзии. Её рукой переписаны стихотворения “Сладость благодеяния” А. Шишкова, “Сельская сиротка” Ф. Сулье (перевод И. Козлова), “Благовещенье” Н. Беклемишева, а также записи нескольких стихотворных “Молитв”, в том числе подписанных именами А. Пушкина и М. Лермонтова. Автором одной большой трёхчастной “Молитвы в грустный час”, судя по содержанию и проставленной точной дате (6 февраля, видимо, 1852 года), является сама со-

\* Здесь уместно вспомнить, что Н.В. Гоголь настойчиво требовал от младших сестёр ежедневных усердных занятий переводами. – Из записок Е.В. Гоголь // Русь. 1885. № 1. С. 8; Гоголь в воспоминаниях современников. С. 462.

ставительница этой рукописной антологии. Стихотворение подкупает искренностью религиозного чувства и аскетической настроенностью на искупительное подвижничество.

Рядом с известным пушкинским шедевром “Отцы пустынноики и жены непорочны...” приводится стихотворное переложение канонической христианской молитвы “Отче наш”, подписанное именем А.С. Пушкина. Ввиду особого историко-культурного значения этой атрибуции приведём текст полностью (в современном правописании):

Я слышал, в келии простой  
Старик молитвою чудесной  
Молился тихо предо мной:

– Отец людей! Отец небесный!  
Да имя вечное твое  
Святится нашими сердцами,  
Да придет царствие твое,  
Твоя да будет воля с нами.  
Как в небесах, так на земли,  
Насущный хлеб нам ниспошли  
Своею щедрою рукою,  
И, как прощаем мы людей,  
Так нас, ничтожных пред Тобою,  
Прости, отец, своих детей.  
Не свергни нас во искушение  
И от лукавого прельщенья  
Избави нас.

Пред крестом так он молился...  
Свет лампы мерцал впотьмах издалека...  
И сердце чаяло отрады  
От той молитвы старика.

Приписывание этого текста А.С. Пушкину – не новость в пушкинистике. По данным В.В. Виноградова, такая атрибуция была впервые заявлена в 1859 году лейпцигским журналом “Русская библиотека” (Т. VIII. С. 1–2) и затем периодически подкреплялась рядом публикаций 80–90-х годов прошлого века. Принадлежность этого стихотворения Пушкину с воодушевлением поддерживали деятели церкви о. Троицкий, позже митрополит Анастасий, литераторы Г. Чириков, Н. Сумцов, В. Острогорский, П. Драганов, Г. Рождественский и др. Напротив, оспаривали это авторство А.С. Суворин, В.В. Каллаш и др. Наиболее веские аргументы против такой атрибуции уже в новое время были развёрнуты В.В. Виноградовым. Учёный отмечает несвойственную Пушкину банальность и пустоту эпитетов (“в келии простой”, “молитвою чудесной”, “щедрою рукою”); несвязанность или немотивированность синтаксических конструкций (“молился тихо предо мной”; “как в небесах, так на земли”; “так нас, ничтожных пред Тобою”; “Прости, отец,

своих детей”), фразеологические штампы, плеоназмы, несоответствия (“молитвой чудесной молился”, “отец людей”); повторение одного слова в качестве рифмы (*твое – твое*), сбой в ритмике. Из конкретного “объективно-исторического” анализа, как заключает В.В. Виноградов, очевидна невозможность увидеть пушкинский стиль в этом наивно-религиозном упражнении неопытной музы (Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 131).

Отдавая должное логике анализа и исследовательскому чутью академика Виноградова, всё же с позиции сегодняшнего дня нельзя не заметить некоторую снисходительность его оценки, обусловленную содержанием текста и тем, что в его время, к сожалению, не могло быть им декларированной свободы “от субъективно-идеологических мотивов”. И в этом отношении понятно, почему советские издатели полного собрания сочинений А.С. Пушкина пренебрегли полемикой по поводу “Молитвы” и не включили это стихотворение в раздел *Dubia*.

Однако более глубокий интерес к приписываемым Пушкину текстам, на наш взгляд, имеет свои основания, так как их публикация входит в научный оборот материал для решения реально существующей проблемы читательского восприятия личности поэта. Рукописные свидетельства современников Пушкина, в том числе и младших, подобно Е.В. Гоголь – это прямое отражение литературных вкусов и рецепций среднего провинциального читателя, характеризующее историко-культурный тип мышления.

Вместе с тем невозможно не отметить явного подражания пушкинской поэтике в рассматриваемом стихотворении, которое в большой степени объясняет версию его авторства в определённых кругах образованного общества. Так, включение канонической молитвы в более широкий контекст с лирическим повествованием от 1-го лица напоминает композицию “Отцов пустынников”, где переложение великопостной молитвы Ефрема Сирина – только важная структурная часть эстетически цельного художественного текста. Благодаря такому построению на первый план выдвигается не столько религиозно-мистическая настроенность, сколько нравственно-психологическая атмосфера, в которую включён автор (точнее – субъект лирического повествования). Всё это и создаёт впечатление, выражаясь словами Белинского, “лелеющей душу гуманности” и типичное для Пушкина настроение светлой печали. Узнаваемой, пушкинской выступает здесь и образная конкретность, зримость художественного пространства и времени, которые, согласно эгегической традиции, часто варьируются в поэзии Пушкина для передачи романтической отрешённости умудрённого жизнью героя от мира: ночь, тишина и покой – слабый дрожащий свет – одинокий старец и жизнь его души (знаменитая сцена с Пименом в келье Чудова монастыря из “Бориса Годунова”; а также “Монах”, 1813;

“Русалка”, 1819; “Вечерня отошла давно...”, 1822; сцена из “Цыган”, 1824; “В еврейской хижине лампада...”, 1826).

Явная ориентация на пушкинский слог прослеживается в выборе словесных красок: *келья, лампада* – это высокочастотные слова в поэтическом словаре Пушкина; в выражении “лукавое прельщенье” слово *лукавый* приобретает “пушкинское” значение: не только “хитрый, коварный”, но и “обманчивый, лживый, способный ввести в заблуждение”: “Не верь *лукавым* сновиденьям” (“Цыганы”). Отчётливой реминисценцией пушкинской фразеологии звучит смысловое и грамматическое соединение слов *ничтожных... детей*. Ср.: “И меж *детей ничтожных* мира, / Быть может, всех ничтожней он” (“Поэт”).

Нам неизвестно, из какого источника были почерпнуты сведения об авторстве стихотворного переложения молитвы “Отче наш”. Но вряд ли следует видеть в нём чью-то сознательную мистификацию, скорее – это простодушная ориентация безымянного автора на пушкинский стих как на непревзойдённый образец поэзии вообще.

Объектом пристального внимания и нравственно-философских размышлений составительницы сборника стала и ещё одна “Молитва” с начальными строками “Прости мне, Боже, прегрешенья, / И дух мой томный обнови...”, в которой разрабатываются мотивы покаяния и самоотречения во имя духовных идеалов. Этот сонет рукою Елизаветы Васильевны приписан М. Лермонтову, хотя на самом деле он был создан в декабре 1839 года Иваном Ивановичем Козловым – одним из самобытных поэтических талантов пушкинского времени с трагической судьбой незрячего, очень популярного певца. Ссылный Кюхельбекер утешался и восхищался этим стихотворением Козлова и оставил запись в своём дневнике: «Прочёл я несколько стихотворений Козлова: его “Молитва” истинно прекрасна и стоит того, чтоб её вытвердить, по крайней мере лучшие строфы» (Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 337). Стихами, поэмами, балладами И. Козлова Елизавета Васильевна увлекалась ещё в московские девичьи годы, и не исключено, что она могла записать это стихотворение по памяти, ошибочно приписав его Лермонтову. Отождествление автора сонета с Лермонтовым в сознании читателей могло быть вызвано тем, что родило двух этих романтиков. Видимо, лермонтовскими осязались мощная сила духа лирического героя и особый эмоциональный накал страстного монолога-мольбы.

И нравственно-поведенческий идеал мученичества, якобы воспетый Лермонтовым, и та атмосфера нравственной чистоты и святости, которая возникает в стихотворном переложении молитвы “Отче наш” и приписывается Пушкину, – всё это говорит о том, что национальные гении воспринимаются молодой провинциалкой, получившей столичное образование, только в контексте православной духовности. Такое читательское восприятие не могло быть индивидуаль-

ным, так как стихи, по всей видимости, переписывались из одного дамского альбома в другой, как это было принято в литературном дворянском быту.

Обращение к наивысшим литературным авторитетам психологически вполне понятно, так как тем самым стихотворным молитвам придавалась непререкаемость поэтической формы, достойная высокого религиозного чувства.

А.Н. Островский очень точно заметил о Пушкине: “Кроме наслаждения, кроме форм для выражения мыслей и чувств, поэт даёт и самые формулы мыслей и чувств” (Русские писатели о языке. Л., 1954. С. 371).

Дневник Елизаветы Васильевны представляет живую иллюстрацию того, как в трагические для неё дни после внезапной смерти горячо любимого брата она обращается для самовыражения и душевного утешения именно к гармонической форме пушкинского стиха.

Сначала она делает лаконичную запись о кончине Николая Васильевича: “21 февраля. Нас постигло большое несчастье. Наш брат, ... (неразборчиво: один?), скончался в Москве, в 8 часов утра в среду, на второй неделе поста, а в воскресенье 24 числа похоронен в Даниловом монастыре возле его друзей Н.М. Языкова и В... (неразборчиво)”. Далее она обращается памятью к пушкинской “Эпитафии младенцу”, с её возвышенно-вдохновенной мыслью, величавой торжественностью и умиротворяющей гармонией:

В сиянье, в радостном покое,  
У трона вечного Творца,  
С улыбкой он глядит в изгнание земное,  
Благославляет мать и молит за отца.

(Известно, что это стихотворение 1828 года было написано Пушкиным на смерть двухлетнего сына декабриста С.Г. Волконского и в знак душевного участия передано в Сибирь его жене Марии Николаевне Волконской (Расвской). Эпитафия при жизни Пушкина не печаталась, но была высечена на каменном надгробии ребёнка в Александро-Невской Лавре, где неоднократно бывала Елизавета Васильевна в годы обучения в Петербурге.)

Соответственно ситуации Елизавета Васильевна перефразирует Пушкина, вкладывая в эту стихотворную переделку и свою глубокую скорбь, и скорбное религиозно-мистическое утешение:

В сиянье, в радостном покое,  
У трона вечного Творца  
В вене без терния, в объятиях отца  
С любовью он глядит на бытие земное,  
Там искушенья зрит, смотря на свой шатер,  
Благославляет мать и молит за сестер.

(Дневник Е.В. Гоголь-Быковой. Ин-т литературы им. Т.Г. Шевченко АН Украины, ф. 17, ед. хр. 150).

Собственные мысли и чувства Елизавета Васильевна как бы санкционирует высокой поэзией Пушкина. Будем же снисходительны к её дневниковой “редакции” пушкинского текста, разумеется, не предназначенной для обнародования.

И дневник, и поэтическая антология Е.В. Гоголь-Быковой дышат неподдельной правдой истории и самоценной жизни личности. В этом случайном осколке тускнеющего зеркала прошлого можно разглядеть внутренний мир русской провинциальной читательницы середины XIX века и вместе с тем духовно-нравственную атмосферу семьи Гоголей, затерянной в глуши далёкой от столиц Малороссии.

*Петрозаводск*

**“...Какой же гений налепит на слово точный ярлык?”****Языковые воззрения М. Кузмина**

А.В. ГИК

Время активной творческой деятельности Михаила Алексеевича Кузмина – первая треть XX века – совпало с бурным периодом в культурной жизни России. Шло формирование новых взглядов на природу творчества, утверждались новые принципы словесного искусства, создавались новые теории поэтического языка. Для М. Кузмина, как и для многих поэтов того времени (ср. работы Вяч. Иванова, Андрея Белого, В. Хлебникова), слово и язык были не только главным “материалом” работы, но и объектом теоретических размышлений.

У Кузмина мы не найдём обобщающих работ, непосредственно содержащих лингвистические воззрения. Однако, единое отношение к поэтическому языку организует все литературно-критические тексты поэта (Дмитриев П.В., Тимофеев А.Г. Библиография критической прозы М.А. Кузмина // *De visu*. 1994. № 5/6 (16). С. 94–112). Критические обзоры Кузмина чаще всего публиковались в “Аполлоне” в 1909–1913 годах. Здесь поэт вёл рубрику “Заметки о русской беллетристике”, реже появлялась его подпись под “Письмами о русской поэзии”, постоянным автором которых был Николай Гумилёв. После революции, в 1918–1923 годах, Кузмин активно сотрудничал в газете “Жизнь искусства” (в 1923 году была преобразована в журнал). Но работы, посвящённые литературным процессам, появлялись в печати всё реже. В единственном сборнике критических статей Кузмина “Условности”, вышедшем в Петербурге в 1923 году, литературной критике отведено мало места.

Предметом осмысления поэта-критика становится язык, используемый в художественных текстах. Кузмин видит качественное отличие между “обыденным” и “поэтическим” языком. Именно “свой язык” отличает одного писателя от другого, делает авторскую манеру неповторимой: “Поэт (А.Н. Толстой) сумел найти и свои слова, и яркие краски...” (Аполлон. 1911. № 2. С. 59). В предисловии к первому сборнику стихов Анны Ахматовой Кузмин пишет: “У поэта манера уже существует...” (см.: Ахматова А. Вечер. Стихи. СПб., 1912. С. 10). В различении понятий “манера”, “стиль”, “лицо” Кузмин опирается на исследование Вяч. Иванова, где говорится, что «у оригинальных поэтов прежде всего появляется своя манера, от которой впоследствии они отказываются для своего “лица”, в свою очередь приносимого в жертву своему

стилю». Можно предположить, что самой высокой оценкой Кузмина было признание за писателем самобытности. Когда у автора нет своего стиля, взгляда на мир, или, что ещё хуже – своего языка для выражения эмоций, то он пишет “крикливо и фальшиво, сбиваясь то в Гоголя, то (...) в А. Белого (только без его смелости) ...”, – замечал Кузмин о повестях и рассказах Сергея Городецкого (см.: Аполлон. 1910. № 8. С. 56 [2-я пагинация]). О прозе К.С. Петрова-Водкина Кузмин говорил: “Художник, (...) который наделён кроме верного глаза и руки, ещё и даром писания, мог бы сделать что-нибудь более занятное, подлинное, простое и впечатляющее...” (Там же. С. 57). «Новизна и “свое” не в том, что вы видите, а каким глазом вы смотрите», – основной пафос критических работ Кузмина (Раздумья и недоумения Петра Отшельника // Петроградские вечера. Кн. 3. [Пг.], 1914. С. 215; далее – Петроградские вечера и стр.).

Любой начинающий поэт находится во власти традиции использования рифмы, метра, ритма стиха. Особенно поражает критика желание молодых писателей работать “как все”. Причём, “как все” для них означает – писать наподобие знаменитых, получивших общественное признание классиков. “И чем выше, чем значительнее то, что принимается как клише, тем оскорбительнее (...) подделка”, – заключает Кузмин, анализируя книги г. Алины, работающего “под Уайльда” (Аполлон. 1910. № 8. С. 57). Поэтические клише и “неизбежные эпитеты” обесцвечивают стихотворения другого автора, делают его стиль безличным: “К нему бежали иудеи... / Лились их речи, как поток” (Аполлон. 1910. № 4. С. 64). В этих стихах Кузмина, вероятно, смутило избитое сравнение: *речь – поток*.

В поэтическом языке Кузмин различает приёмы построения прозаических, стихотворных и драматических произведений. “Для стихов следует принимать во внимание (...) природу стиха. Перед ней может и должна отступать и смысловая и речевая точность” (Переписка А.Г. Габричевского и М.А. Кузмина. (Публикация Лыковой Т.А. и Северцевой О.В.) // Литературное обозрение. 1993. № 11/12. С. 63). Основное в стихотворении – ритм и звук: “С какою-то странной силой / Владеют нами слова, / И звук немилый иль милый, / Как будто романа глава” (Кузмин М. Стихотворения. СПб., 1996. С. 160). Кузмин различает поэзию для “уединённого чтения глазами” и для “конкретного звучания (стихи Кольцова, Некрасова, Бальмонта, В. Каменского, Маяковского)”. В последнем случае «словесный материал должен отвечать особым требованиям, не являясь самоцелью, а “становясь” проводником для интонаций и модуляций». Здесь язык “роднится с произведениями драматическими, законы словесного оформления в которых, совсем иные”, – писал Кузмин в предисловии к книге О. Черемшановой “Склеп Ленинград” (1925. С. 6).

Для прозы, по мнению Кузмина, необходим язык “простой и трез-

вый”. Об этом он пишет в статье “О прекрасной ясности”: “...любите слово, как Флобер, будьте экономны в средствах и скупы в словах, точны и подлинны...” (Аполлон. 1910. № 4. С. 10). Провозглашённые критерии оценки прозы Кузмин применяет на практике. «Язык “Алмаза” (речь идёт о пьесе Е.А. Зноско-Боровского «Крейсер “Алмаз” (Цусима)», 1909. – А.Г.) недостаточно крепок, и впадает то в Чеховский тон, то в слишком разговорный, но никогда не оскорбит ухо фальшивой напыщенностью или безвкусицей». У этого же автора критик отмечает “изобразительное слово и достаточно зоркий глаз” (Аполлон. 1910. № 7. С. 45 [2-я пагинация]). Роман Андрея Белого “Серебряный голубь” Кузмин рассматривает как «наиболее удачное применение тех принципов *прозаической речи* (курсив наш. – А.Г.), которых так страстно, но не всегда плодотворно автор искал в своих “Симфониях”. (...) Конечно, есть длинноты, роман читается не легко, и язык, достигая иногда своеобразно красоты, порой беспомощно заплетается или комично высокопарен, но это как-то не представляется важным, когда видишь подлинность, остроту и размах всего произведения» (Аполлон. 1910. № 9. С. 41).

В прозе поэта можно обнаружить приёмы поэтической речи, а у поэта – приёмы повествовательной манеры. В качестве исключения критик указывает на прозу Зинаиды Гиппиус: «... читая прозу З. Гиппиус, мы не скажем, что это – “проза поэта”, как мы скажем про повести и отрывки Пушкина» (Аполлон. 1910. № 8. С. 62).

Важной характеристикой любого произведения, по мнению Кузмина, является гармоничное сочетание содержательного и выразительного планов. Это соображение особенно ему дорого: “Было бы желательно, чтобы похвальная скромность автора не запрещала ему обращать внимание на русский язык и на соответствие формы содержанию... Если он думает, что любые мысли, кое-как втиснутые в размер терцин, образуют терцины, то он глубоко ошибается” (Аполлон. 1910. № 4. С. 63 [2-я пагинация]). К плану выражения или к форме художественного произведения Кузмин относил и технику стиха. Техნიкой нельзя заменить талант, однако “не знающий или не чувствующий бессознательно техники своего дела, лишён многих достижений” (Петроградские вечера. С.215).

В процессе творчества Кузмин выделяет “два этапа вдохновения, вдохновение замысла и вдохновение осуществления, которое есть преодоление материала...” (Там же. С. 216). Вот на этом-то этапе – преодоления материала – и совершаются писателями главные “ошибки”. Обращаясь к характеру словоупотребления в книге В. Гофмана “Искус”, Кузмин писал: «... в больших дозах все эти “листочки” и “лепесточки” делают нестерпимыми» (Аполлон. 1910. № 4. С. 63 [2-я пагинация]). Излишняя “поэтичность” и красивость, на взгляд Кузмина, несколько портят стихи и пьесу г. Лебедева. В “Заметках о русской беллетристи-

ке” он досаждает на недостаточную “изобразительную яркость языка” только что вышедших “опытов романа” “Неуёмный бубен” и “Половецкий стан” А. Ремизова (Аполлон. 1910. № 7. С. 43 [2-я пагинация]).

Желая показать, как писать не надо, Кузмин приводит небольшие отрывки из текстов. Например, в этой же книжке “Аполлона” находим: «Мы бы посоветовали только г. Дымову обратить больше внимания на русский язык, потому что таких мест, как, напр. – {...}”...тарелки, *которые гадят люди*; очень тяжёлая ступка, *пахнувшая* горьким миндалем, и – отдалённо – матерью, праздником”, достаточно много, чтобы производить досадное впечатление» (Там же. С. 45 [2-я пагинация]).

«Почему знать русский язык не “прогрессивно” и не “сознательно”?» – восклицает поэт-критик и приводит следующие “перлы” из книги В. Башкина: “Старуха разбиралась в *кусте, отмахиваясь от шипов*; единственный зуб смотрел *из-под* бессильно отвисшей *нижней губы*” (Аполлон. 1910. № 8. С. 58). В своих оценках Кузмин правдив и меток. Тонкая ирония, которая сквозит в его критических разборах произведений, должно быть, больно ранила незадачливых авторов: “Мужской инстинкт шёл навстречу тому, что становилось неизбежным”; “О! матери и воспитанницы” и т.д. Всё сплошь написано таким стилем, – замечает Кузмин о романе О. Некрасовой “Утро жизни” и продолжает: “Можно было бы посоветовать разослать эту книгу “матерям и воспитанницам”, при условии, что они (...) не предъявят к автору н и к а к и х художественных требований” (Аполлон. 1910. № 9. С. 34 [2-я пагинация]).

Критик отмечает удачные и не совсем, по его мнению, удачные языковые обороты в том или ином произведении. Так, ему кажется “грешным” употребление “чрезмерного обилия отвлечённых слов для выражения душевных движений”, а «словообразование существительных от любого прилагательного, что повелось с Бальмонта, придаёт стихам вид то отвлечённо-сухой, то ненужно-декадентский: “тёмность”, “светлость”, “победность” (...) “страстность”, “льдиность”...» (Аполлон. 1910. № 8. С. 62 [2-я пагинация]). Заметим: слово *страстность* отлично прижилось в русском языке, однако в то время оно казалось “ненужно-декадентским”.

Теоретические выкладки поэта и его собственное творчество часто не сопоставимы. Поэт всегда пишет о себе и про себя – этот тезис вытекает из мысли о единстве языковой личности. Многие теоретические выводы Кузмина-филолога основываются на авторском представлении об “идеальном” художественном произведении. Говорить об универсальности этих оценок, наверно, не стоит. А в начале века мнение критика-поэта имело большой вес для начинающих и активно печатающихся авторов. Ведь М. Кузмин входил в совет “Общества ревнителей художественного слова” – пресмника “Академии стиха” Вяч. Иванова...

Кузмин обращает внимание на характер семантического согласования слов в поэтическом произведении. Так, он даёт образную характеристику стихов М. Волошина, называет его поэтом-художником (импрессионистом), и замечает: «... остро и сильно чувствуя отдельные к р а с к и, автор смутно представляет себе их с о ч е т а н и я и не особенно заботится об их гармониях. Вообразим себе <...> – на холсте или в природе – хотя бы такую картину: “В волнах – *шафран*, / Колышятся *топазы* ...”» (Аполлон. 1910. № 7. С. 37 [2-я пагинация]). В стихотворениях Зинаиды Гippiус (при общей высокой их оценке) – Кузмин отмечает строки, в которых встречаются “прозаизмы мысли” или “непоэтические способы её выражения: Как мёртвый ястреб лежит в пыли, / *Отдавшись тупо во власть земли*” (Аполлон. 1910. № 8. С. 62 [2-я пагинация]).

По мнению Кузмина, в слове заключена вневременная сущность вещи. Надо только добраться до “корней” слова (поэтических или этимологических), и мы сможем видеть мир таким, какой он есть на самом деле. Кузмин предпочитает жить в реальном, настоящем мире, где “живое, не метафорическое сердце” (Кузмин М. Стихотворения. С. 474). Метафоры мешают проникнуть в сущность вещи (“все метафоры, как дым, повисли”), они “... уйдут кольцом под потолок...” (Там же. С. 541).

Образная система художественных произведений самого Кузмина часто строится на основе сходства по смежности, то есть на метонимии, синекдохе (в предисловии к первой книге Анны Ахматовой Кузмин пишет о “перенесении чувства с человека <...> на вещи, ему принадлежащие” (Ахматова А. Вечер. Стихи. С. 9; ср. Якобсон Р. Заметки о прозе поэта Пастернака // Якобсон Роман. Работы по поэтике. М., 1987. С. 333). Возвращение слова к самому себе становится его вторым рождением, а на роль повивальной бабки назначается поэт: “Отяжелев, слова корой покрылись. / Скорей косматый разбивай кокос!” (Кузмин М. Стихотворения. С. 664). “Главная задача поэта вернуть словам их первобытную чистоту и значительность”, – писал Кузмин в статье “Эмоциональность как основной элемент искусства” (см.: Арена. Пг., 1924. С. 10).

И этот приём – “прибегать к буквальному значению каждого слова, засорённому толкованиями и привычкой...” (Кузмин М. Условности. Статьи об искусстве. Пг., 1923. С. 28) – поэт активно использует в своих художественных и теоретических работах. Истоки слова “театр” помогают ему разобраться в сущности самого театра. “Может быть, нет ни одного слова, имеющего столько значений, или, <...> толкуемого на столько ладов, как слово “театр”. <...> Театр – “зрелище”, вот буквальный смысл. На что можно, стоит и интересно п о с м о т р е т ь» (Там же. С. 27–28).

Языковую игру можно наблюдать и в истолковании поэтом известной формулы “искусство – подражание природе”. В статье “Условно-

сти” из того же сборника Кузмина говорит о том, что все “три слова (...) предполагают неожиданно такое знание трёх определений (искусство – подражание – природа), которое, конечно, значительно менее доступно, нежели с лёгким сердцем в споре брошенный штамп” (Кузмин М. Условности. Статьи об искусстве. С. 11). И Кузмин “раскручивает” штамп: всякое свободное искусство “живёт по собственной природе и творит параллельно природе природной другую свою природу иногда с неисследованными ещё законами” (Там же). Сравните поэтическую “декларацию” самого поэта: “Я книгу предпочту природе, / Гравюру – тени вешних рощ, / И мне шумит в весенней оде / Весенний, настоящий дождь” (Кузмин М. Стихотворения. С. 626).

Исследуя такую “условную естественность”, которой должны обладать подлинные произведения искусства, Кузмин приходит к выводу об относительности правил и законов для поэтического языка. Ведь “одна правдивость и небрежность языка не делают человека поэтом” (Аполлон. 1910. № 8. С. 58 [2-я пагинация]), и “одни и те же слова в устах одного автора могут казаться нормальной речью”, а в другом случае станут “упрощённой стилизацией” (Переписка А.Г. Габричевского и М.А. Кузмина // Литературное обозрение. 1993. № 11/12. С. 64).

Индивидуальность каждого поэта заключается в “особом зрении”. И свой взгляд на мир поэт может выразить различными приёмами и способами. В своей первой поэтической книге Кузмин вкладывает в уста лирического субъекта следующую сентенцию: “Не напрасно мы читали богословов / и у риторов учились недаром, / мы знаем значенье каждого слова / и всё можем толковать седмиобразно” (Кузмин М. Стихотворения. С. 113). В одной из последних поэт восклицает: “Но вышло всё совсем не так, – / И сам попался я впросак. / И яд мне оказался нов / Моих же выдумок и слов” (Там же. С. 473). Слова “расходятся радугой” (Там же. С. 544), и искать сущность, скрывающуюся за ними, приходится вновь и вновь. Наверное, поэтому истинный художник современен, ведь он “живёт во времени и пространстве, но интерес и живая ценность его произведений заключается не в этом” (Кузмин М. Условности. Статьи об искусстве. С. 7).

## СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СЛАВЯНИЗМЫ В ПРОЗЕ Д. БАЛАШОВА

Л.И. НЕФЕДЬЕВА

В последние годы заметно активизировалось использование славянизмов в языке художественных произведений, отличительной чертой которых является обязательное наличие определенной стилистической окраски.

Показателен в этом отношении язык произведений Д. Балашова. В серии романов “Государи московские”, посвященных становлению Московской Руси в XIII–XV веках, автор подходит к материалу как ученый, выверяя каждое слово. В стилистических славянизмах он видит наиболее эффективное средство создания колорита, облика эпохи: “Казна *зело* истощена, но для *таковыя* нужи” (Бремя власти; здесь и далее курсив наш. – Л.Н.); “Имея много множество, и *сребра* и *злата* и *других каменье*в, и утвари *многоценная* и всякого богатства...” (Симеон Гордый); “– Олег, люди бают, хоть и *млад*, суров *зело!*”; “– Ишь ты, мир охипил в *руце своя!*” (Ветер времени) и т.д.

Языку произведений Д. Балашова присуще тесное сплетение синонимичных славянизмов и русизмов. При этом у них совпадают прямые значения, но различается стилистическая окраска: “– Так сделал, – говорит он, все еще смеясь, – и получишь от меня *жизнь!* – Он взглядывает на толмача и повторяет по-русски, для князя, одно слово, означающее жизнь и прощение: – *Живот!*” (Бремя власти); “Она освободила *руки* из его *дланей...*” (Ветер времени); “...Анастасия (...) ласкает мужа, гладит ему бороду, разглаживает пальцами складки на *лбу*, все еще удивляясь, что он рядом, следит в скудном плывущем свете лампадки поднятое вверх, с задранной бородою дорогое *чело!*” (Бремя власти). В приведённом примере именно славянизм *чело* употреблён в значении “облик любимого человека”.

Удачно Д. Балашов сочетает стилистически разнородные элементы: “Высокий и широкий Андрей раздвинул румяные щёки, усмехнувшись слегка, дрогнули усы, крепкие мощные *длани* приподнял от столешницы (такими *лапами* не в труд удавить медведя)...” (Бремя власти). На этом примере наблюдаем переплетение книжной и речевой стихии.

Стилистические славянизмы помогают создать писателю картину минувших событий и придать поэтичность повествованию: «Ветер шумит в листве, холодит лицо. Встал *ветр* со встречной, ордынской стороны, едва не опруживало лоды (*...*). И только *ветр*, чуя горечь далё-

кого пути, ярится и свищет, и рвёт пену с кипящей воды, и не пускает, и держит княжеские насады. “Не езд” – поёт ордынский ветер, сгибая высокие деревья...»; “ – ... *Зри: живой огонь* (<...>) Но убери *сей огонь*, станет ли там тепло? И, напротив, не для того ли *горнего* тепла *огнь сей возжигают*? Похотети здесь чистоты *воздушныя* – загасити *огнь*, и *хлад* обнимет не *токмо* те вышние горницы, но и сию дымную келью ознобит!” (Бремя власти) и т.д.

Д. Балашова можно назвать художником орнаментальной прозы, а свои узоры он рисует при помощи стилистических фигур, которые усиливают выразительность повествования. Наиболее часто писатель сопоставляет логически противоположные понятия или образы: “Словом, *лик* надобно писать, не *лицо*, то, что светит, что свыше!” (Симеон Гордый). Как известно, традицию древнерусского иконописного искусства отличало высокое мастерство, поэтичность изображаемого образа, поэтому слово *лик* употреблено здесь как “изображение лица святого на иконе”, то есть лица значительного, одухотворённого, а не только в обыденном смысле этого слова – “лицо”.

“*Город*, показавшийся в первый приезд скучным скоплением бревенчатых хором, начал приобретать вид прилепый. Храмы, малые, но своеобразной, по-своему приятной архитектуры, расставленные по четырём сторонам, обочь и прямя княжего дворца, означили площадь внутри *града*” (Бремя власти). Здесь *город* противопоставляется *граду*. Попутно заметим, что только после создания в городе храмов его можно было величать градом. Еще пример: “И чьей *головой* покупати будет трудный мир с ханом: Александровой али его, *Калиты*, *главою*?” (там же). Иван Данилович Калита – великий князь владимирский, московский властитель, по отношению к нему оправданно применён славянизм.

Не менее выразительным приёмом, которым пользуется Д. Балашов, выступает градация (расположение слов в порядке нарастания смыслового и эмоционального воздействия): “Он неволью выпрямил *плечи*, замер, смутно ощущая порфиру на *раменах* своих” (Бремя власти). Симеон, сын Ивана Калиты, ощутил себя будущим наследником престола. Славянизм *рамена* употреблён в значении “плечи будущего царя”.

В основном, эту стилистическую фигуру писатель строит на постепенном нарастании значимости: “Ибо знал: из *семени* прорастает *росток*, из *ростка* – *древо*, а кроною *древие* то накроет и те края, где ныне запустения духа и угнетение веры православной” (Ветер времени).

Глубже осознать высказанную мысль помогает символ непрерывности движения, то есть повтор последнего слова или группы слов в начале следующего предложения: “Да, смертному тварному существу не дано постигнуть незримую суть самого Божества, но энергии, истекающие от него и созидающие сей мир – *зримы!* *Зримы* в явлениях и, как

свидетельствует опыт монашества первых веков и опыт старцев афонских, могут быть постигнуты не токмо мысленным взором..." (Симеон Гордый).

Интонационно-ритмическое звучание речи автор создает с помощью всех видов повторов, использованием ритмичных равночленов и перекрёстного расположения параллельных членов в двух смежных словосочетаниях или предложениях: "Мне этого не *узрети*. И ты не *узришь*" (Бремя власти); "*Ведаю* я речи, что промеж вас велись в тереме этом! *Ведаю*, что сами хотели убить Алексея Хвоста. *Ведаю!*" (Ветер времени); "Не место красит *мужа*, а *муж* место" (Симеон Гордый). "Со всеми ними Сергей переносил вместе *глад*, *хлад* и всяческую *скудоту* первых годов подвижничества..." (Ветер времени); "И ради него стоило терпеть *лишения*, *глад* и *хлад*, ради него одного стоило нести бремя жизни..." (Там же); "И это каждый год, и всю жизнь, невзирая на тощие *лета*, на *дожди* и *мразы!*"... (Симеон Гордый).

Стилистические славянизмы придают высокий духовный настрой произведениям Д. Балашова. "Не хлебом *единым!* Но *глаголом*, *ежечасно* *исходящим* из уст *божших*, жив человек! (Симеон Гордый); "Честным крестом и пресвятой матерью Богородицей клянусь: *егда* погибнет брат мой старейший в Орде, не ослабну духом (...)" (Бремя власти); "И, подобно лавре Киевской, духовный *кладезь* также открыт в новой столице!" (Ветер времени) и т.д.

Культура слова в историческом жанре должна быть особенно высокой как высока ответственность писателя за сказанное. Использование стилистических славянизмов в прозе Д. Балашова осмысленно, оправданно и отвечает внутреннему тону его произведений.

В настоящее время возрождаются духовные традиции, создаются новые условия для использования словарных богатств языка. "Это язык, которому доверяли самые высокие мысли, на котором молились, на котором писали торжественные слова. Он все время был рядом с русским народом, обогащал его духовно" (Лихачев Д.С. Книга беспокойств. М., 1991).

Орехово-Зуево,  
Московской области



## *Стихи Анны Присмановой*



Анна Семёновна Присманова (1892–1960) родилась в Либаве (Латвия), стихи начала писать в отрочестве. В 1922 году эмигрировала в Париж. Входила в поэтическую группу “4+1”: “Четыре плюс один” (Г. Венус, С. Либерман, В. Сосинский, В. Андреев, А. Присманова), издавшей свой первый сборник в Берлине. Вступительная статья к нему – поэтический манифест – вышла из-под пера Владимира Сосинского и называлась “Улыбка на затылке”. “Новое поэтическое мировоззрение, – писал известный эмигрантский критик К.В. Мочульский, – сводится к умению улыбаться жилеткой, ибо искусство трагично. Стихи самоновейшие, с железобетоном и машиностроительством, но без синтаксиса.

Не песня – смесь тугих антенн,  
Не щebet – глыба глотки.

Да, искусство трагично” (Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1925. Кн. 1. С. 66).

В 1937 году в Париже вышел сборник её стихов “Тень и тело”, в 1946 году “Близнецы” (Вторая книга стихов), затем “Соль” (Третья книга стихов. Париж, 1949) и в 1960 году поэма “Вера”, посвящённая известной русской революционерке Вере Фигнер. Анна Присманова умерла 4 ноября 1960 года. Похоронена на парижском кладбище Тиз. Воспоминания о ней оставил в своих мемуарах “История одного путешествия”.

вия” (М., 1974) Вадим Андреев: «Аня Присманова была удивительным человеком, поражающим при первой встрече своим некрасивым лицом, наивной непосредственностью, душевным очарованием, весёлым талантом и восторженностью. Она писала стихи, не в пример моим, яркие и солнечные, полные жизненной энергии.

Схватить бы мир! Задать бы пир!  
Запечь бы звёзды в бублики!  
Будет с нас стенанья лир,  
Теперь давайте в бубны бить.

(...)Никто, кроме Ани Присмановой, не мог так весело “прозвенеть” заражающие радостью строчки:

Мой друг вскочил с разбега  
в мою степовую жизнь.  
И брызнула бубенцами телега,  
и степь моя – солнцем брызнула».

Критика отметила в поэзии А. Присмановой “крепкие, немного грубые, вполне конкретные образы (в её стихах большую роль играет система повторяющихся, часто антитетических образов)”; Г. Струве поставил ей в вину смелое экспериментирование с языком. Нарушения эти он объяснял тенденцией к гротеску (Струве Глеб. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956. С. 336). «Поэзия Присмановой “умственная” и умствующая, в ней мало чувства и мало “музыки”, но “ей удалось создать свой особый мир, и стихи её всегда интересны”» (Там же. С. 337).

“Слова у неё... отяжелевшие, набухшие, совсем не нарядные, не уверенные в своём испытанном волшебстве слова, и любит она их за их узлы и бугры, а не за приятную стёртость их поверхности”, – писал в рецензии на сборник Присмановой “Тень и тело” известный эмигрантский критик В.В. Вейдле (Современные записки. Париж, 1937. Т. 63. С. 408).

В поэтическом языке Присмановой уравниены высокое и низкое, трагическое и смешное: всё переплелось и перепуталось. Произвольно обращаясь с традиционной символикой, Присманова даёт своеобразное “наложение” образов, нанизывание несходных вещей и предметов. Свободное блуждание вокруг смысла слова, сочетание разнотипового не связывается с вопросом почему? как? Общение с предметом делает его полноправным партнёром “действия”:

На листьях осеннего цвета  
блеск месяца сосредоточен.  
Совместно из тени и света  
Слагается живопись ночи.  
Ночь. Кошка гуляет вдоль крыши  
поросшего мохом сарая,  
а прямо над кошкой и выше  
сияет вместилище рая.

Направо зияние, вроде  
могильной дыры, а налево  
спокойно блестят в огороде  
плоды допотопного древа.

Луна ... с дикой тягой к томленью,  
проявленной воем собаки,  
и рознь между страстью и ленью  
встречающая нас во мраке.

Иррациональность мира чаще всего представлена в сопоставлениях “далековатых” вещей и понятий, для которых объединяющим становится только ассоциативный фон и притягивающая звукопись:

Ему друзьями черви были книг,  
забор и звёзды, пение и пена. (...)  
Верни его зерном для голубей,  
сырой сиренью, сонным сердцем мака...

(“Памяти Бориса Поплавского”)

Присмановой была близка мистика неодушевлённых предметов. Стихотворение “Рука” – рассказ о бронзовой руке памятника А.С. Пушкину на Страстном бульваре, которая “была живой – из мяса и костей, / чтоб кровью напоенная здоровой, / зимой не застывать, как истукан, / а трепетать на стане Гончаровой, /с приятелями поднимать стакан, /снимать нагар с мягкосердечной свечки, / И, выпустив неверный пистолет, / упасть на белый снег у Чёрной речки... / но в бронзе встать для нас чрез много лет”.

Материальная заземлённость поэтических тем у Анны Присмановой ощутима даже в заголовках её стихотворений: “Лист”, “Песок”, “Кость”, “Открытка”, “Труба”, “Рыба”, “Раковина”, “Водолаз”, “Улитка”, “Горло”, “Лошадь”. О названии её книги “Соль” А. Бахрах отозвался так: «При её склонности к семантическим перестановкам и к своего рода игре значениями слов трудно заранее установить, что хотела она сказать столь целомудренным заглавием? Определяет ли она новую книгу свою, как “соль” своего творчества (...) или эта “соль” – есть соль её слёз, “соль её сердечных сил”? Толкований и расшифрований, впрочем, возможно здесь великое множество» (Бахрах А. Семеро в поисках своего “я” // Новоселье. Нью-Йорк, 1950. № 42–44. С. 216).

Некоторые образы и темы у Присмановой выглядели мучительно-навязчивыми, например, лик луны и лунные пейзажи, своеобразно оза-ряющие её поэтические монологи.

Неосторожно названная Анной,  
я родилась с ущербною луной.

(“Соль”)

Не солнцем – нет, одной луною  
увы, глаза мои полны.  
Мне кажется, и днём со мною  
далёкое лицо луны.

Оставшись с полною луною  
в полночный час наедине,  
притянутая вышиною,  
я обращаюсь лишь к луне.

(“*Не солнцем – нет...*”)

Мир Присмановой подобен аквариуму, создающему изломанность отражений, искажённых, трансформированных стеклом и водной поверхностью:

В стекле своём спускаюсь я на дно,  
с искусственным, как водолаз, дыханьем.

(“*Водолаз*”)

Ужель так трудно попросту любить  
Идя к концу дорогой неотложной?  
Но ты в стекле, его нельзя разбить.  
За ним безумье. Будь же осторожной.

(“*Родители забыли положить...*”)

«В своих трудных строках (Присманова) поведала о той “горькой сладости” литературного творчества, на которую судьба обрекает только подлинных поэтов (...). Больше всего в жизни ей недоставало именно диалога» (А.Б. Памяти Анны Присмановой // Мосты. Мюнхен, 1961. № 6. С. 366, 368).

Я говорю, о сердце, много лет,  
и я измучена беседой тою.  
Но собеседника, к несчастью, нет:  
– я разговариваю с пустотою.

Она, несомненно, была Марией, а не Марфой, если следовать известной евангельской легенде, избрав благую участь – творчество, не погрязнув, подобно Марфе, “в прахе бытия”. Об этом её стихотворение “Сёстры”.

Слово – одна из важнейших тем в поэзии Присмановой. Недаром эпиграфом к книге “Соль” взяты строки Каролины Павловой:

Кто тщетно ищет – не беднее  
того, быть может, кто нашёл.

“Присманова так проникнута святостью своего труда, что только о нём и пишет”, – заметил В.В. Вейдле в уже цитированной рецензии (Современные записки. Т. 63. С. 409).

Никто сказать душе такой не вправе,  
что сон её построен на песке.  
Бывает сон, что явственнее яви,  
и слово, что висит на волоске.

У слов таких возвышенна основа.  
Они – не для бумаги и чернил...  
И Осип Манделъштам такое слово  
С тяжёлым камнем некогда сравнил.

(“*Рука*”)

Она писала на русском языке в чужом для неё Париже, всем сердцем осознавая хрупкость ею созданного:

Напрасно нас преследует язык,  
что языком детей уже не будет.  
Скрипучие, российские возы  
В столице Галлии нас не разбудят.

(“Пепел”)

Своеобразную гротескную манеру изложения наблюдаем и в прозе Присмановой. Вот отрывки из рассказа “О городе и огороде” (Мосты. Мюнхен, 1966. № 12):

“Это был город музыкальных лавок и старых дев. Девы были музыкальны, а лавки старомодны, так что с тем же успехом можно бы сказать, что это был город музыкальных дев и старых лавок.

Самая длинная улица в городе была одновременно самой кривой”.

«Летом перед красной пастью лавки прыгали два тщедушных близнеца Адам и Эва. Они были в передниках с крылышками и различались только тем, что у Эвы мотались над спиной две морковные косички. Эта райская детвора отличалась адским характером и при приближении первой учительницы второго класса – долговязой Мальхен – неизменно напевала: “Раз, два, три, четыре, пять – вышла выдра погулять”» (С. 39).

“... В то время, как тощий, преданный фармацевтической науке юноша растирает у стойки целительные порошки, в спальне за аптекарским складом умирает от неизлечимой болезни жена одутловатого провизора.

Вдоль провинциальных домов проходит губитель женских сердец – врач по женским болезням. Проходит стекольщик – обладатель алмаза и козлиного голоса. Проходят грузчики. Проходят годы...” (С. 40).

Известная нам мемуарная литература скупо рассказывает о последнем периоде жизни этой интереснейшей, ни на кого не похожей поэтессы. Она была женой эмигрантского поэта Александра Гингера. Они жили в Париже и в годы нацистской оккупации скрывались у друзей и знакомых. В послевоенные годы Присманова вместе с В. Корвин-Пиотровским принимала участие в создании поэтической группы “Формалисты”. В России о творчестве Присмановой до недавнего времени знали немногие. В некрологе о ней, напечатанном в журнале “Возрождение”, говорилось, что от нас ушла “большая христианская душа, скорбевшая о всех человеческих скорбях” (Горская А. / Гривцова А. А. / Памяти А. Присмановой // Возрождение. 1960. № 108. С. 113).

Л.М. Грановская,  
доктор филологических наук  
Баку



## АННА ПРИСМАНОВА

\* \* \*

Родители забыли положить  
в дорогу мне стремление к кипенью.  
Я медленно, я поздно стала жить,  
умея отдаваться только пенью.

О, сердце, над которым голова  
неустранимой тяжестью нависла!  
Произношу я прежние слова,  
но все они полны иного смысла.

Когда я говорю: среда и долг,  
читайте: сердце и неутолённость.  
Пусть вдоль дорожки муравьиный полк  
влачит свой груз, к труду имея склонность...

О музыка, о чистая звезда,  
лучистая дорога в перелеске.

К родителям сырая борозда,  
и утром крест окна на занавеске.

Лист осени летит, желтит окно –  
полёт нередко вызван высуханьем.  
В стекле своём спускаюсь я на дно  
с искусственным, как водолаз, дыханьем.

Ужель так трудно попросту любить,  
идя к концу дорогой неотложной?  
Но ты в стекле, его нельзя разбить,  
За ним безумье. Будь же осторожной.

### *Памяти Бориса Поплавского*

С ночных высот они не сводят глаз,  
под красным солнцем крадутся, как воры,  
они во сне сопровождают нас –  
его воркующие разговоры.

Чудесно колебались, что ни миг,  
две чаши сердца: нежность и измена.  
Ему друзьями черви были книг,  
забор и звёзды, пение и пена.

Любил он снежный падающий цвет,  
ночное завыванье парохода...  
Он видел то, чего на свете нет.  
Он стал добро: прими его, природа.

Верни его зерном для голубей,  
сырой сиренью, сонным сердцем мака...  
Ты помнишь, как с узлом своих скорбей  
влезал он в экипаж, покрытый лаком,

как в лес носил видения небес  
он с бедными котлетами из риса...  
Ты листьями верни, о жёлтый лес,  
оставшимся – сияние Бориса.

## *Сёстры*

2.

Когда счастливой матерью семьи  
становится ленивая Мария,  
лишь к вечеру, не ранее семи,  
плита её бушует, как стихия,  
и дети, сев вдоль кухонной скамьи,  
кладут на доски рученьки сухие.

Мария варит суп из топора  
и моет пол в лазоревом уборе.  
Весной она уходит со двора  
с высокими зарницами во взоре...  
Её запущенная детвора  
сидит в худых штанишках на заборе.

В её квартире зарево и гам.  
Дожди и снег идут в её квартире...  
На страх соседям (и на страх врагам)  
она ложится в три или в четыре.  
Шлёт зайчиков луна к её ногам:  
она играет, при луне, на лире.

И к ней (сидящей с зайцами у ног  
и в то же время – с музыкой у чрева)  
приходит муза северных дорог  
с большим крылом направо и налево.  
Так – некогда – к Марии на порог  
могла являться Пресвятая Дева...

Гнездо, Мария, со стараньем вей:  
ты от хулы должна оборониться.  
Рассветный воздух сделался живей  
и месяц начал к западу клониться.  
а ты...ты всё не спишь. Ты – ночи птица:  
сова? едва ль! скорее соловей...

Увы, родная Марфина сестра –  
непрочная опора для семейства:  
она не носит дойного ведра  
и в полдень сонные свершает действия...  
Пусть днём она не делает добра,  
но ночь её – во власти чародейства.

Днём спит она, сжимая в кулаке  
свой первый палец. Странную картину  
являет ночь: совместно в котелке  
Мария варит и грибы и тину.  
Четыре паука на потолке  
плетут одну и ту же паутину.

Пока пчелоподобная жена  
часы полезным отдаёт работам,  
Мария застывает у окна,  
подняв лицо к божественным высотам.  
Она сродни лунатикам – она  
тревожит лиру по нездешним нотам...

Но упрекнуть придется мне её  
за то, что люлька у детей сырая,  
что у неё не глажено бельё,  
что грабли зацветают средь сарая,  
что стало мхом вязание её  
и что игре её – не видно края,

ещё – за обвалившийся плетень,  
за всё в саду погибшее богатство,  
за каждый без труда убитый день,  
за вечное с мечтою панибратство,  
за праздность, за лирическую лень,  
короче – за земное тунеядство.

Мария в узах брачного кольца  
кой-как своё свершает бабье дело.  
Она готовит душу для конца.  
Но будет ли душа сильнее тела,  
и свет её посмертного лица  
таким живым, каким она б хотела?..

## *Воспоминание*

Всё клонится, и всё идёт ко сну.  
Закат лучи и тени удлинит...  
Последнюю и первую весну  
во мне рука любви соединяет.

Так много о любви прочла я книг,  
что книгою любовь к любви убила,  
и всё-таки, душа, в последний миг  
я вспомню только то, что ты любила:

то было небо с бледной синевой,  
вдоль набережной шов травы весенней,  
и стук копыт по чистой мостовой  
в пустое утро, в утро воскресенья.

То был туман с мерцаньем фонарей,  
и тусклых вод текущие траншеи,  
и груди чаек, реющих вдоль рей,  
и грусть лебёдок, вытянувших шеи.

То был наш порт (за соль, за ветер, за  
превозмогающий нас вой сирены...)  
То были также светлые глаза –  
шли мученики с ними на арены.

Пусть три сестры – надежда и любовь  
и вера – злом неверия убиты:  
всё потеряв, мы всё находим вновь,  
пред тем как лечь для тления под плиты.

## *Лист*

Мы знаем лист (бездушный) для письма  
и лист, рождённый деревом деревни.  
Они теперь расходятся весьма,  
но был меж них звеном папирус древний.

Вот новый месяц кажет нам рога,  
и новый лист рожком рождают почки.  
Весною птичий вид у пирога,  
и даже Диоген спешит из бочки.

Рога вола причастны к рождеству,  
но смерть меж них вгоняют на рассвете.  
Крушение существ, по существу –  
единое, что держится на свете.

О кривизна забытого креста,  
о белизна волны за пароходом...  
О белизна бумажного листа,  
оставленного нами пред уходом.

## *Прости*

Когда надумает расстаться  
Моё дыхание со мной,  
Я не смогу уже остаться  
На затверделости земной.  
Когда в лампаде мало масла,  
Когда у свечки сала нет...  
Но прежде чем она погасла,  
Она даёт высокий свет.

Прости меня, что не блистала  
Я в полдень полной красотой,  
Зато полуночью листала  
я листья книги золотой,  
той самой, что рассталась с глиной,  
и всю меня несёт туда,  
откуда кажутся равниной  
ущелия и города.

*“Номер двадцать шесть...”*

Ночь. Туман. Ограда сквера.  
Снег. Фонарный столб в кремне...  
В снеговом тумане Вера  
неотступно снится мне.

Со счастливым детством сзади,  
с казематом впереди,  
с сердцем – сострадания ради –  
с волосом, входящим в осень,  
с волей, жёсткой, как скелет,

с головой, от пыли серой,  
с блеском вечности на лбу –  
провела живая Вера  
в незакопанном гробу.

Ладога белила волны  
в день осенний, но сухой.  
Синий воздух, ветром полный,  
жёлтой шелестел трухой

в день, когда к глухим воротам  
шла охрана с Верой, с той,  
что свободою и потом  
заплатила за постой.

Милая, на снеге талом  
ты ли с немотой вдвоём?  
Помнишь, девочкой читала  
я о подвиге твоём...

Через мост (увы, мост вздохов!),  
через сетчатый пролёт,  
через караула грохот –  
шла ты годы напролёт

в разрушительно-молчащий  
склеп, что выстроила месть,  
в залитый асфальтом ящик –  
в ящик номер двадцать шесть.

## *Анна*

Не верь тому, что тайной связи нет  
у имени с душою. В день туманный  
явилась я на белый свет  
с душой настроенной на имя Анны.

В сентябрьский день, на сквере, в порту  
рождён был мир мой, слову посвящённый.  
Свой первый слог прочла я на борту  
рыбачьей барки, солнцем освещённой.

Движенье твёрдой северной волны  
давало мне начальные уроки,  
и стала я средь ночи вдоль стены  
писать наощупь грамотные строки.

И так легко казалось мне писать,  
как за субботой встретить воскресенье,  
как золоту деревьев повисать  
над стынувшим стеклом воды осенней.

Взволнована словесным рождеством,  
я писчий лист слезою оросила,  
но книга жалоб стала торжеством  
моим и неотъемлемою силой.

Вокруг себя не видя ни души,  
чтоб утолить мой голод без предела,  
взяла я пеньё пиццей для души  
и долгий сон – питанием для тела.

Парение, высокий дар богов,  
соединив с настойчивостью нрава,  
полёт – с невозмутимостью мозгов,  
на листик лавра я имею право.

Куда б ни шла средь золотого дня,  
к победе я иль даже к пораженью,  
я благодарна тем, кто для меня  
явился побудителем к движенью.

Я благ любви другим не в силах дать  
(я знаю, не к лицу мне воркованье),  
но я хотела б дать им благодать,  
чтоб оправдать своё существованье.

Незыблемо старание сие,  
но благодать – незванный гость и странный...  
И кажется, чрез это бытие  
я пронесу напрасно душу Анны.

### *Открытка*

Озеро трепещет серебром.  
Трепетны ещё иные вещи.  
Например, за кожей и ребром  
сердце ожидающих трепещет.

Собирает пенная кайма  
семь неуловимых излучений...  
Так меж строк открытого письма  
скрыты строки внутренних речений.

Славно блещут камушки на дне.  
Трудно славу добывать словами...  
... Я не для неё наедине  
в рифму разговариваю с вами.

### *Из цикла “Луна”*

Наступает лето бабы –  
осень ранняя... Одна  
(наступая на ухабы  
неба) шествует луна –  
с бледным ликом человечьим,  
коему противна тьма,  
наделённая увечьем,  
коим стражду я сама.

Я давно луне хотела  
странные сказать слова:  
друг мой, у тебя нет тела,  
есть – одна лишь голова.  
Поражая худобою –  
не за стрелкой часовой,  
двигаюсь я за тобою,  
странницу неживой.

Не имея к делу дела,  
не желая ничего,  
в виде головы без тела,  
отделившись от него –  
может быть, и ты слепая  
(так же страстно, как и я)  
ищешь – к праху прилиная –  
воплощенье бытия?

\* \* \*

*Вл. Ходасевичу*

Разве помнит садовник, откинувший стёкла к весне,  
как всю зиму блистали в них белые стебли мороза?  
Разве видит слепой от рожденья, хотя бы во сне,  
как пылая над стеблем весною красуется роза?

Проза в полночь стиху полагает низжайший поклон.  
Слёзы служат ему, как сапожнику в деле колодка.  
На такой высоте замерзает воздушный баллон,  
на такой глубине умирает подводная лодка.

Нас сквозь толщу воды не услышат: кричи – не кричи.  
Не для зверя рожок, что трубит на осенней ловитве.  
Ведь и храм не услышит, как падает тело свечи,  
отдававшей по капле себя на съеденье молитве.

\* \* \*

Так сердцем движимый скелет  
ещё стоит, сидит и ходит,  
и даже петь про этот свет  
в себе стремление находит.  
С грехами многими в борьбе,  
послушна внутреннему сдвигу,  
словами о самой себе  
заполнила я эту книгу.  
Пусть личное в себе любя  
мы тщетно беспокоим лиру –  
мы все проходим чрез себя,  
чтоб постепенно выйти к миру.



*Дискуссионные проблемы русской орфографии****Вести из Орфографической комиссии РАН***

*В.Ф. ИВАНОВА,  
доктор филологических наук*

Как известно, правильное письмо (без разнобоя) – необходимый компонент общенациональной культуры. Такое “нормированное”, кодифицированное письмо не возникает само по себе. Оно устанавливается специалистами. Только в орфографии норма и кодификация совпадают. Работа по кодификации орфографии многотрудна и не очень престижна. И тем не менее в ней всегда участвует такая высокая научная инстанция, как Академия наук.

Не углубляясь в далекое прошлое, скажем, что известную книгу “Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне” академик Я.К. Грот писал по поручению Академии наук (1 изд. 1873, 2 изд. 1876).

“Правила русской орфографии и пунктуации” (1956 г.), которыми мы пользуемся до сих пор, были утверждены Президиумом Академии наук СССР, а также Министерством высшего образования и Министерством просвещения (т.е. правительством). И Орфографическая комиссия, их подготовившая, называлась правительственной. Так социально высоко оценивалась работа по орфографии. С тех пор прошло более 40 лет. И сейчас попытки усовершенствовать русскую орфографию также осуществляются под эгидой Академии наук.

Две “промежуточные” орфографические комиссии (под руководством акад. В.В. Виноградова и акад. В.И. Борковского) также были академическими, но их предложения не были приняты, хотя от комиссии, работавшей под руководством акад. В.В. Виноградова (1962–1964 гг.) остались очень ценные публикации.

Ныне действующая Орфографическая комиссия была создана в 1989 г. Ее председателем был академик Д.Н. Шмелев, а после его кончины в 1993 г. председателем был назначен член-корреспондент РАН Ю.Н. Караулов. В создании новой редакции “Свода правил русского правописания” участвует и сектор орфографии и орфоэпии (его руководитель д.ф.н. С.М. Кузьмина) Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Процесс создания новой редакции “Свода правил” требует большого количества публикаций для того, чтобы познакомить научную общественность с основными направлениями изменений, вносимых в современную орфографию. Уже опубликованы такие основополагающие статьи, как: С.М. Кузьмина, В.В. Лопатин. К лингвистическому обоснованию “Свода правил русского правописания” (новая редакция) // Русистика сегодня. 1996. № 1. С. 88–102; В.В. Лопатин. Орфография: саморазвитие и упорядочение // Вестник РАН. 1997. № 8. “Подготовленный проект нового свода правил ... детально обсуждается на заседаниях Орфографической комиссии. По завершении этого этапа работы над проектом предполагается публикация его ограниченным тиражом для дальнейшего обсуждения в авторитетных научных центрах, вузах, ведомствах системы образования...”, – говорится в этой статье.

Основная цель проекта нового Свода – привести правила правописания в соответствие с современным уровнем лингвистической науки и с современным состоянием языка. Для этого создается уникальный лингвистический комментарий к новому “Своду правил”. И хотя изначально перед составителями новой редакции Свода не ставилась задача реформирования правил, несоответствие действующих рекомендаций орфографической практике вызвало необходимость изменения и самих написаний. Так, изменения коснулись правил слитного и дефисного написания некоторых разрядов сложных слов, употребления прописной буквы и некоторых других случаев. Кроме того, в Свод введены новые разделы, которых не было в Правилах 1956 г. Среди них краткий очерк

русского письма в его отношении к звуковой системе языка. Напомним, что фонетический очерк предварял и “Спорные вопросы...” Я.К. Грота, но в рассматриваемом проекте фонетический очерк дается на фонемном уровне. Поскольку же в современной лингвистике представлены две фонологические школы, то уровню современной лингвистики соответствовало бы и изложение позиций другой отечественной школы (или хотя бы упоминание об этом).

Первый раздел новой редакции правил орфографии посвящен употреблению букв независимо от того, в каких словах эти буквы встречаются (это правила графики). Во втором разделе новых правил орфографии содержатся правила буквенной передачи значимых частей слова (морфем). Они даются достаточно полными списками (См. об этом статью В.В. Лопатина “Русские суффиксы: фонематический состав и орфография” // Филологический сборник. К 100-летию со дня рождения академика Виктора Владимировича Виноградова. М., 1995. С. 293–299). Принципиальное значение имеет во втором разделе правил выделение особого подраздела “Безударные беглые гласные”.

Усиление внимания со стороны авторов проекта именно к языку обосновывается появлением новых языковых ошибок в прессе. Так, в современных газетных текстах появился как бы новый вид “соревнования”: одни газеты пишут “займ” (выводя эту форму из косвенных падежей: *займа, займу* и т.д.), другие правильно дают “заём”. Ср. *заёмный, заёмщик*. А радиостанция “Маяк” даже создала новое сложносокращенное слово “Сберзайм”.

Вопрос о правописании гласных в безударных глагольных окончаниях рассмотрен в новом своде правил с использованием понятия усекаемости и неусекаемости глагольной основы, разработанного применительно к проблеме определения типа спряжения глагола А.А. Зализняком (Подробнее см.: Зализняк А.А. К вопросу о правописании безударных гласных в глагольных окончаниях // О современной русской орфографии. М., 1964. С. 132–139).

Больше всего изменений пришлось ввести в раздел о слитных, дефисных и отдельных написаниях и в правила правописания прописных букв. Так, в связи с изменившимся отношением к религии предлагается писать с прописной буквы слова *Пасха, Рождество, Крещение, Троицын день, Рамазан* и др. подобно тому, как пишутся названия любых праздников (*Новый год, Первое мая* и т.п.); впервые вводятся рекомендации по написанию таких слов, как *Бог, Господь, Богородица*. Однако в устойчивых сочетаниях, широко употребляющихся в разговорной речи вне прямой связи с религией, рекомендуется писать слово *бог*, а также *господь* со строчной буквы: *бог знает что, убей меня бог, не приведи господь* и т.п.

Существенно отличаются рекомендации нового свода от прежних в отношении названий органов власти. В Правилах 1956 г. все слова в на-

званиях органов высшей власти писались с прописной буквы: *Верховный Совет СССР, Верховный Суд СССР* и т.п. Новый свод правил предлагает писать с прописной буквы только первое слово названия: *Федеральное собрание РФ, Государственная дума, Конституционный суд РФ*.

В новом своде правил фиксируется десемантизирующая функция прописной буквы в составных топонимах: *Царское Село, Кузнецкий Мост, Марьино Роцца, Чистые Пруды* и т.п. При этом не нужно менять написание *Пруды* на *пруды*, если они после высыхания вновь наполнятся водой. В книгах издательства “Просвещение” в его адресе указывалась *Марьино роцца*, хотя даже обзор с высоты Останкинской башни показывал, что никакой роцци в этой округе нет.

В новом своде делается шаг в сторону отмены семантико-синтаксического принципа правописания сложных прилагательных. Практика ему не подчинялась, и была выдвинута идея построить правило на основе формально-грамматического принципа (наличие или отсутствие суффикса в первой части сложения). Эта идея изложена в книге Б.З. Букчиной и Л.П. Калакуцкой “Сложные слова” (М., 1974).

Самый трудный вопрос нашего правописания – это употребление одного и двух *Н* в суффиксах причастий и прилагательных типа *варёный картофель* и *свежеваренный картофель*. В новом своде делается попытка решить этот вопрос на основе идеи Н.А. Еськовой и лингвистической рациональности построения этого правила с опорой на вид глагола.

Изменений в новой редакции Свода довольно много, при этом правила орфографии строятся как отражение языка во всех его тонкостях.

Следует подчеркнуть, что данный проект Свода еще будет дорабатываться с учетом замечаний и предложений, которые в процессе его обсуждения ожидаются в Орфографической комиссии по адресу: 121019, Москва, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Орфографическая комиссия.

## Дискуссионные проблемы русской орфографии



## О написании сочетаний с приложениями

Н.А. ЕСТЬКОВА.

кандидат филологических наук

В подготавливаемом новом орфографическом своде для данной категории написаний предлагаются изменения некоторых рекомендаций и уточняются отдельные формулировки с тем, чтобы подвести под правила реально встречающиеся написания.

В действующем орфографическом своде о сочетаниях с однословными приложениями речь идет в § 79 п. 14, к которому дается несколько примечаний. Основное правило рекомендует писать через дефис сочетания с приложениями, следующими за определяемым словом (*мать-старуха*, *Маша-резвушка*, *Аника-воин*). В примечаниях для ряда сочетаний узакониваются отдельные написания.

Примечание 1 касается сочетаний типа *красавец сынишка* (в которых первое слово “может быть приравнено по значению к прилагательному”). В новом своде эти случаи подводятся под общее правило, т.е. узакониваются написания *красавец-сынишка*, *старик-отец*, *проказница-мартышка*.

Кроме того, новое правило в большей степени учитывает смысловые соотношения между существительными, входящими в сочетания.

Примечание 3 указанного выше п. 14 § 79 действующего свода выглядит так:

“Дефис не пишется также:

а) в сочетании имени нарицательного со следующим за ним именем собственным, например: *город Москва*, *река Волга*, *резвушка Маша*;

б) в сочетании существительных, из которых первое обозначает родовое, а второе – видовое понятие, например: *птица зяблик*, *цветок магнолия*;

в) после слов *гражданин*, *товарищ*, *господин* и т.п. в сочетании с существительным, например: *гражданин судья*, *товарищ полковник*, *господин посол*”.

Для большинства фигурирующих здесь случаев отдельное написание (без дефиса) представляется оправданным. Семантическое основание для орфографического выделения части постпозитивных приложений (т.е. приложений, следующих за определяемым словом) может быть сформулировано обобщенно: во всех трех рубриках речь идет о сочетании слова с более широким значением со словом, имеющим более узкое значение, уточняющим первое.

Но в п. а) среди примеров фигурирует и сочетание иного рода – *резвушка Маши*, где собственное имя является не приложением, а определяемым членом, а нарицательное – препозитивным (т.е. предшествующим определяемому слову) приложением. Отсутствие дефиса в этом случае совершенно аналогично отсутствию его в сочетании *красавец сынишка*. С подведением этого последнего случая под общее правило логично и для соответствующих сочетаний с собственными именами принять дефисные написания.

Вот ряд примеров из практики печати, где приложения, предшествующие собственным именам, присоединены с помощью дефиса:

«Он сравнивал его [Санина] с монументом из мрамора или бронзы – со статуей командора в “Дон Жуане”! (...) Он даже встал с своего места и (...) воочию представлял *командора-Санина!*» (Тургенев И.С. Вешние воды. Собр. соч., т. 8. М., 1956. С. 95); “И за ней, как за *шмелем-Гвидоном* в пушкинской сказке, гонятся цензоры” (Турков А. Ваш суровый досуг. М., 1988. С. 112); “...вот что упорно отстаивают *ташкентцы-Митрофань*, вот их единственный талант” (Там же. С. 189); “Но *чудак-Конашевич* все это добро держит под спудом...” (Чуковский К. Дневник 1930–1969. М., 1994. С. 137); “Как далеко продвинулся этот *черт-Канавин...*” (Кураев М. Жребий № 241. М., 1996. С. 43); «Это так же характерно и запоминается, как треуголка *юноши-Пушкина* и растрепанный том *Парни*” (1911)» (Озеров Л. Дверь в мастерскую. Париж–Москва–Нью-Йорк, 1996. С. 152); «Петр Янчев и Алексей Ильюшенко скоро предстанут перед судом. Между тем “ОГ” стали известны факты, в свете которых фигура Петра Янчева выглядит абсолютно иначе, чем это пытаются представить следственные органы: не прицепом к *паровозу-Ильюшенко*, а отдельным ферзем на шахматной доске российской экономики” (Общая газета. 1997. № 14. С. 5); “Он редко соглашался с *другом-Пашей...*” (Известия. 1997. 15 июля); “Поскольку с годами моя сопротивляемость пустозвонству стала ослабевать, я поставил пленку, но оказалось, давнишнюю, на которой я когда-то записал *зануду-Баха*” (Лит. газета. 1997. 1 окт. С. 13); “Нам осмысливать, нам решать, нам выбирать, куда идти дальше: пройти ли равнодушно мимо *горы-Солженицына* либо подняться на ее вершину, дабы увидеть неведомое” (Лит. газета. 1997. 15 окт. С. 1).

В соответствии с примечанием 3 а) (см. выше) во всех этих случаях дефис должен был бы отсутствовать.

При обсуждении в Орфографической комиссии было весьма скептически встречено предположение, что пишущий способен определить, какой член однопадежной группы выступает в роли приложения. Но приведённые примеры показывают, что не следует недооценивать интуицию так называемых “рядовых” пишущих (или редакторов текста). Именно она “подсказала” дефисное присоединение препозитивных приложений, относящихся к собственным именам, вопреки действующим правилам. В самом деле, написания *командор Санин*, *шмель Гвидон* наводили бы на мысль, что “командор по фамилии Санин”, “шмель, которого зовут Гви-

дон”, тогда как смысловые отношения в этих случаях совершенно иные (Санин, которого сравнили со статуей командора; Гвидон, обернувшийся шмелем). Весьма комическое впечатление производили бы написания *паровоз Ильюшенко, гора Солженицын*.

Таким образом, учет в формулировке правила о написаниях сочетаний с приложениями смысловых отношений между членами однопадежной субстантивной группы является не только разумным по существу, но и отнюдь не “запредельным” с точки зрения требований, предъявляемых пишущим. Фактически это означает подведение под правило реально представленных в практике написаний.

Формулировка правил может выглядеть так.

1. Сочетания двух существительных, из которых одно выступает как приложение к другому, пишутся через дефис, за исключением случаев, о которых говорится в п. 2.

Примеры сочетаний, в которых приложение следует после определяемого слова: *дом-новостройка, музыкант-ударник, писатель-эмигрант, собака-ищейка, садовод-любитель, товарищ-одноклассник, девочка-красавица, мать-старушка; Маша-резвушка, Петя-озорник, Волга-матушка*.

Примеры сочетаний, в которых приложение предшествует определяемому слову: *старушка-мать, старик-отец, красавец-брат, проказница-мартышка; резвушка-Катя, озорница-Маша, чудак-Ваня, матушка-Русь, красавица-Волга*.

2. В сочетаниях, где второе слово выступает как приложение к первому, дефис не пишется, если первое слово выражает более широкое и общее понятие, а второе – более узкое и конкретное. Сюда относятся следующие случаи:

а) два нарицательных существительных, соотносящихся как родовое и видовое понятие, если они являются членами научной классификации природных объектов: например: *птица иволга, рыба треска, бабочка капустница, дерево ольха, цветок роза, минерал малахит, металл олово*.

б) нарицательное существительное, выражающее общее понятие, и следующее за ним в качестве приложения собственное имя; например: *город Москва, река Волга, девочка Маша, композитор Глинка, художник Репин*.

в) нарицательное существительное, выступающее преимущественно как официальное обращение, и следующее за ним нарицательное или собственное имя; например: *товарищ полковник, гражданин судья, господин министр, господин Иванов, мистер Смит, фрау Марта, мадемуазель Жюли*.

---

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 95-06-17080 “Лингвистические основы русского правописания”.*



### Чувствительный или чувственный?

Е.М. ЛАЗУТКИНА,  
кандидат филологических наук

В языке есть слова, близкие по звучанию, но различные по значению. Их называют паронимами. Они-то чаще всего и доставляют немало хлопот в речи. Особенно трудно бывает выбрать слово из числа паронимов с одинаковой корневой морфемой, а различия в значениях похожих слов не всегда осознаются. Большую ошибку совершают люди, употребляя *эффектный* вместо *эффективный*, *дефектный* вместо *дефективный*, *невежа* вместо *невежда* и т.д.

Кузов или грузов у машины? – спрашивает трехлетний малыш. Ребенку кажется естественным, что место погрузки должно быть “грузов”. Уверенно говорит врач, выступая по радио: “Растет число заболеваемости гриппом”. А следовало бы: “растет число заболеваний” или “растет заболеваемость”, потому что *заболеваемость* – это уже количество заболеваний. “Начался отток фермерства”, – сообщает депутат на заседании Думы. Слово *фермерство* обозначает явление, а не производителя действия, здесь нужно использовать слово “фермеров”, существительное с конкретным значением. Аналогично: “Чтобы не потерять управляемость обществом” вместо правильного “управление обществом”.

Такие же ошибки возникают и при употреблении глаголов. Сравните: “совладеть с ситуацией” вместо *овладеть* или *владеть*. Устаревшее и просторечное слово *совладеть* имеет значение “справиться с кем-л.,

одолеть силой или заставить подчиниться каким-л. иным способом” или “справиться с чем-л., осилить что-л., требующее умения, труда, больших усилий и т.п.” (Словарь русского языка в 4-х томах. Т. 4. М., 1984). Глагол *овладеть* имеет значение “подчинив себе, придать чему-л., нужное, желательное направление” (Указ. словарь. Т. 2. М., 1982). Аналогичная ошибка встречается при употреблении выражения “программа не воспринимается народом” вместо “не принимается народом” (со всем иной смысл).

В следующем высказывании у говорящего возникли трудности с выбором сказуемого: “Я склонен к тому, что эти действия антирыночные”. Быть склонным к чему-л. – это значит “иметь какое-либо свойство характера”, “иметь намерение, желание”. Здесь следует употребить глагол *склоняюсь* – “принимать, признавать какое-л. мнение, убеждение”. Также только глагол уместен в высказывании: “Вы все время встречаетесь, вы каждый день имеете связи со своими избирателями”. Здесь следует использовать глаголы *связываетесь*, *поддерживаете связь*.

Чувство родного языка явно изменило торговым работникам, когда они разместили в витринах парфюмерных отделов этикетки “Пудра рассыпчатая”. Доверяя безграмотным переводам иностранных каталогов больше, чем собственному языковому чутью, и продавцы, и покупатели стали часто употреблять это название в разговорной речи. Однако следует иметь в виду, что прилагательные с суффиксом *-чат* имеют значение “характеризующийся действием, названным глаголом, от которого образовано это прилагательное (рассыпаться)”. Следовательно, вполне оправданны словосочетания: *рассыпчатая каша*, *рассыпчатый пирог*, *рассыпчатый картофель*, в которых подчеркивается, что твердая однородная масса рассыпается. Но этого свойства нет (и не должно быть!) у пудры-порошка, поэтому со словом *пудра* уместно употреблять прилагательное-пароним *рассыпная*, которое имеет значения: 1) “являющийся объектом действия (рассыпания)”; 2) являющийся результатом действия”. Эти значения вполне отчетливо осознаются в словосочетании *рассыпная пудра*, однако отнюдь не эти значения определения-прилагательного актуальны в речи. Угадывается желание говорящих подчеркнуть свойство предмета, поэтому чаще используется название *пудра-порошок* или *порошкообразная пудра*. А продуктивная словообразовательная модель остается невостребованной, и прилагательное *рассыпная* почти не встречается.

Нередко ошибочно отождествляются значения слов *криминальный* и *криминогенный*. У прилагательного *криминальный* более общее значение – “имеющий отношение к криминалу”, а у прилагательного *криминогенный* конкретное значение “порождающий криминальные события”. Поэтому выражение *Криминогенная обстановка улучшается* может быть истолковано совсем не так, как предполагал говорящий.

У паронимов *сексуальный* и *сексапильный* аналогичное соотношение общего и конкретного в значениях: *сексуальный* – “имеющий отношение к сексу”, а *сексапильный* – “привлекательный в сексуальном отношении”.

Языковая небрежность проявляется и в необоснованном употреблении слов *чувствительный* и *чувственный*. При этом расширяется сфера использования прилагательного *чувственный*, которое не обладает таким большим спектром значений, как прилагательное *чувствительный*. Сравните: *чувствительное сердце*, *чувствительные приборы*, *чувствительные клетки*. А такое значение этого прилагательного, как “исполненный глубокого чувства, сердечности” сейчас является устаревшим.

Грибоедовские строки чудесным образом выявляют это значение: “Кто так чувствителен, и весел, и остер, как Александр Андреич Чацкий?” Сейчас употребительно следующее значение: “способный тонко чувствовать, впечатлительный”.

Прилагательное *чувственный* имеет совершенно иное значение: “испытывающий преимущественно телесные, плотские влечения, склонный к удовлетворению таких влечений” (по отношению к человеку). В определенных контекстах эти паронимы могут стать антонимами, то есть их использование в одном высказывании может явиться стилистическим приемом.

Некоторые испытывают затруднения при употреблении слов *экономичный* и *экономный*. Различие в значении этих паронимов столь незначительно, что иногда они могут употребляться как синонимы. Так, прилагательное *экономичный* имеет значение “дающий возможность что-л. сэкономить, выгодный в хозяйственном отношении” (Словарь русского языка. Т. 4. М., 1984), а прилагательное *экономный* – “бережливо расходующий что-л., соблюдающий экономию” и “требующий умеренных затрат, способствующий экономии”. Поэтому правильны словосочетания *экономичный агрегат*, *экономичное строительство*, *экономная хозяйка*, *экономные движения*, *он экономный в словах*. В выражениях, называющих какие-л. средства, имеет место смешение этих прилагательных, т.к. оба они имеют такой компонент значения, как “выгодный в хозяйственном отношении, способствующий экономии”, например: *экономичное (экономное) моющее средство*; *экономичное (экономное) топливо*. Это редкое явление. Обычно паронимы употребляются в разных контекстах.

Прилагательные *эффективный* и *эффектный* резко отличаются по значению. *Эффективный* – “приводящий к нужным результатам; действенный”; *эффектный* – “производящий сильное впечатление; рассчитанный на то, чтобы произвести эффект”. У этих слов нет одинаковых контекстов; сравните: *эффективные меры*; *эффективная установка*; *эффектная поза*; *эффектное платье*; *эффектная девушка*.

В просторечии можно встретить неразличение слов *обоняние* и *обаяние*. Это свидетельствует о низком уровне грамотности; сравните правильные словосочетания: *У девушки тонкое обоняние: она чувствует все нюансы ароматов; Ей присуще удивительное обаяние: она всем нравится.*

В официально-деловой речи распространено ошибочное использование глаголов *представить* (*представлять*) и *предоставить* (*предоставлять*). У этих слов разный смысл. Так, у глагола *предоставить* есть яркий компонент значения – “дать, позволить пользоваться”; у глагола *представить* важным считается компонент значения “показать”, поэтому уместны следующие выражения: *Молодым предоставили комнату в общежитии; Выписка из протокола была представлена в комитет.*

Очень близкими по значению паронимами считаются некоторые глаголы, имеющие почти одинаковое звучание, например: *Гора обезлесела* и *Строительство комбината обезлесило местность*. Эти омофоны можно различить только по их синтаксическим свойствам: один глагол (непереходный) обозначает действие, замкнутое в сфере субъекта; другой (переходный) обозначает действие, которое направлено на объект. Приведенные нами примеры показывают, что разряд слов-паронимов неоднороден. Одни из них сближаются с омонимами, другие употребляются как слова-синонимы, третьи развивают антонимические значения.

Стилистическое использование паронимов свидетельствует о высоком уровне владения языком. При помощи паронимов нередко создаются шутки и каламбуры: “Девушка воспитанна, если она воспитана в монастыре”; “Ностальгия по незастоявшемуся” (пароним – несостоявшемуся).

## Заметки о современных клише и ходячих выражениях

В. В. КОЧЕТКОВ,  
В. Н. ШАПОШНИКОВ,  
доктор филологических наук

Современная речевая практика заметно обновляет свой материал. Изменения касаются и более или менее устойчивых словосочетаний.

Ушли из активного употребления идеологизированные штампы *трудовой энтузиазм, социалистическое соревнование, трудовой порыв, коммунистическое воспитание, жить и работать по-ленински* и многие другие, остались в прошлом такие выражения, как *достать по благу, очередь за дефицитом* и т.п.

Уход из употребления фразеологических единиц, как и отдельных слов, не всегда представляет их бесповоротное исчезновение. Так, после отмены соцсоревнования, к середине 90-х годов газеты стали время от времени помещать сообщения о том, что в конкретных местах и хозяйствах возродилось соревнование. Только теперь без былого эпитета или с другим определением. А, скажем, выражение “черный рынок” перешло в иные рече-культурные сферы.

При этом прежние клише могут в современном употреблении менять свой привычный смысл. Так, в хронике уголовных происшествий: “слесарь, заступивший на трудовую вахту, обнаружил...” (Известия) – здесь речь не о трудовых свершениях, а о преступлении, которое обнаружил рабочий, придя на работу.

За последнее десятилетие русская речь пополнилась новыми клише. Большая часть их образована на базе старых конструкций, в том числе на материале предшествующего советского периода. Но есть и целый пласт не употреблявшихся ранее словосочетаний, порожденных современной общественно-политической и экономической жизнью: *группа поддержки, товарищество с ограниченной ответственностью, потребительская корзина, обманутые вкладчики, размер минимальной пенсии / зарплаты, отмывание грязных денег, организованная преступность, вынужденный переселенец, встреча без галстуков* и др.

Пришли также фразеологизмы, имеющие большее касание к разговорной, бытовой речи, например, *мало не покажется*; конструкции с просторечно-областным словом “немеренное”. Они возникли в про-

сторечии, широко употребляются в молодежном сленге, используются прессой: *немеренное количество помощников* (Известия. 1997. 1 марта).

В общей ситуации функционирования фразеологических конструкций есть видимые изменения: более частое употребление пословичных и поговорочных фразеологизмов, например в публицистической и политической, письменной и официальной речи. Ср. описание явлений Н.Г. Комлевым, названных им приговорками и фразами-репликами (типа: “спасибо” – много, три рубля хватит; см. “Книжное обозрение” за 1996–1998 гг.). При отмеченной употребительности пословичных идиом в современной речи происходят их активные перелицовки: “Баба с возу – майору легче” (название статьи в “Комсомольской правде”); “Ум хорошо, а два доктора наук лучше” (“Известия”).

Многими штампами пополнили нашу речь рекламные тексты – это новое для русского языка явление. Пришли не идиомы, а менее слитные сочетания: *всемирная история – банк “Империал”, райское наслаждение, сладкая парочка, время пить “Херши”, рекламная пауза, неповторимый и устойчивый аромат, Марс – это класс, у МММ нет проблем*. Часто такие минитексты произносятся без видимой связи с конкретной коммуникативной задачей – это является фактором известной идиоматизации.

Следует упомянуть и о выражениях, имеющих большее отношение к насущной жизни: *ну очень смешные цены, самые низкие цены, цены ниже рыночных*.

На материале фразеологии выявляется еще одна существенно новая черта речевой эпохи в отличие от предшествующей. Происходит переосмысление и вторичная символизация идеологических и культурных клише, введенных в иные контексты: *светлое будущее, руководящая и направляющая, призрак коммунизма, ум, честь и совесть, социализм с человеческим лицом, впереди планеты всей, дело живет и побеждает, идея овладевает массами, страна должна знать своих героев*.

Подобные фрагменты со вторичной культурной символизацией, вырванные из привычного контекста, повысили степень своей клишированности. Это относится и к устойчивым оборотам из прежних песен и стихов: *С чего начинается Родина..., Впереди планеты всей...* Надо отметить то, что очень многие такие фрагменты употребляются как фразеологические клише во многих ситуациях, например, в названии газетной заметки: “Майкл Джексон рожден, чтобы сказку сделать былью” (Известия. 1996. 5 марта), повествующей о покупке поп-звездой старинного особняка. Или: «Государственные расходы на “счастливое детство” неуклонно снижаются» (Дел. вт. 1996. 11 июня).

У многих ресимволизированных фрагментов изрядный возраст. Некоторые восходят к первым пятилеткам советской власти. Так, по данным словаря “Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина”

(М., 1996, сост. К. Душенко), выражение “страна должна знать своих героев” употреблено газетой “Правда” еще в 1931 году.

Другие клише более позднего происхождения: *чувство глубокого удовлетворения* и под. Хотя вышеназванная работа относит данное выражение к довоенной поре, в доказательство приводя цитату из “Правды” от 27 мая 1939 года: “с чувством глубокого, радостного удовлетворения” – однако здесь еще не видна явная клишированность. Окончательный штамп отлился позднее, в эпоху Брежнева, когда “удовлетворение” фиксировалось только как “глубокое”.

Отдельный ряд составляют фразеологизмы, которые В. Кротов свел к афоризмам (Словарь парадоксальных определений. М., 1995). По ним узнают их автора: процесс *пошел* (Горбачев), *лечь на рельсы* (Ельцин), *мать русская, отец юрист* (Жириновский), *хотели как лучше, получилось как всегда* (Черномырдин). Наблюдается текучесть переосмыслений. Если на начальном этапе второй жизни словосочетание “прорабы перестройки” переосмыслилось со стороны неприятия реформ и даже с позиции ортодоксии КПСС, то затем оно стало чаще обозначением просто неумелых руководителей. Современное употребление “утечка информации” связано не только с проблемами контрразведки, но и с журналистским добыванием различных сведений.

Возникают новые клише и на основе старых: *светлое прошлое, назад в светлое будущее, вперед в светлое прошлое, вперед к победе капитализма, капитализм в отдельно взятой области, социализм в отдельно взятой области, развитые капиталистические страны* и т.п.

В современном бытовании фразеологизмов значителен фактор стилистики. Здесь заметную роль играют средства массовой информации. В частности, можно посмотреть на заголовки. В СМИ последнего времени все большее место занимает компонент игры, игры с языком, и, в первую очередь, с языковыми клише, под которыми зачастую понимаются и собственно фразеологизмы. Цели подобной игры весьма разнообразны. Здесь и балагурство, и ирония, и инерция характерного для т.н. “постфольклора” стремления к ниспровержению идеологии. Парадокс современной языковой игры в заголовках заключается в том, что игра, служившая некогда показателем неординарности авторского мышления, стала почти обязательна и обыденна.

В этой игровой стилистике, где в данном случае используются фразеологизмы, можно выделить определенные методы. Прежде всего, это контаминация, основанная на скрещении двух фразеологизмов: «”Дом Селенга“ в казенном доме» (Дел. вт. № 155), где скрещиваются ставший фразеологизованным эвфемизм и усеченное название печально известной финансовой пирамиды.

В заголовках часто встречаются измененные, деформированные фразеологизмы: “Семь бед – один обед” (Комс. пр. 1997. № 38); “Мала машинка да оборотиста” (Комс. пр. 1997. № 33). Примечательно также

и преобразование, в котором от исходного фразеологизма не осталось почти ничего, но при этом первоначальный текст ясно ощущается: «Покупать – так в “Хэрродсе”, грабить – так миллиардера» (Комс. пр. 1997. № 14).

Современная реклама также обнаруживает тенденцию к взаимопроникновению с фразеологизмом. С одной стороны, она активно использует “традиционные” фразеологизмы, включая их в свою сферу. Можно привести пример преобразования: «Фильтры “water Boss” выведут на чистую воду» (Комс. пр. 1997. № 33). С другой стороны, обладая одним из основных свойств фразеологизма – воспроизводимостью, рекламная фраза зачастую переходит в их разряд и выступает на равных правах с идиомами: “У сладких парочек жизнь не сахар” (Комс. пр. 1997. № 14), где рекламный слоган скрещивается с фразеологическим выражением “жизнь не сахар”.

В газетных заголовках довольно часто используются усеченные словосочетания. Видимо, усечение фразеологизма помогает изменению его семантики, и именно на этом и даже на его десемантизации основана словесная игра подобного типа: “Зная бы, где упадешь” (Комс. пр. 1997. № 231); “Неча на зеркало пенять...” (Комс. пр. 1997. № 236) и т.п.

Использование фразеологизмов как объектов языковой игры в современной коммуникативной практике и, прежде всего, в газетных заголовках основывается, несомненно, на процессе узнавания. Языковые клише, в том числе и фразеологизмы, известные как автору статьи, так и читателю, создают определенный эффект восприятия, привлекают внимание, надолго остаются в памяти.

*г. Шуя,  
Ивановской обл.*

## Правомерно ли употреблять выражения *ограниченный контингент, эпицентр событий,* *кредит доверия?*

ЭР. ХАН-ПИРА,  
кандидат филологических наук

Существует мнение, что эти сочетания неправильны: первое и третье – плеонастичны (в слове *контингент*, мол, уже есть сема “ограничение”, “предел”, а *кредит* в одном из своих значений – “доверие”), второе – искажает смысл слова *эпицентр*, превращая его в синоним слова *центр*, в то время как оно означает “область на поверхности земли, расположенную над очагом землетрясения, взрыва”.

*Контингент* в Толковом словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова разъясняется так: “1. Вся совокупность людей, составляющих какой-нибудь коллектив, какую-нибудь специальную категорию (книжн.) *Контингент новобранцев*. 2. Предельная норма вывоза или транзита каких-нибудь товаров из одного государства в другое, устанавливаемая особыми соглашениями между государствами (экон., торг.). *Экспортный контингент*”. В.И. Даль толкует это слово как однозначное: “Наличное число людей, собранных с какой-либо целью”. Словарь русского языка в четырех томах, Словарь современного русского литературного языка, Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, Современный словарь иностранных слов следуют в своих толкованиях за словарем Д.Н. Ушакова.

В сочетании *ограниченный контингент* соединились *ограниченный* в значении “незначительный, небольшой” и *контингент* в значении “совокупность людей, образующих однородную в каком-либо отношении группу, категорию”. Словари приводят примеры употребления слова *контингент* в этом значении: *контингент новобранцев, контингент учащихся*. Можно сказать *ограниченный контингент учащихся, новобранцев*? Конечно. Но почему же нельзя *ограниченный воинский контингент*? Другое дело, что, развязывая афганскую авантюру, вторжение на территорию суверенного государства, советская верхушка лицемерно называла силы, осуществлявшие вмешательство во внутренние дела другого государства, *ограниченным контингентом*. Это словосочетание вошло тогда в состав вербального прикрытия неблагоприятной и противоречащей международному праву акции.

Теперь о сочетании *эпицентр событий*. *Эпицентр* был (и остался) термином геологии. Но с ним случилось то, что нередко бывает с терминами: произошла его детерминологизация, т.е. слово получило нетерминологическое значение (сохранив терминологическое). Нетерминологическое значение в этом случае переносное, т.е. возникшее в итоге переноса названия одного объекта на другой. При возникновении второго значения у слова *эпицентр* поработала метафора: осуществился перенос названия по сходству объектов называния. Вот толкование этого переносного значения в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: “Место, где что-нибудь проявляется с наибольшей силой”. И примеры: *Эпицентр пожара*, *Эпицентр события*. Землетрясение проявляется с наибольшей силой в эпицентре, а события, например в Албании, проявились с наибольшей силой в ее южных районах. Поэтому можно сказать, что эпицентр мартовских событий 1997 года в Албании находился на юге страны.

Появление метафорического значения у слова *эпицентр* одновременно породило расширение значения. Сравним толкование терминологического значения с толкованием нетерминологического: “Область на поверхности земли, расположенная над очагом землетрясения, взрыва”. В нетерминологическом значении исчезли семы “поверхность земли”, “над очагом”, “землетрясение”, “взрыв”. Осталось “место, где что-нибудь происходит, проявляется с наибольшей силой”.

Процесс, обратный детерминологизации, называется терминологизацией. Когда готовился договор между ФРГ и тогдашней Чехословакией, чехословацкая сторона выдвинула требования, чтобы договор признал мюнхенское соглашение 1938 года ничтожным с самого начала. Это слово (*ничтожный*) вызвало у не посвященных в юридическую терминологию недоумение. Нетерминологическое значение этого слова никак не сопрягалось со словом *соглашение* и с официальным текстом. Терминологическое же значение (“не имеющий юридической силы”, “недействительный”) вполне сопрягалось.

Перейдем к сочетанию *кредит доверия*. Здесь дело сложнее. История стержневого слова *кредит* не так проста, как у двух предыдущих. Этимологический словарь русского языка М. Фасмера фиксирует первое употребление этого слова 1703 годом. И в значении “авторитет”. В книге “История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века” (М., 1981) читаем: «У большинства заимствований в Петровскую эпоху отсутствуют переносные значения... Но в некоторых случаях слово могло заимствоваться и в переносных значениях. Прямые, конкретные значения таких заимствований на русской почве появились позднее. Слово *баланс* приходит в Петровскую пору в своем переносном значении “равновесие сил (в политическом, военном и т.п. отношении)”; его прямое значение появилось позже. В переносных значениях приходят слова: *барьер*, *кредит*, *галантерея* и др.» (с. 102).

Этот факт можно было бы назвать обратной семантической деривацией, напоминающей обратное словообразование (ср., например, *зонтик* → *зонт*), если быть уверенным, что прямые значения у этих слов не были потом заимствованы, а возникли самостоятельно в русской речи, что сомнительно.

К сожалению, в упомянутой работе не указаны эти заимствованные переносные значения. И потому остается неясным, что, по мнению автора раздела, следует отнести к прямым, а что к переносным значениям этих слов. У Даля *кредит* – “купеческое”, “доверие, вера в долг, забор, дача и прием денег или товаров на счет, на срет”. Примеры: “*Сделать или оказать кому кредит, дать в долг. Нет ему кредита, не верят*”. И здесь же устойчивое словосочетание-термин: “*Кредитивная грамота, верящая, доверительная, полномочная грамота посланников*”. Это тот дипломатический документ, который ныне называется *верительная грамота*.

*Кредит* попало в европейские языки из латинского. История этого слова восходит к латинскому глаголу *credere* “верить”, потом получившему значение “давать займы”. От *credere* образовалось *credĭtum*, “суда”, “долг”. Вот что говорит о слове *кредит* в русском языке словарь под редакцией Д.Н. Ушакова: “Кредит (латинск. *credĭtum* – долг). 1. Только ед. Коммерческое доверие; предоставление товаров или денег в долг... 2. *перен.* только ед. Доверие, авторитет, авторитетность (книжн.). *Эта теория потеряла всякий кредит в научных кругах. Общественный кредит.* 3. только мн. Денежные суммы, ассигнованные на определенные расходы”. Четырехтомный Словарь русского языка об этом слове: “1. Предоставление товаров или денег в долг. *Долгосрочный к. Краткосрочный к. Открыть к.* 2. Коммерческое доверие; платежеспособность. *Был он известный в городе, солидный, с крепким кредитом, купец...* Серафимович. Большой двор // *перен.* Доверие, авторитет. *Прежние сеятели добра, люди рудинского закала, теряют значительную долю своего прежнего кредита.* Добролюбов. Когда же придет настоящий день?” Смушает в толковании второго значения слово *платежеспособность*. Это же не синоним сочетания *коммерческое доверие*. Ведь коммерческое доверие вызывается платежеспособностью, т.е. она причина доверия, а слова, называющие причину и следствие, вряд ли находятся в синонимических отношениях.

В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой *кредит* – это “1. Ссуда, предоставление ценностей (денег, товаров) в долг; коммерческое доверие. 2. *перен.* Доверие, авторитет (в 1-м знач.) (книжн.). *Политический кредит.* 3. Обычно мн. Отпускаемая на что-н. денежная сумма”. Отметим, что в четырехтомном словаре не зафиксировано значение, истолкованное в других словарях за цифрой 3. Среди этих словарей и Современный словарь иностранных слов.

Обращает на себя внимание, что те словари, которые приводят при-

меры употребления нашего слова в значении “доверие, авторитет”, либо обращаются к цитатам из авторов XIX – первой половины XX века (в Словаре современного русского литературного языка цитаты из Д. Григоровича, Н. Гарина), либо дают примеры от составителей. И хотя ни в одном из словарей XX века нет пометы *устар.* рядом со значением “доверие, авторитет”, меня не оставляет ощущение, что это значение ушло в смысловой пассивный запас: встречая в тексте, понимаем, но уже не употребляем. Может быть, это и объясняет появление сочетания *кредит доверия*: возникли условия для метафоризации первого значения слова (“ссуда, предоставление чего-либо в долг”). Если же это не так, если есть многочисленные свидетельства современного, нынешнего употребления слова в указанном словарями переносном значении, тогда сочетание *кредит доверия* – родной брат расхожему словосочетанию *потенциальная возможность* (*потенциальные возможности*) и заслуживает названия плеоназма и рекомендации его не употреблять.

---



## Табун - кони - конь

### К проблеме национально-языкового “видения” мира

ДОЛГОРМАА ЖАМЬЯН,  
аспирантка Института  
русского языка им. А.С. Пушкина

В каждом языке есть свои нюансы, порой трудноуловимые для переводчика, даже высококвалифицированного. Свои тонкости есть и в монгольском. Например, если я по-монгольски скажу: “Я напоила овцу”, то это вовсе не означает, что я напоила одну овцу, а именно так иногда переводят подобные фразы на русский язык. На самом деле – “Я напоила овец”. А в русской фразе “улетевшие птицы прилетают”, переведенной на монгольский язык, вместо *птицы* будет *птица*.

Типичной ошибкой монголов в русском языке будут фразы вроде: *Я люблю ребенка; На лугу пасется конь* вместо *Я люблю детей; На лугу пасутся кони*. Русский слушатель удивляется, слыша, что на лугу пасется конь: неужто в Монголии на лугу один конь?

Разумеется, языковеды давно обратили внимание на это обстоятельство. Известный монгольский академик Б. Ринчен писал, что в монгольском языке существительное *овца* обозначает не одну овцу, а называет весь род овец, который отличается от других видов животных,

и “одна овца” включается в это же общее понятие. В монгольском языковом восприятии важно не количество овец, а понятие, что овца есть именно овца, а не коза. Главным является то, что представляет собой данный объект. В таком употреблении ярко проявляется особенность монгольского мышления – его абстрактность, широкомасштабность и обобщенность.

А в русском языке дифференцирующий характер имеет как раз множественное число. Формы множественного числа в целом более употребительны, значительны, актуализированы. В.В. Виноградов писал: «Категория множественного числа в строе имени существительного выступает как сильная, многознаменательная категория. По отношению к ней категории единственного числа является до некоторой степени категорией негативной, иногда даже как бы “нулевой”» (Виноградов В.В. Русский язык. 1972. С. 124).

Соответственно форма множественного числа “берет на себя” функции, по сути дела, исчезающей в русском языке категории собирательности. Сегодня в речи русских утратили былую актуальность слова *стадо, стая, выводок* и под.; фразы *коровы идут на водопой, в лесу появились волки, по деревенской улице мальчик гонит гусят* явно предпочтительнее (как показал наш экспериментальный опрос) фраз *стадо идет на водопой, в лесу появилась стая волков, мальчик гонит гусиный выводок*.

Чаще говорят: “на улицах *много людей*”, а не *много народа*; читатели любят эту газету, а не читательская масса любит (возможное читатель любит... было воспринято нашими респондентами как манерное, как журналистская “красивость”).

Как в русском, так и в монгольском языке собирательное значение может быть выражено не только специальным словом (табун), но и существительным, обозначающим единицы совокупности, во множественном (лошади) и единственном числе (лошадь). В первом случае совокупность представляется как масса (на лугу пасутся лошади), во втором – как типичный представитель рода (лошадь бывает ломовая и беговая). Собственно говоря, такое применение единственного числа для русского уже довольно редко и ограничено в семантико-стилевым значении: *Крестьянин просыпается рано. Московский избиратель не хочет голосовать за этого кандидата*.

В монгольском языке распределение множественного и единственного числа при обозначении совокупности иное: в этой функции предпочитается форма единственного числа. Подтверждением тому служит следующий пример. Допустим, русский и монгол идут в музей изобразительных искусств. Известный художник Л. Батболд написал картину, на которой изображены четыре волка при лунном свете. Он назвал свое произведение “Чоно”, т.е. “Волк”, и любой монгол, взглянув на нее, наверняка, скажет “Волк”. Русский же, несомненно, назовет кар-

тину “Волки” (или несколько архаично “Волчья стая”). Потому что для монгольского восприятия важно не количество волков, а то, что там именно волк, а не кто-то другой, т.е. род зверей. Для русского же важно количество волков (один или больше, чем один).

Приведем другой пример – цитату из научного труда о волках: “В этнологической литературе среди видов животных, обладающих сложным интеллектуальным потенциалом, нередко называют волков. Наблюдения за поведением волчьей стаи во время ее совместной охоты на быстроногих животных, служащих предметом удовлетворения потребности в пище, позволили обнаружить своеобразное разделение функций между частями стаи” (Панов В.Г. Эмоции. Мифы. Разум. 1992. С. 130). В первом случае это же значение будет передаваться формой единственного числа в монгольском языке (букв: чоныг – волк).

Изучая живую, речевую, даже, можно сказать, литературно-нормативную дистрибуцию возможных, близких по значению форм множественности, единственности и собирательности в русском и монгольском языках, мы выявляем существенные различия в их употреблении. Иными словами, перед нами любопытный фрагмент “языковой картины” в контексте национальной культуры. Эти сходства и различия необходимо учитывать не только монгольским преподавателям при обучении русскому языку, но и переводчикам.



## **Монастырская трапеза в XVI веке**

*Г. В. СУДАКОВ,*

*доктор филологических наук*

В старорусской письменности степень отражения разных сторон быта далеко не одинакова, что зависело от общественной значимости соответствующих явлений материальной культуры. Так, достаточно полно описан царский и патриарший стол, зафиксирован общерусский стандарт монастырской трапезы. Но мало сведений об обеде, о праздничном столе посадского человека или крестьянина, поэтому восстановление в полном объеме “репертуара” народных кушаний чрезвычайно сложно. Проще составить описание сырья и полуфабрикатов для приготовления яств: обширные материалы на эту тему содержат приходно-расходные и таможенные книги.

Назовем наиболее богатые по лексической содержательности тексты из числа опубликованных: “Столовая книга патриарха Филарета 1623–1624 гг.” (Старина и новизна. СПб., 1906, 1909. Кн. 11, 13); “Стол патриарха в 1691 г.” (Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. М., 1884); “Расходная книга патриаршего приказа кушаньям, подававшимся патриарху Адриану и разного чина лицам с сентября 1698 по август 1699 г.” (СПб., 1890).

Главный источник по истории монастырской трапезы – столовые обиходники, которые, кстати, еще не были предметом лексикологического анализа. Два из них: обиходник Волоколамского монастыря XVI века и обиходник Новоспасского монастыря 1648–1649 гг. опубликованы в 1880 году. Неопубликованных памятников такого рода гораздо больше. Чаще всего они обнаруживаются в составе монастырских уставов.

Среди текстов, хранящихся в отделе рукописей и редких книг Биб-

лиотеки РАН, есть собрание Н.К. Никольского – известного исследователя истории Кирилло-Белозерского монастыря (фонд 247). В этом собрании находится устав Кириллова монастыря конца XVI века (№ 4), расписывающий житейский обиход братии. Более 20 листов рукописи (лл. 39–61 об) посвящено “обиходу братцкой естве”.

В монастырских столовых обиходниках фиксировался общерусский стандарт монастырской трапезы. Это обусловлено следующими обстоятельствами:

1) единством норм и правил, обязательных для всех монастырей русской православной церкви, монастырские уставы воспроизводят единый ритуал жизни иноческой обители;

2) основатели монастырей (они же – авторы монастырских уставов) являлись в большинстве случаев выходцами из Троице-Сергиева монастыря и поэтому закрепляли в уставах основанных ими монастырей порядок, установленный Сергием Радонежским;

3) столовые обиходники расписывали дневные выты и годичный круг трапез для рядовых, преимущественно постных дней: в эти дни порядок монастырской жизни был особо строг и единообразно обязательен, эти правила подробно изложены. А вот в праздник допускалось разнообразие, довольство, мясо и хмельные напитки, поэтому праздничные столы в обиходниках описаны скупо.

Монастырская трапеза – это коллективный ритуал. Монахи питались два раза в день: обед и ужин, а в отдельные дни вкушали всего раз; бывало, что трапезование вообще исключалось. Главным было не количество пищи, а качество блюд (постное или скоромное), роль блюда в обрядах (например, ритуальная кутья), время приема пищи. Вся жизнь монаха, в том числе и еда, была регламентирована применительно к молитве, поэтому чередование постов и мясоедов было достаточно ритмичным: на неделе постились в среду и пятницу, в году было четыре долгих поста и три однодневных.

Стол кирилловских монахов мало отличался от той еды, которой питались в окрестных деревнях, но в монастыре строже был сам регламент трапез: *пост бывает – скорому не едят*.

Каковы же наименования блюд в ежедневном меню кирилловских монахов?

Анализируемая предметная сфера предъявляет естественный критерий для классификации наименований – место блюда в постепенном ходе трапезы: первые блюда, вторые, напитки, хлеб и хлебные изделия.

Назовем общие названия готовых блюд, которые будут встречаться в приводимых примерах: *кормы* (рядовые, заупокойные, “по прочая праздники *славословныя*”) – в значении “разновидность трапез, различающихся набором блюд”; *пицца* как общее название съестного, *ества* как общее название разных блюд, *трапеза* как общее название любой

выти, *ужина* и *обед* как название трапез в зависимости от времени приема пищи; *днем – обед, вечером – оужина*.

*Шти* – основное первое блюдо, почти ежедневное “вариво”: “Во штех белая капуста или борщ или кислица с чесноком или с луком да яйца ко штем по два на брата или короваи битые или лисни 4 братом или короваи с рыбою двум братом, а коли яишница бывает, тогда ко штем яиц нет”; “шти белые да яйца ко штем по 3”; “шти борщевые с соком”; “Шти борщевые со снятки”; “а пицца постная шти борщевые с подтиркою”. *Белые шти* – щи из свежей капусты, а *борщевые шти* – щи из огородной свеклы (ее старинное название *борщ*). *Щи с подтиркою* – это щи с приправой, которая готовилась из муки с водой или с постным маслом. Иных названий первых блюд в обиходнике нет.

Список вторых блюд был богатым, притом явно царствовала на столе рыба. *Безрыбье хуже бесхлебья*, – говорили на русском Севере.

По количеству подаваемых блюд различался *обед средний* и *обед* (он же *корм*) *меньший*. Если обед был средним, то три вида рыбы подавались в блюде на двух братьев, но если “корм был меньшим”, подавались два вида рыбы: “а в средние кормы княжие и боярские и великих людей рыба троя по блюдам двум братьям блюдо... а в меньшие кормы рыба двоя”.

Вечером же подавалась рыба одного вида, ср.: “и по вечерни трапеза рыба лещи свежие жареный с телом со зваром и с перцем”.

Составные названия говорили о разновидности рыбных блюд с учетом времени улова рыбы и технологии приготовления – *рыба свежая*, *рыба свежая жареная*, *рыба печеная*, *рыба живопросольная*: “а на трапезе рыба печеная троя свежая в сковородах а по блюдом двоя добрая”; “в трапезе рыба свежая в сковородах да по блюдом двоя добрая с горчицею или с хреном”; “в трапезе рыба живопросольная щученина добрая со зваром”. Приведенные примеры нуждаются в дополнительных толкованиях: *рыба троя* или *рыба двоя* – из трех или двух видов рыбы, *рыба со зваром* – рыба в ухе; *рыба добрая* – в противопоставлениях *добрая – средняя – худая* означала “самая лучшая” (СлРЯ XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4).

Назовем еще рыбное блюдо *тавранчюк*: “или короваи с рыбою или тавранчюк или снятки в сковородах”; “да в сковородах тавранчюк головы осетрии или снятки”. Тавранчюк готовился из голов осетра или же снетков.

Далее идут вторые блюда: *горох*, *капуста*, *лапша*, *толокно*, *яичница*, *каша*.

Наименования со словом *горох* включали в себя определения *цеженной* – *цъженный* (протертый), *битый* (дробленый) и обозначали вареное блюдо из гороха, заправляемое маслом и перцем: “бывает ко штем другое вариво с маслом горох цеженной и лапша”; “другое вариво горох

цыженной с перцем”; “а другая ества горох битой или каша или на оухе каша или цыженной горох”.

Слово *каша* входило в несколько наименований: “рыба двоя *каша молочная* квас”, “на обмену яйца по три на брата или *каша крутая* или пироги”; “а другая ества горох битой или *каша* или на оухе *каша*”; “шти с соком да *каша соковая*”; “*каша грешневая крутая* с маковым молоком”. Сочетание *каша соковая* (пареные овощи) имело синонимическое соответствие *сок топлёный*: “да сыта по братинкам да сок топлёной по ставцем”.

Названия вторых блюд: *яйца, огурцы* – выступали как однословные. Из молочных продуктов известен *сыр* “творог“ в сочетании “сыр вялый”, т.е. вылежавшийся. Сыр в перечне монашеской пищи упоминается уже в Житии Феодосия Печерского (XII в.).

Функции соуса выполнял взвар. Одна из его разновидностей описана в обиходнике так: “звар медвен с перцем да со пшеном”. Некоторые блюда имели сложную структуру, например, орешки в соку. *Орешки* “род печеного изделия в форме ореха” отмечается в Домострое (XVI век).

Теперь рассмотрим печеные изделия из теста. Первое место по употребительности принадлежит *пирогу*. Пироги готовили по-разному: пекли на поду, жарили (пряжили в масле), сдабривали разной начинкой (горох, рыба, овощи – “сок”, творог – “сыр”), это сказалось и в названиях: “пироги двой одны с яйцы да с перцем а другие с сыром”; “да маслены обое пироги с сыром да оладьи”; “да пироги пряженые с сыром”; “да пироги з горохом а квас ячной”; “да пироги с горохом или с соком”; “пироги двое одны с вязигою да с перцем или с маком а другие з горохом”.

Пироги с творогом имели специальное название *трудоноши*: “а на обмену по три же яйца да трудоноши с сыром”.

Другие названия мучных изделий: *оладья, рогуля, хворосты, калач, каравай, блины, перепеча*: “да оладьи с медом квас пагочный”; “да рогули пряженые”; “да хворосты пряженые”; “и рыба и калачи братские”; “да калачи волоцкие торговые на брата по калачю”; “каравай битые” (“из сдобного теста”); или “коровай с рыбою двум братом”; “да колачи четверти или короваи с репою или с морковью”; “или блины с маслом да с луком а другие с соком”; “или блины одна пшеничные с припекою и другие грешневые с кашей вечере теж с молоком”; “а в трапезе на велик дн перепечи привозные белые да калачи”; “а в трапезе в понедельник перепечи привозные пшеничные белые и ржаные да рыба”.

*Рогуля* – “пряженный калач с выступающими рогами” отмечено и в обиходнике Иосифо-Волоколамского монастыря 1591 года.

*Перепеча* – особый праздничный пирог в виде горки из отдельно запеченных мучных шариков, скрепленных медом или патокой.

*Хворосты* – “печеное изделие в виде кустарника” известно с XVI века.

Употребительность слова *хлеб* соответствует старорусской присказке: “*Что нам хлеб, были бы пироги*. Слово *хлеб* со своими традиционными определениями: *братский, мягкий* или с указанием на размеры (*полухлеб, осминка*) употреблялось не так уж и часто: “и масленое подают им... и хлебов братских”; “и трапеза поставляется по вечерни хлеб мяхой полухлебы кладут”; “в заговейно Филипово за оужиною хлеб осминки да калачи осминки”.

К печеню относились *лисни*: “или лисни 4 братом”; “а коли короваи или лисни или с рыбою короваи тогда калачей нет”. Слоеное печенье в форме листьев – *лисни* зафиксировано в столовом обиходнике Иосифо-Волоколамского монастыря в 1591 году.

Особенности монашеской трапезы состояли в том, что во время постов объем потребляемой пищи резко сокращался, калорийность блюд снижалась: вместо кваса подавалась вода, вместо печеного хлеба – тесто солодяное (запаренная мука из солода), или гречневое, или хлеб пареной. Это был полуфабрикат, а не готовый продукт питания.

Перейдем к напиткам. *Квас* на столах был постоянно, кроме дней великого поста, когда его заменяли водой. Наименования кваса разнообразны: “*квас медвен к обеду, а вечером сычен, квас патошной*”; “*а квас ячнюй переварной*”. *Квас переварной* – это жидкий квас, квас второго налива на квасную гущу. В Новгородской кормчей 1280 года читаем: “в чистую неделю достоин мед ясти пресным квас житной”.

В постные дни употребляли также *капустный рассол* и *рассол красный*, т.е. из квашеной свеклы: “а пища хлебы мяккий да капустной росол один по ставцем”; “да росол красной а пити вода”.

Кроме того, пили *молоко пресное* (свежее) или *молоко вареное* (топленое). Топленое квашеное молоко называлось *варенец*.

Упомянем еще известные со времен Киевской Руси *кисель, сыту* и *патоку*: “кисель со сливками и за ужиною тоже кисель а на завтра к обеду тот же кисель с сытою”; “а патоку по ставыцем дают в меру равно всем”. *Сыта* – “вода, насыщенная медом” подавалась в отдельных братинках или в ставцах.

Трапезы делились на три разряда: *рядовые, праздничные* (по храмовым праздникам) и *братчины*. Количество блюд от этого увеличивалось незначительно, но больше было возможностей для выбора, “на обмену”.

Об объеме пищи в каждом блюде не сообщается, за исключением данных об объеме хлебных изделий: *половина, четверть, осминка*.

Требования обиходника соблюдались не с одинаковой строгостью. Если продовольственные запасы сокращались и наступала бескормица, то обиход монастырский устрожался. Вот как сообщается об этом в кирилловском обиходнике: “Аще ли ж коли бывают времена и лета

скудна потребных всех плодов земных оумаление грех ради наших во обители и по селом всякого жита и меду и рыбы и всякая снеди и тогда настоятель по совету соборных старцев и всех еже о Хсе братии повелит служебником исполняти в тразе [так! вероятно, описка вместо *трапеза*. – Г.С.] пищу и питье по обиходу монастырскому по времени елико можно долетися братии за оскудение потребных елико бг подаст”.

Сравнение кирилловского обиходника с обиходниками Волоколамского и Новоспасского монастырей показало преобладание общерусского стандарта и соответственно – употребление только общерусских наименований. Какие-либо местные особенности можно наблюдать лишь в перечне разновидностей одного и того же блюда. Например, по сравнению с полным реестром названий старорусских пирогов нет вологодского *капустник*, московских *сырник* и *ягодник*, северно-русских *кулебяка*, *сочень*, *рыбник*, *шаньга*. Названия блюд монастырской трапезы жили веками; *каша*, *яица*, *пирог*, *квас*, *сыр*, *кутия* и *мед* известны с XII века, *молоко* – с XIII, *кисель* – с XIV, пиво с 1280 года. Таким образом, речевые стандарты переходили их эпохи в эпоху (из древнерусской в старорусскую), особенно если в соответствующей сфере (в нашем случае – сфере православного культа) действовал строгий, не подверженный влиянию времени этикет.

*Вологда*

# Легат, нунций, интернунций

М.Ф. ШАЦКАЯ,

кандидат филологических наук

Со времен Древнего Рима и вплоть до XVI века в международных отношениях применялся обычай, согласно которому главы государств для решения тех или иных политических, торгово-экономических, культурных вопросов отправляли друг к другу временные специальные миссии, возглавлявшиеся уполномоченными, которые на Руси (с X в.) именовались *послами*, *посланниками*, на Западе – *легатами*, *аблегатами*, *нунциями* и *интернунциями*. В данной статье речь пойдет об иноязычных обозначениях дипломатических представителей.

Слово *легат* (лат. *legatus* “посол”) и его варианты *легатос*, *лягатос* и др. в русской письменности (сначала рукописной) встречаются с конца XV века в значении “посланный, посол”: “Тогда послаша легати свои всех градов и волостей ц(а)ри и кн(я)зи сирийский” (Юдифь. 3,1 // Книги ветхого и нового завета. Писаны в 1499 г. в Новгороде при дворе архиеп. Геннадия); “Приидут легаты [на поле: послове] от Египта” (Брунона Вирибургского толкование на псалтирь. Пер. с лат. Дм. Герасимова, 1535); “Легатос – посол. Легатосы – посланники” (Книга глаголемая гречески алфавит).

*Легатами* именовались и уполномоченные папы римского. Их было, по крайней мере, пять разновидностей: 1 – *legatus a latere*, 2 – *legatus de latere* или *legatus missi*, 3 – *legatus natus*, 4 – *legati*, посылаемые папой вместо себя на какой-нибудь собор, и 5 – *legatus* – правитель одной из четырех церковных областей – Урбинской, Равеннской, Феррарской и Болонской (см. об этом: Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, СПб., 1804. Ч. 2). Как обозначения собственно послов папы римского служили *legatus a latere* и *legatus de latere* или *legatus missi*.

“Легат (легатос) от ребра апостольского седалища” (ср. лат. *legatus a latere seu Apostolici*) – легат высшего ранга, которому позволено осуществлять полную юрисдикцию по отношению ко всем церковным сановникам на определенной территории. Уполномоченные этого класса были почитаемы не иначе, как сам папа, они имели большею частью чин кардинала. Такого ранга легат упоминается в Новгородской первой летописи под 1441 годом: “Приеха митрополит Исидор с осмого

сбора на Русь из Рима, и нача зватися легатосом от ребра апостольского седалища Римьския власти и митрополитом римским” (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. – Л., 1950).

Духовное лицо высокого ранга носило звание *legata* в силу занимаемой должности (например, архиепископа): “[1472 г.] Папа с нею [Софьей Палеолог] посла людей много добрых греков, да посла с нею легатоса своеа церкви божицы; тех де у себя держитъ семьдесятъ, а кардиналов дванадесать” (Львовская летопись. СПб., 1910); “[1473 г.] Бе же на венчании ...и тот посол Римский Антоний легатос с своими римляны, и Дмитрей Грек посол от царевичев братии царевнины” (Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. Т. 4).

Титул *legata* имел и представитель папы, направляемый в католическую страну с определенным поручением. С XVI века постоянный дипломатический представитель папы при главах католических государств: “И он [папа римский] о том ко всем хрестьянским государем посылал легатов своих, чтоб они стояли против турка [1596 г.]” (Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. Дипломатические сношения с империей Римской. СПб., 1855. Т. 2); “К ростриге к Гришке Отрепьеву писал папин легат, которой живет у польского короля в Кракове ... для утверждения латынския веры [1606 г.]” (Акты, собранные ... Археографическою экспедициею. СПб., 1836. Т. II).

В одном из письменных свидетельств (Посольстве от короля угорского и чешского Владислава к великому князю Ивану III) употреблен транслитерированный латинизм *legat de latere*: “Воистину посреди иных начальников, к которым той же святейший архиерей, христосов наместник, мене легата де латере очи и мысль свою наложа, послал в ваше наяснейшее господство, яко к хрестьянскому и благочестнейшему начальнику [1503 г.]” (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским // Сб. Рус. ист. об-ва. СПб., 1882. Т. 35). *Legаты de latere* принадлежали ко второму классу представителей папы; от *легатов а латере* они отличались лишь тем, что избирались не из кардиналов (см. Яновский Н. Указ. соч.). Но в большей части памятников русского права употребляется лишь однословный термин *legat[os]*: “И цесаревы послы говорили, что им у великого князя с папиным послом быти не пригоже, потому что он посланник, а не большой посол, не легатос. А папин посол говорил приставом, что он большой посол, легатос, а короли все корону приемлют от нашего государя и мне пригоже быти в больших [1526 г.]” (Памятники дипл. сношений Моск. гос-ва с Польско-Литовским).

В настоящее время *legat* – титул высших дипломатических представителей Ватикана: уполномоченный папы римского, направляемый в иностранное государство с особой миссией.

В конце XVII века в русской письменности находит отражение одно-

коренное с *legat* слово *аблегат* (лат. *ablegatus*) и его вариант *облегат* в значении “дипломатический представитель второго ранга, посланник” (применялся как по отношению к уполномоченным папы римского, так и светских государей). Обращает на себя внимание осмысление этой лексемы в московском Посольском приказе: “Во 183-м году с посланники в цесарской грамоте написано, аблегатус ностре экстраординариос, а по русски: посланников наших чрезвычайных... В латинских писмах пишут легатус, а русским языком – посол; аблегатус, а русским языком – посланник [1691 г.]”. (Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. ... с империей Римской. Т. 7); “Сей маркиз человек честной, а что в чину облегага, и то от того, что цесарь ко французу никогда никого в чину посла не посылает, токмо облегага [1699 г.]” (Там же. Т. 9); “Того же числа присылал к великому и полномочному послу польский аблегат ксендз Гамалинский секретаря своего с визитом... что он, облегага, хочет видеться с ним” (Там же).

Этот латинизм фиксируется в “Новом словотолкователе” Н. Яновского: “**Аблегат.** лат. Наместник, или викарий папского легата: точно то, что поверенный в делах”; о нем упоминает “Карманная книжка для любителей чтения русских книг, газет” (СПб., 1837) и “Настольный словарь для справок...” Ф. Толля (СПб., 1863. Т. I). Но оно не включено ни в один из современных словарей, видимо, потому, что это слово вышло из активного употребления; уполномоченные папы римского в ранге посланников стали именоваться *интернунциями*.

С XVI века во многих государствах появляются постоянные папские представители, которые получили наименование *нунциев*. На собрании кардиналов, в августе 1513 года папа Лев X, который был хорошо знаком с постоянным дипломатическим представительством у себя на родине, во Флоренции, назначил подобного рода уполномоченных в Германию, Францию и Англию. Таким образом, постоянная папская нунциатура стала правилом в системе ватиканской дипломатии (с 60-х годов XVII в. и Россия начала учреждать постоянные дипломатические представительства за границей. См. История дипломатии. М., 1959. Т. I). Первоначально *нунциями* или *legati missi* назывались *прелаты* (это обычно высшие духовные лица – архиепископы), посланные в определенное место для охранения епископских прав папы. Назначались нунции и для наблюдения за исполнением постановлений Триентского собора, для борьбы с протестантизмом; такие нунции получали особые полномочия, права епископского церковного суда и назывались *Nuntii cum potestate legate a latere* (Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. 41).

Слово *нунциус* (лат. *nuntius* вестник) и его варианты *нунциуш*, *нунциуш* – в польской огласовке (*nuncyusz*) в значении “постоянный дипломатический представитель папы римского” находим в сообщениях русских дипломатов из-за границы с 30-х годов XVII века, а затем и в

других памятниках права: “Папин духовного чину посол нунциус здесь...сказал, что ему подлинно учинилось ведомо... что шпанской корол(ь) некоторыми мерами к миру не подвижен [1637 г.]” (Вести-Куранты. М., 1972. Вып. I); “Папезскому нунциусу их в д(у)ховных делах не указывать и не повелеват(ь) [1643 г.]” (там же); Приехал в Вену папезской великой посол нунцуш, и был у цесаря на приезде [1695 г.]” (Памятники дипломатических сношений ... с империей Римской. Т. 8); “самому при том быть у папского нунция, который по случаю публичного своего въезда всех здешних и чужестранных министров трактовал [1756 г.]” (Архив князя М.С. Воронцова. Т. 3).

Слово *нунций* (*нунциус*), известное в русской письменности с первой половины XVII века, попадает в лексикографические справочники лишь с начала XIX. Так, в “Новом словотолкователе” Н. Яновского (1804. Ч. 2) сообщается: “**Нунций** или **нунциус**, лат. Титул обыкновенных министров, отправляемых от папы к чужестранным дворам в посольство”. В “Карманном словаре иностранных слов” Н. Кириллова (СПб., 1845. Вып. 2) толкуется это слово так: “**Нунций**... Папский посол, не имеющий звания кардинала... В Польше нунциями называли депутатов, которые посылались провинциями на сейм”. Употребляется этот термин и в современном языке международного права: нунции являются постоянными дипломатическими представителями папы римского в тех странах, где они приняты (с 1995 г. такой представитель Ватикана пребывает и в России, в Москве). Согласно Венскому регламенту (1815 г.) звание нунция соответствует званию посла I класса. В католических странах нунции являются дуайенами дипломатического корпуса независимо от даты вручения своих верительных грамот (Дипломатический словарь. М., 1986. Т. 2).

Производное от *нунций* слово *интернунций* (лат. *internuntius* вестник, посредник) и его варианты *интернунциус*, *-юс*, *-уш*, *-юш* (последние два обязаны польскому посредству *internuncyusz*) с 90-х годов XVII века отражаются в памятниках сношений Московского государства с Римской империей. Любопытен факт осмысления служителями Посольского приказа и этого термина (как и *нунциус*), который употреблялся в подававшихся иностранными дипломатами верительных и иных грамотах, адресованных русскому царю. Он ими калькируется (переводится по-морфемно с подысканием русского соответствия): “В латинских писмах пишут ... интернунциус, а русским языком интер меж, а нунциуж между двумя вестник, а против русского: посланник или посыльщик” (Памятники дипл. сношений... с империей Римской. Т. 7); ср. еще: “В государственном посольском приказе латынского языку переводчики.. сказали: в проезжей де цесарского величества грамоте, какову объявил цесарской присланной Яган Курц, написан он, Яган, по латыне интернунций. И то латинское слово в чину разумеется меж посланника и гонца, и по русски толкуется и называется посланным” (Там же).

Интернунции в дипломатической иерархии стали приравняться ко второму классу – посланников: “цесарское величество ... впредь склонен всем их царского величества, первого и второго чина, служителям се есть послам и посланникам или интернунциям сам отдавать [ответную грамоту] (Там же).

С XVIII века этим латинизмом обозначались в основном папские представители: “Министров тут бывает интернунцией папешской, разыдент гишпанской [1708 г.]” (Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Т. 1); “Порта... заблагорассудила адресоваться к английскому послу Портеру и римско-императорскому интернунциусу барону Пенкиеру [1754 г.]” (Архив М.С. Воронцова. Т. 25). Ср. у Ф. Кальера (Каким образом договариваться с государями. Пер. с франц. СПб., 1772. Ч. 1): “Интернунции суть яко папские резиденты. Аудиторы нунциев остаются часто в достоинстве интернунциев при разных дворах по отъезде нунцией до прибытия другаго нунция”.

Это слово попадает в лексикографические справочники лишь с XIX века. В “Новом словотолкователе” Н. Яновского (1803. Ч. 1) оно представлено в двух вариантах: “**Интернунций** или **интернунциус**, лат. Так называется министр или агент папский, находящийся при каком-либо иностранном дворе вместо нунция”. В “Настольном словаре...” Ф. Толля (СПб., 1864. Т. 2) находим: “**Интернунций** – посланник, агент; в особенности австр[ийский] посланник при Оттоманской порте”. В настоящее время этим словом именуются представители папы римского, аккредитуемые при иностранных правительствах, либо временно замещающие папского посла – нунция, либо являющиеся самостоятельными представителями в ранге посланника (БСЭ. Т. 18).

*Волгоград*



## УРАЛЬСКИЕ КАЗАКИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

А.И. ИЗЮМОВ,  
кандидат исторических наук

Уральское казачье войско одно из старейших в дореволюционной России представляло собой самую крупную русскую общину в мире, представители которой прославились не только на полях сражений, но и на ниве отечественной культуры.

Первоначально войско называлось *Яицким*, а казаки *яицкими*, но после “пугачевского бунта” в январе 1775 года по указу Екатерины II их переименовали в *уральских*.

Войско географически располагалось в долине реки Урала (Яик) от города Уральска на среднем течении реки и до города Гурьева в ее устье. Понятие “казачье войско” включало в себя административно-территориальное, войсковое устройство, природный потенциал региона, и, конечно же, количество казачьих полков и команд, выставляемых на службу.

История зарождения Уральского войска своими корнями уходит в глубь средневековья, в период правления Ивана Грозного. Казаки с реки Волги постепенно перебирались в середине XVI века на реку Урал в район современного Уральска. В 1580 году они разгромили столицу Нагайской Орды город Сарайчик, располагавшуюся недалеко от устья Урала. Уральские казаки принимали участие во всех войнах, которые вела Россия начиная с XVI века и вплоть до первой мировой войны, на которую войско выставило девять полков и несколько отдельных сотен.

Но уральцы – это не только часть военной культуры, но и пласт общегражданской культуры дореволюционной России.

Деятельный век стал для уральского казачества веком “Просвещения”, в период которого, можно смело утверждать, сформировалась войсковая литература и наука, напрямую, конечно же, связанные с историей, экономикой, укладом Уральского казачьего войска.

Первым в плеяде деятелей войсковой культуры стал *Иосиф Из-*

*натъевич Железнов* (1824–1863) – самый крупный из казаков писатель России XIX века (Бородин Н.А. И.И. Железнов писатель-казак. СПб., 1901). Хорунжий Железнов в 1853–1862 годах в составе казачьего полка служил в Москве. В первопрестольной и развернулось его писательское творчество. Окончив только Уральское войсковое училище, Железнов занялся продолжением своего образования. Он близко сошелся с кружком А.Н. Островского, с редакцией журнала “Москвитянин”, с писателями А.Ф. Писемским, А.А. Григорьевым, И.С. Аксаковым. В 1858 году в Москве вышел двухтомник сочинений Железнова. Произведения писателя открыли русскому обществу незнакомый мир уральских казаков, отличный даже от других казачьих общин. В своих произведениях “Картины казацкой жизни”, “Сайгачники”, “Маринкин городок”, “Василий Струняшев” Железнов отразил казачий уклад и менталитет.

В период службы в Москве он сотрудничал с журналами “Отечественные записки”, “Русский вестник”, “Библиотека для чтения”. В 1888 году уже после кончины Железнова в Петербурге вышло трехтомное собрание его сочинений. А в 1910 опять же в Петербурге было переиздано дополненное трехтомное собрание художественных произведений под общим названием “Уральцы”.

В середине прошлого века в казачьем Приуралье жил и работал писатель-этнограф *Никита Федорович Савичев* (1821–1885). Окончив, как и Железнов, Уральское войсковое училище, Савичев много лет нес казачью службу за пределами и на территории своего родного Уральского войска. Выйдя в отставку, Савичев занял должность архивариуса Войскового правления, где и работал до конца жизни. В этот период в полной мере реализовался его творческий потенциал. Еще на военной службе он начал писать стихи и рассказы. Савичев преимущественно печатался на страницах “Уральских войсковых ведомостей”. За 18 лет, начиная с 1867 года он напечатал в этой газете более ста произведений.

Работая в архиве, Савичев соприкоснулся с сокровищницей культуры Уральского войска. Изучил массу материалов по истории, этнографии уральских казаков и сопредельных народов – все это отразилось в его повестях, рассказах, стихах, рисунках. Никита Федорович исследовал огромное количество дел, документов, мемуаров. В связи с утратой архива Уральского войска в период гражданской войны (1918–1920 гг.), труды писателя-исследователя приобрели в наше время значение первоисточника.

Савичев стремился к всестороннему изучению народной жизни. Его интересовали литература, культура, демография, антропология, право, обычаи, обряды казаков Урала. В научном наследии Савичева довольно обширны записи легенд, поверий, былин, “рецептов” народной медицины, в них достаточно ясно проступает мировоззрение, мировосприятие казаков-уральцев.

Наиболее яркими работами Савичева можно назвать “Картины быта уральских казаков”, “Физиономия г. Уральска и его окрестностей за 100 лет и в настоящее время”, “Заметки о народном быте и одежде уральских казаков”, “Уральская старина: рассказы из виденного и слышанного”, “Яицкие казаки и киргизы прошлого века”, “Путевые впечатления из поездок по земле Уральского казачьего войска”. Поэзия Савичева воскрешала седую казачью старину, подвиги предков, обращалась к происхождению казаков (“Песня истории”).

Помимо художественных произведений Савичеву была не чужда и публицистика. Он печатался в столичных периодических изданиях. Научная и писательская деятельность не приносила ему материальных доходов. Савичев жил аскетично, не был женат. Незадолго до смерти начал работать над историей Уральского войска, но не успел завершить ее. Плодотворная деятельность Савичева, к сожалению, почти не нашла отражения в истории науки. Вместе с тем, собранные им фольклорно-этнографические материалы представляют научный интерес и являются яркой страницей в истории не только уральского казачества, но и русской этнографии и фольклористики.

Еще одной фигурой общероссийского масштаба, вошедшей в дореволюционные справочники, словари и энциклопедии, был полковник Уральского казачьего войска, ученый-востоковед *Александр Павлович Хорошихин* (род. –? – 1879). Детство Александра Павловича прошло в одном из калмыцких поселков Уральского войска. В 1853 году Хорошихин поступил учиться на восточное отделение Оренбургского кадетского корпуса, где изучил несколько восточных языков, преподавание которых велось на высоком уровне. В 1859 году был произведен в хорунжие и начал службу в 1-м Уральском полку. Писать начал рано, сразу же после выхода из корпуса. Главной темой его исследований стало прошлое Уральского войска, состав населения с его нравами и обычаями. Хорошихин собрал большой материал по этой тематике, который по разным причинам, к сожалению, не сохранился.

Первую статью “Нечто о Гурьевской дистанции Уральского казачьего войска”, в которой описал Гурьевскую станицу, ее гео-положение, климат, растительный мир, он опубликовал в “Оренбургских губернских ведомостях”. Там же появились его статьи о морских дачах уральцев, тюленьем промысле, рыбных промыслах казаков. Выступал он и на страницах газет “Сельские хозяйства” (1862. № 69), “Московские ведомости” (1861. № 222) и др.

В 1865 году Хорошихин в чине есаула по собственному желанию направился служить в Туркестанский край, где кроме службы также занимался этнографическими изысканиями. В период службы в Туркестане востоковедческое образование, знание культуры Востока помогло Хорошихину решить несколько дипломатических задач. В 1868 году он принял участие в Бухарской экспедиции, возглавил Афганский от-

ряд в составе русских войск. В 1873 году при установлении протектората России над Хивой Хорошхин вошел в Совет, учрежденный при Хивинском хане. Состоя в этой должности, Хорошхин получает возможность собрать значительный материал по Средней Азии, который воплотился в “Очерки Туркестана” (1872), “Народы Средней Азии” (1871), “Туркестан” (1873), “Шемды или Талы” (1873), опубликованные как в периодической печати, так и отдельными изданиями.

Хорошхин был одним из знатоков Средней Азии, посвятив ей целый ряд произведений литературных и научных.

В 1875 году в сражении под Махрамом, командуя казачьим отрядом, Хорошхин попал в засаду и вместе со всеми погиб. Его похоронили в Бухаре. Научно-литературное наследие Александра Павловича насчитывает около восьмидесяти статей, брошюр, книг по топографии, народоведению Средней Азии и Уральского казачьего войска (русский биографический словарь. СПб., 1901. Т. 21).

Крупнейшим в среде казаков писателем, историком и поэтом конца XIX – начала XX веков был *Ахил Бонифатьевич Карпов*, есаул Уральского казачьего войска. Он родился в дворянской семье. Образование получил в Оренбургской военной прогимназии. После ее окончания пошел на службу в Амурское казачье войско, так как его отец Бонифатий Архипович перевелся из Уральского войска в Амурское еще в 1860 году. Ахил Карпов также прошел курс Оренбургского казачьего юнкерского училища, откуда был выпущен по 1-му разряду. Произведен в хорунжие в 1886 году. До 1896 Карпов нес службу на Амуре, а затем вернулся в Уральское казачье войско.

Главный труд Карпова – “Уральцы” (Уральск, 1911). Это исторический очерк, уникальное произведение о начальном периоде истории Уральского казачьего войска 1550–1725 годов. Объем книги 904 страницы и 94 страницы приложения (документы, архивные материалы). Писатель, опираясь на большой исторический материал, показал уральское казачество как русский субэтнос.

Карпов как исследователь и писатель сформировался под воздействием сочинений И.И. Железнова, а служба в Войсковом правлении дала ему доступ к архивным материалам по истории Уральского войска. Он писал о сложных взаимоотношениях казаков с центральной властью, что в конечном счете привело к потере независимости, к утрате народовластия и подчинения уральцев правительству. О трагедиях, рожденных эпохой столкновений Центра с Уралом рассказано Карповым в книге “Памятник казачьей старины” (Уральск, 1909). Она была задумана как вторая часть “Уральцев”, вышедших в 1911 году, и должна была охватить жизнь Уральского войска со времен Пугачева и до последнего активного казачьего выступления в России, т.е. до 1917 года.

“Памятник казачьей старины” представляет собой нечто среднее

между комментарием к истории войска и его хроникой с 1700 по 1879 годы. Написана она отдельными очерками, очень живописно изображены жизнь и борьба за свое самостоятельное существование последней русской вольной общины, долго хранившей старую веру и вечевые порядки. Много пришлось перестрадать казакам за несогласие с вводимыми новшествами, выражая его традиционным криком: “Не желам! погрешно!”. Эту книгу рекомендовал к чтению журнал “Офицерская жизнь”: “Язык ее эпический, спокойный, весьма гармонирует с содержанием, да и составлена она талантливо”. “Русский инвалид” подчеркивал, что книжечка эта особенно любопытна и дорога тем, именно тем, что она проникнута горячим чувством преданности историка тому, о чем он пишет. Ясно видно, по выражениям его, по их разнообразным оттенкам, что он и радуется и скорбит вместе с родным казачеством. Нет шаблона в его труде, он выливается из сердца и если “полной история будет похожа на краткие очерки, то будет ему честь и слава, а выхода ее в печать надо ждать с живейшим интересом”.

Служба на Амуре нашла свое отражение в книге Карпова “Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками” (СПб., 1909). Он стал своеобразным последователем В.И. Даля, лексикографом, исследовавшим диалекты казаков. Им выпущен “Сборник слов и выражений, употребляемых уральскими казаками” (Уральск, 1909). В предисловии дана характеристика взглядов Карпова на природу и особенности местного говора, выражено мнение, что говор относится к русскому диалекту выходцев Новгорода и Ярославля. Сборник отнесен к числу толковых словарей “живого” языка. Внимание в нем Карпов уделил словам и выражениям, которые придают речи уральцев неповторимую окраску, запечатлевают своеобразие быта, трудового процесса, общественных отношений. Он стремился передать для будущих поколений индивидуальный облик казаков, красочность их речи, донести до их потомков прелесть языка. Живая речь в сборнике неповторима, выразительна, точна.

Через год Карпов издал в Уральске две книги “Казачьи стихотворения” и “Стихотворения” (для школ Уральского казачьего войска). Казаки в книгах, конечно, являются “как буря бесстрашными орлами”, богатырями, то есть характеризуются исключительно воснными эпитетами. Это неудивительно, ибо Карпов видел, в основном, идеал казака в прошлом. В числе стихотворений есть произведения исторического и лирического содержания. Часть их публиковалась ранее в Уральской периодической печати, другая увидела свет впервые.

Карпов проделал работу не только как собиратель фактического материала, но и проявил себя как философ, экономист, фольклорист, историк, литератор. Расцвет его творчества приходится на начало нашего века.

После смерти Ахила Бонифатьевича в Уральске в 1913 году переиз-

дана его книга “Сборник слов и выражений, употребляемых уральскими казаками”.

Фигуру А.Б. Карпова можно назвать одной из крупнейших в культуре казачества предоктябрьского периода (Фокин Н. Карпов Ахил Бонифатьевич // Пульс. Уральск, 1991. № 1).

Крупный ученый-естественник Николай Андреевич Бородин (1861–1937) начал свою карьеру войсковым техником рыболовства, а закончил ее профессором Гарвардского университета. В 1879 году после окончания с золотой медалью войсковой гимназии Бородин поступил учиться на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, который успешно закончил в 1884 году. В следующем году он возвратился в Уральск и начал службу чиновником Уральского казачьего войска.

Объектом научных изысканий Бородина стали история, география, этнография, ихтиология Уральского войска. В период работы в Уральске с 1885 по 1890 годы вышли в свет десятки книг, брошюр и статей Бородина; к числу наиболее известных относятся “Статистический атлас Уральского войска” (СПб., 1891), “Уральское казачье войско. Статистическое описание” в 2-х томах (Уральск, 1891), “Правила производства рыболовства в Уральском казачьем войске” (Уральск, 1894), “Рыбоводство и рыбный промысел в Западной Европе и Северной Америке” части 1 и 2 (СПб., 1898–1900) и др.

С 1900 года Бородин был приглашен на работу в Министерство земледелия в качестве старшего специалиста по рыбоводству в Империи. В это же время (до 1906 г.) он становится в столице издателем и редактором первой общероссийской газеты “Вестник казачьих войск”, которая стала настоящим хранителем казачьей культуры. В публикуемых там статьях, рассказах, очерках, фельетонах, отражалась история и современная жизнь казачества.

Бородин создал капитальный труд о войсковом хозяйстве кубанских казаков – “Кубанское рыболовство. Его современное положение и нужды” (СПб., 1904). Ученый в книге провел подробнейший анализ рыбного хозяйства и возможностей его развития в пределах Кубанского края.

С 1906 года Николай Андреевич защищает интересы уральских казаков в 1-й Государственной Думе, в которую он был избран от Уральского войска. Бородин утверждал, что уральское казачество отлично поняло сущность конституционного устройства и поддержало его развитие в России.

Ценность его работ заключалась в непосредственной связи ученого с практикой и нуждами казачьего хозяйства России конца XIX – начала XX веков. Социально-этические взгляды ученого обусловлены поисками путей общественной адаптации в условиях капитализации. В своем труде “Уральское казачье войско. Статистическое описание”

Бородин проанализировал социально-хозяйственную эволюцию населения региона. Ученый исследовал процесс капитализации казачьего хозяйства во второй половине XIX века и связанную с ним имущественную дифференциацию аграрного населения края.

Бородин не питал иллюзий относительно полезности консервации патриархального уклада жизни. Наоборот, ученый обосновал в своих трудах необходимость, да и неизбежность индустриального развития общества.

Бородин абсолютизировал потенциал естественных наук, как единственно научное знание и даже отвергал, правда весьма умеренно, философско-мировоззренческую проблематику исследований, как не имевшую познавательного значения.

После февраля 1917 года Бородин был избран членом Учредительного собрания от Уральского казачьего войска. Последовавший разгон Собрания вынудил его переехать в Сибирь, где он стал представителем Уральского войска при правительстве А.В. Колчака.

С конца 1919 года Бородин жил и работал в США. Поначалу он преподавал в Русском народном университете в Нью-Йорке, а в августе 1928-го его пригласили в Гарвард, где он и закончил свой жизненный путь в 1937 году профессором университета (Изюмов А.И. Николай Андреевич Бородин // США: экономика, политика, идеология. 1991. № 6).

Рамки данной статьи не позволяют рассказать о всех выдающихся казаках Уральского войска, внесших весомый вклад в русскую культуру. Таких, как М.А. Жаворонкова – первая в России женщина-издатель (См.: Казачий словарь-справочник. Сан-Ансельмо, США, 1970. Т. 3), фольклорист Н.Г. Мякушин, писатель В.П. Правдухин и многих других, ставших почти “неизвестными” после катаклизмов 1917 года.



## ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ\*

Г.П. СМОЛИЦКАЯ,  
доктор филологических наук

**Россия. Российская Федерация.** Государство со столицей – городом Москва (в прошлом Русь, Русская земля, Русское государство). Истолкование этого названия весьма затруднительно. Этому вопросу посвящена большая литература. Она приведена в Кратком топонимическом словаре В.А. Никонова (М., 1966).

Современная наука отвергает как несостоятельную версию о норманнском происхождении этого названия. По этой версии, *Русь* и лежащий в его основе этноним *рус* (позже *русский*) связывали с названием племени *родс* (*руотси*) и с топонимом *Рослаген* в Швеции. Племя с названием *родс* обнаружить не удалось, а топоним *Рослаген*, по мнению О.Н. Трубачева, значит “гребной мореходный закон” и отражает феодальные отношения средневековья, то есть того времени, когда имя *Русь* уже давно было известно. В.А. Никонов не предлагал своего решения этой проблемы, но отвергал норманнскую версию, так же как и попытки связать название *Русь* с *русый* или *русло*.

Последнее слово в этимологии названия *Русь*, *Россия* принадлежит академику О.Н. Трубачеву, который высказал его в нескольких своих работах, в частности, и в журнале “Русская речь” (1987, № 3). Но он не

\* Продолжение. Начало см.: Русская речь. 1994. №№ 4–6; 1995. №№ 1–6; 1996. №№ 1–6; 1997. №№ 1–6; 1998. №№ 1–5.

считает этот вопрос до конца решенным. О.Н. Трубачев говорит, что название *Русь* распространялось с юга на север, по Днепру, а не с севера на юг. Это доказано историками. Он считает, что есть основание исходить из названия народа *рос*, обитавшего в VI веке в Северном Причерноморье, в его индоарийской (праиндийской) форме *рукиш*, имеющего диалектный вариант *русс*, представленный в топониме западного Крыма – *Россотар*, который можно перевести как “Белый берег”. К тому же по соседству, поблизости от устья Днепра известен древнерусский топоним *Белобережье*. О.Н. Трубачев считает, что для полного принятия этой версии нужны новые факты того, как общались между собой и какими путями разошлись славянские, иранские и индийские племена, жившие в древности в этих местах. *Белым берегом*, *Белобережьем* – Северное Причерноморье было для кочевников западом, белой, светлой стороной, где свет солнца держался дольше. “В первые века нашей эры Северное Причерноморье было западом для многих кочевников, двинувшихся в великое переселение с востока. *Белый берег*, *Белобережье*, *Рос* – так обозначалось это на разных языках общавшихся между собой племен этого района. Здесь, по-видимому, и зародилось название *Русь* – “Белая сторона” – с забытым ныне значением» (Трубачев О.Н. *Русь, Россия // Русская речь*. 1987. № 3). Один из важных аргументов в пользу этого мнения он видит в русском документе XVI века – Степенной книге, в которой русы, живущие в Причерноморье, называются *куманами* (половцами), то есть светлыми, так как живут в Белой стороне. Но для полной уверенности тюркологи должны выяснить одно обстоятельство – не стали ли тюрки-кипчаки называться *куманами* (половцами), светлыми, лишь после того, как оказались в северном Причерноморье, то есть в “Белой стороне”, с XI века (там же).

россияне, россиянин, россиянка и русские, русский, русская, устар. росссы, росс и русичи, русич; устар., разгов. русак  
*Русак до читанья, хохол до спиванья.*

*Русского человека что парит, то и правит (лечит).* Речь идет о бане: в бане русские не только моются и парятся, но и лечатся посредством пара.

*На Руси не все караси, есть и ерши.* Это значит, что среди русских не все ленивые и безразличные, но есть деловые и активные люди.

*России и лету союза нету (нет).* Имеются в виду холодные климатические условия, в которых преимущественно расположена Россия.

**Россошь** (1923). Город в Воронежской области. Название дано по реке Россошь, у слияния которой с рекой Черная Калитва находится город. В основе названия реки лежит слово *россошь* (из *рассоха*) “местность между двумя реками, оврагами, сходящимися под углом”, “расточка, разречь”, а также “река, овраг, образующие при впадении острый угол”. Это соответствует действительности, т.к. река Россошь образу-

ет угол при слиянии с Черной Калитвой. В XVI веке была известна даже фамилия Росоха (Веселовский. Ономастикон):

россошанцы, россошанец, россошанка  
россошанский, -ая, -ое и россошский, -ая, -ое

**Ростани.** Село в Орловской области. **Ростань.** Деревня в Ленинградской области. **Росстанье.** Село в Мордовии. В основе этих названий русское диалектное слово *ростань* (*росстань*) “перекресток дорог”, производное от *расставанье* “прощание перед разлукой”.

ростанцы, ростанец  
ростанский, -ая, -ое, ростаньский, -ая, -ое, ростаньевский, -ая, -ое

**Ростов, Ростов Великий** (862)\*. Город в Ярославской области. Происхождение названия не установлено. Предположения о связи с личным мужским именем *Рост* (< *Ростислав*) или как адаптации какого-либо иноязычного названия (последнее выдвинуто Ст. Роспондом), неаргументированы, а значит, неубедительны. В частности, имя *Ростислав* не зафиксировано в древнерусских памятниках письменности. Можно предположить, что в основе топонима прилагательное *ростов* (> *ростовый*, *растовый*) в значении “самый удобный, самый приятный, самый лучший”, когда все растет, размножается: ростовая пора, ростовый сыр, ростовое масло, ростовый скот и др. (Даль. IV). Ростов – это город, основанный в самом лучшем, удобном благоприятном месте, или город, заложенный в самое лучшее, удобное, благоприятное для этого время – самый лучший для жизни город. Известна даже фамилия (прозвище) *Раст*, но она фиксируется только в источниках XVI века: Раст Пилюгин, к. XVI в., Арзамас (Веселовский. Указ. соч.).

Вторая часть названия соотносится с *великий*, что в древнерусском языке значило “большой”, а не “самый большой, великий”. Ср. *Великие Луки*.

ростовцы, ростовец, ростовка и ростовчане, ростовчанин, ростовчанка

ростовский, -ая, -ое

*Ростовцы* – *вислоухие, лапшееды, родимое озеро соломой зажига-ли*. Имеются в виду такие обстоятельства: ростовцы носят шапки-ушанки, уши которых свисают; любят есть лапшу; жгли на льду солому, чтобы растопить его для ловли рыбы.

*Ростовцы* – *огородники, птичники, каплунники* (*каплун* – индюк). О занятиях ростовцев.

*Ростовский каплун* – прозвище по занятию жителей (разведению каплунов – индюков).

**Рошаль** (1940). Город в Московской области. Название дано по фамилии одного из руководителей кронштадтских моряков – С.Г. Рошала (1896–1917), погибшего в гражданскую войну. Первоначальное название поселка – *Крестов Брод*, расположенного у брода через реку Вой-

мегу (Е.М. Поспелов. Имена городов: вчера и сегодня – 1917–1993. М., 1993).

рошáльцы, рошáлец  
рошáльский, -ая, -ое

**Рóщино.** Поселок городского типа в Ленинградской области. В основе названия слово *роща* “небольшой, преимущественно лиственный лес”. Поселок получил название потому, что расположен поблизости от заповедной Корабельной рощи (Петровской Корабельной рощи), единственного в Европе заповедника, где выращиваются сибирские лиственницы. От топонима производное – р. Рощинка.

рóщинцы, рóщинец, рóщинка  
рóщинский, -ая, -ое

**Рúдня** (1926). Город в Смоленской области. В основе названия апеллятив *руда*, т.к. в прошлом Рудня – это село, возникшее у места добычи железной руды. В русской топонимии вид полезных ископаемых часто дает основу названию населенного пункта, возникающего в связи с его добычей или обработкой. Но первоначально название, видимо, относилось к речке с красноватой водой, так как в ней содержались окиси железа. Таких названий очень много к югу и юго-западу от Москвы, хотя к югу (Тульская обл.) более частые *Ржава*, *Ржавка*, а западнее – *Рудня*, *Руденка* и т.п.

руднiя́нцы, руднiя́нец  
руднiнский, -ая, -ое и рудненский, -ая, -ое; руднiя́нский, -ая, -ое

**Руза** (1328)\*. Город в Московской области. Название дано по одноименной реке, на которой город был основан как крепость для защиты западных границ Московского княжества. Предположение о балтийском происхождении гидронима высказал В.Н. Топоров. Его можно соотнести с латышским *ruosa* “узкий луг с ручьем между полями или лесами”. Вероятно, название дано в верховьях, где речка берет начало в живописной местности Гжатско-Можайской возвышенности как небольшой ручей. Балтийская версия поддерживается и тем обстоятельством, что Руза находится в подмосковном ареале балтийской топонимии.

ружáне, ружáнин и рúзцы, устар. рузáне  
рúзский, -ая, -ое

*Рузцы* – *дровосеки*. Имеется в виду основное занятие – заготовка дров (в лесу).

**Рузáевка** (1937). Город в Мордовии. Как считают исследователи топонимии Мордовии, в основе названия лежит адаптированное татарское мужское имя *Уразай*. В 1631 году темниковскому мурзе Уразуаю в этих местах были пожалованы земли. Окрестное мордовское население и сейчас называет город *Оразай* (Инжеватов. Топонимический словарь Мордовской АССР). Форма же *Рузаевка* образована средствами русского языка: утрата начального у (известна в диалектах: *огурцы*, *угурцы* > *гурицы*), суффиксы *-ев*, *-к(а)*. Эти способы довольно активны

в топонимии России, особенно при образовании названий небольших водных объектов и селений.

рузаевцы, ружаевец  
рузаевский, -ая, -ое

**Русская Ла́шма.** Русское село в Мордовской республике. Первая часть названия отражает этнический характер жителей села, вторая часть – мокша-мордовское слово *лашма* “низина, лощина, низкая местность, понижение с неглубокими оврагами” (Инжеватов. Указ. соч.). В этом словаре приведено 23 топонима со словами *русская, русский, русское, русские*. Все они – русские селения: *Русская Велязьма, Русская Козловка, Русская Паевка, Русские Парки, Русские Полянки, Русский Лундан, Русский Шабдас, Русское Баймаково, Русское Яндовище* и др.

русколашминский, -ая, -ое; русскокозловский, -ая, -ое;  
рускополянский, -ая, -ое; русскояндовищевский, -ая, -ое

**Рыбинск** (1777). Город в Ярославской области. Впервые поселение на месте современного города упоминается в летописи под 1071 годом как Усть-Шексна, с 1137 – Рыбаньск, с 1504 – Рыбная слобода (Города России, М., 1994). Другие названия – *Дворцовая ловецкая слобода, Рыбной*. Этимология прозрачна, в ее основе слово *рыбный* “относящийся к рыбе”. Дело в том, что местные жители занимались рыбной ловлей и обязаны были поставлять свежую рыбу к царскому столу. В 1946–1957 годах город назывался *Щербаков* в честь партийного и государственного деятеля А.С. Щербакова (1901–1945), а в 1984–1988 годах – *Андропов*, тоже в честь партийного и государственного деятеля: Ю.В. Андропова (1914–1984).

рыбинцы, рыбинец  
рыбинский, -ая, -ое

**Ры́бное** (1961). Город в Рязанской области. Впервые упоминается в платежных книгах 1594–1597 гг. как владение Богдана Коробина. Известны и другие формы этого топонима: *Рыбино, Рыбни*, которые дают основание считать, что это название антропонимического происхождения – от фамилии *Рыбин*. Эта фамилия тоже упоминается в деловых документах Рязанского края. Она могла быть образована от прозвища *Рыба*, которое имел один из пронских князей: кн. Рыба Федор Юрьевич Пронский, середина XVI в. (Веселовский. Указ. соч.). Непосредственно с рыбой, с ее изобилием топоним не связан, так как город стоит не на реке и не на озере. Ближайшая к нему река Вожа находится примерно в семи километрах от него, а в XVII веке это расстояние было еще больше.

рыбновцы, рыбновец, рыбновка  
рыбновский, -ая, -ое

**Рыльск** (1152)\*. Город в Курской области. Один из древних русских городов, известен в летописи с 1152 года. Название дано по реке Рыло, у впадения которой в реку Сейм находится город. Гидронимы с основой

*ры(ть)* встречаются довольно часто в славянской топонимии. Вероятно, эта основа отражает прорывание рекой нового русла, помимо ее естественного. Есть мнение о том, что *Рыльск* – это измененная форма от *Ярильск* (*Ярило* – славянский бог солнца и тепла), но оно недостаточно аргументировано. Неубедительно объяснение гидронима *Рыло* как реки, где свиньи нарыли много рытвин, что косвенно свидетельствуется кабаньей головой в гербе города (Яценко. 1958). Скорее, здесь обратная зависимость – влияние названия реки на символику герба.

Есть также предположение о связи местного Свято-Николаевского мужского монастыря с Рильским монастырем в Болгарии, что могло дать основание для названия города.

рыляне, рылянин; рыльчәне, рыльчанин; рыльцы  
рыльский, -ая, -ое

**Рябкинский Завод.** Русская деревня в Мордовской республике. Основана в 1719 году рабочими Рябкинского железодельного завода купца А. Милякова на реке Рябке (Ряпце). Гидроним *Рябка* дал название заводу и селению. Как отмечает И.К. Инжеватов (Указ. работа), этот гидроним присутствует и в таких мордовских названиях селений: *Старая Рябка, Новая Рябка, Рябкинский Новый Гарт (Новые Буты), Рябкинский Гарт (Старые Буты)*.

рябкинцы, рябкинец, рябкозаводцы, рябкозаводец  
рябкинский, -ая, -ое и рябкозаводский, -ая, -ое.

**Ряжск** (1502). Город в Рязанской области. Упомянут впервые под названием *Рясск*. До появления города эта местность называлась *Рясское поле*. Это обстоятельство дает основание видеть в основе топонима слово *ряса* “мочажина, топь, топкое место” или “речные водоросли; трава, растущая в озере”. Не исключается предположение В.А. Никонова о том, что в основе топонима слово *ряж* “деревянный сруб, наполненный песком”. Такие срубы, ящики могли использоваться при сооружении укрепления, которые впоследствии дали название самому укреплению, а затем и городу внутри него. Такой принцип номинации известен в топонимии Центральной России. *Китай-город* в Москве получил название по оборонительной стене. Китай-город “плетенничный, построенный по принципу плетня; плетень”. *Кита* (тюрк.) – “связка веток”, “крепость”, построенная из таких связок. Подтверждением этой версии может служить и само назначение возникшего поселения как укрепленного пункта, контролировавшего волок, соединявший бассейны рек Оки и Дона.

ряжцы, ряжец; устар. ряшәне, ряшанин  
ряжский, -ая, -ое

**Рязань** (1095)\*. Город, центр Рязанской области. Первоначально название относилось не к современной Рязани, а к городу, расположенному ниже по Оке (современное с. Старая Рязань), бывшему столицей Рязанского княжества. После разгрома этого города войском Батыея (1237 г.) сто-

лица была перенесена выше по Оке на реку Трубеж при впадении в нее небольшой речки Лыбедь и стала называться *Переяславль-Рязанский*, т.е. город, который должен перенять (перейти) славу разрушенной Рязани. С 1778 г. (или с 1777) город стал именоваться Рязань.

Происхождение названия окончательно не выяснено. Множество гипотез можно свести к двум – славянской и финно-угорской. Наиболее убедительной из славянских гипотез надо считать соотнесение топонима с диалектными апеллятивами *ряса* “мочажина, топь, топкое место” или *ряса, ряска* “речные водоросли; трава, растущая в озере”, довольно активными в топонимии, особенно в гидронимии, в частности, в бассейне Оки, в междуречье Оки и Дона (рр. Становая Ряса, Раковая Ряса, возможно, г. Рязжск и др.). Окончательно принять эту версию не позволяет словообразовательный и фонетический аспект топонима *Рязань*, а также физико-географическое положение города – не на болоте, а на высоком крутом берегу Оки.

Наиболее убедительна версия о соотнесении названия *Рязань* с этнонимом *эрзя*, выдвинутая сто лет тому назад священником и археологом Любомудровым: Рязань – это город эрзи – *Эрзянь*. М. Фасмера смущала невозможность фонетического объяснения Эрзянь > Рязань. Но, как показали исследования А.И. Попова, перестановки слогов и даже отдельных звуков часто встречаются при вхождении мордовских слов в русский язык: *Ривезень* и *Верезень*, *Вармалей* и *Варламей*, *тешиш* и *пешите* “орех” и многие другие (Попов А.И. Топонимическое изучение Восточной Европы // Ученые записки ЛГУ, 1948. Серия востоковедческих наук. Вып. 2). Сюда же можно отнести и гидроним *Рянза* в бассейне реки Цны (Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки), который находится в ареале многочисленной мордовской топонимии. О наличии эрзянского населения в Рязани (имеется в виду Старая Рязань) до прихода туда славян свидетельствует более древний археологический культурный слой на городище Старая Рязань – городецкий, соотносимый с мордвой-эрзя (Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961).

Связь топонима с резней, битвой с войском Батюга несостоятельна, так как город носил название Рязань еще за 150 лет до этого события (первое упоминание в 1095 г.). Нельзя также признать убедительным соотнесение названия *Рязань* со словом *резана* “то, что отрезано; отрезанный” в контексте отдаленного нахождения Рязанского княжества, входившего в состав Черниговского, по той же хронологической причине.

Поблизости от Рязани находится село Константиново – родина поэта Сергея Есенина. Здесь он родился, вырос, часто приезжал сюда и работал над стихами. Рязань – родина всемирно известного ученого-физиолога И.П. Павлова.

ряза́нцы, ряза́нец, ряза́нка: устар. рязан́ичи, рязан́ич  
ряза́нский, -ая, -ое

*Рязанцы* – *косопузые*. Это прозвище дано потому, что рязанцы завя-

зывали пояс не как положено – спереди, а сбоку. Таким образом, у них получался как бы сдвинутый набок, косой живот, в просторечии *пузо*. А кроме того, рязанцы всегда были хорошими плотниками и носили топоры за поясом, отчего живот казался перекошенным, косым.

*В Рязани пироги с глазами. Их едят, а они глядят.* В этой поговорке, вероятно, речь идет об особых пирогах, которые пекли в Рязани – с открытой начинкой, на которую накладывалось украшение из теста в виде клеток с круглой деталью внутри клетки, что и создавало впечатление глаза.

**Ряньзя.** Русский поселок в Мордовской республике. Основан в 30-х годах XX века. Как считает И.К. Инжеватов, город основан переселенцами из одноименного села Ряньзя (ныне в Пензенской области) и расположен на реке Ряньзя (указ. соч.). Это обстоятельство затрудняет определение принципа номинации.

ряньзенцы, ряньзенец и ряньзинцы, ряньзинец  
ряньзенский, *-ая, -ое* и ряньзинский, *-ая, -ое*

*Продолжение следует*



## Петровские Ворота

М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ,  
доктор филологических наук

Почти каждая из центральных московских улиц, проходящих внутри Бульварного кольца, имеет свою особую историю и свой неповторимый облик. Грибоедовскую метафору о москвичах “На всех московских есть особый отпечаток”, которую автор “Горя от ума” вложил в уста Фамусову, можно успешно и без иронии применить к старинным московским улицам и переулкам. *Петровка* – наглядный тому пример.

Многие московские улицы на карте похожи на лучи-радиусы, идущие в разные стороны от Кремля. Это – древние дороги, названия некоторых из них спустя века стали наименованиями улиц. Дорога на Тверь превратилась в *Тверскую* улицу, а например, дорога на Дмитров – в *Большую и Малую Дмитровку*. Старинной дорогой была и современная *Петровка*, степенно почивающая ныне между Театральной площадью и Средним Каретным переулком. В раннем средневековье она вела в Занеглименье, в стоявшее на холме село *Высокое*, близ которого в XIV веке был основан *Высокопетровский* монастырь, и в дальнейшем от Москвы в ту пору село Сущево...

У *Петровки* есть своя характерная черта: для Москвы почти уникальная улица сохраняет свое имя и после пересечения Бульварного кольца, бывшей оборонительной линии Белого города. Знаменитый адрес “Петровка, 38”, по которому прописан Московский уголовный розыск, принадлежит зданию, находящемуся на Петровке уже в бывшем Земляном, а не Белом городе, то есть за площадью *Петровские Ворота*.

О планировке старинных кварталов Москвы в районе Неглинки, Петровки, Кузнецкого Моста москвоведы говорят так: она сложилась

в XIV–XV веках и во многом определялась береговыми склонами реки Неглинной. Наши предки выстроили на более высоких местах монастыри-крепости, которые были составной частью внутреннего оборонительного кольца города. Что же касается радиальных улиц Петровки и Рождественки, то они сформировались по линии дорог, соединявших монастыри с Кремлем и Китай-городом. Позже – в XV–XVI веках – здесь возникли ремесленные слободы кузнецов (отсюда наименование улицы *Кузнецкий Мост*), мастеров по отливке пушек и колоколов (о ней напоминает имя *Пушечной* улицы), ткачей, которые поставляли царскому двору скатерти-”столешники” (их слобода стояла на месте современного *Столешикова* переулка).

В XVII–XVIII веках на смену слободам ремесленников и служилых людей пришли усадьбы дворян и бояр. Чуть позже – в конце XVIII века – в этом уголке Москвы стали селиться и богатые купцы. Так район Петровки, Неглинки, Кузнецкого Моста, Рождественки стал одним из центров дворянской и купеческой Москвы.

Монастырь, давший имя будущим улице *Петровке*, *Петровским воротам* Белого города, *Петровским линиям* и *Петровскому бульвару*, был заложен двумя нашими выдающимися предками – святителем Петром, митрополитом Всея Руси, и Московским князем Иваном Калитой.

Московский святитель Петр, с 12 лет постриженный в монахи и первоначально живший на Вольни, где он основал монастырь на реке Рати, был митрополитом Всея Руси в 1308–1326 годах. В 1325 году он перенес первосвятительскую кафедру из Владимира в Москву, положив тем самым начало возвышению и становлению Москвы как общерусского центра. Именно митрополит Петр дал совет князю Московскому Ивану Калите построить в Кремле храм во имя Успения Божией Матери, который, как он предрек, прославит князя и весь род его, возвысит град Москву. Все сбылось: Москва стала столицей Руси и “собирающей городов русских”...

По легенде и записи в Степенной книге 1326 года, князю Ивану Даниловичу, охотившемуся на берегах реки Неглинной, предстало короткое видение: высокая гора, покрытая искрящимся снегом, – затем снег растаял, а гора исчезла. Князь рассказал о видении митрополиту Петру, к которому был очень расположен. Владыка дал ему такое толкование: “Снег – это я. Я скоро преставлюсь. А ты возвысишься своими делами, но придет и твое время. Умрешь и ты...” Петр скончался через год, в декабре 1326 года и был погребен в Успенском соборе. Его гробница стала одной из московских святынь, дающих чудесное исцеление людям. В 1327 году Владимирский Собор причислил Петра к лику святых – первым среди московских святых. Россия почитала и почитает святителя Петра как нашего молитвенника перед Господом и как защитника народа российского. Память его православными совершается 21 декабря и 24 августа по старому стилю.

Через четырнадцать лет после чудесного видения снежной горы умер Иван Калита. Но уже стояла близ дороги в село Высокое Петропавловская обитель с деревянной церковью во имя святых апостолов Петра и Павла, заложенная по велению Калиты в том памятном 1326 году.

С течением лет Петропавловская обитель превратилась в *Высокопетровский монастырь*, который неоднократно расширился и перестраивался, обретя каменные храмы, стены, башни, колокольни. При великом князе Василии III, отце Ивана Грозного, талантливый зодчий Алевиз Фрязин (по происхождению он был итальянцем), создатель Архангельского собора в Московском Кремле, построил здесь восьмилепестковый каменный храм с престолом во имя *святого Петра Митрополита*. Храм был возведен за три года – (1514–1517).

Особое внимание уделял Петровской обители еще один выдающийся российский властитель и реформатор – Петр I. Достаточно вспомнить о трапезной церкви во имя Сергия Радонежского, воздвигнутой Петром Алексеевичем в 1690–1694 годы близ собора св. Петра в память и благодарность за свое спасение в Троице-Сергиевом монастыре во время стрелецкого бунта, случившегося в августе 1689 года.

Мало кто знает о том, что в советскую эпоху гонений на религию духовная жизнь в Высокопетровском монастыре не была прекращена полностью. Благодаря настоятелю обители владыке Варфоломею здесь, на Петровке, существовала практически подпольно Духовная академия, и в этом для жизни церковнослужителей был реальный риск... В 1926 году Высокопетровский монастырь был официально упразднен.

Промыслительным образом он был все же спасен от полного разрушения и забвения: парадоксально, но это произошло благодаря тому, что в 50-е годы все здания, храмы и сооружения обители были отданы Министерству культуры СССР. Церковная жизнь в обители на старинной улице Петровке была возобновлена в 1992 году богослужениями в церкви Сергия Радонежского. Православные москвичи хорошо знают адрес монастыря “Петровка, 28/2” еще и потому, что здесь находится Отдел религиозного образования и катехизации Московского Патриархата.

Что же касается еще одного известного адреса – строгого на вид дома № 22 по Петровке, в котором сейчас расположена Московская городская Дума, то ему в 1999-м исполняется семьдесят лет: дом построили в 1929 году для районных советских и партийных организаций по проекту архитектора П.Н. Кучникова.

Мужское имя *Петр*, которое через имя митрополита Петра и наименование Высокопетровского монастыря вошло в состав названия улицы Петровки, по своему происхождению – греческое. *Petros* означало “камень, скала”, отсюда ведут свое происхождение и научные термины

*петроглифы* (“изображения, высеченные древними людьми на камнях”), *петрография* (“наука о горных породах”).

Площадь Петровские Ворота, расположенная между Петровкой, Страстным и Петровским бульварами, по сути – часть самой улицы Петровки. Даже дома, ее ограничивающие, имеют не самостоятельную нумерацию, а “приписаны” к Петровке: №№ 27 и 29, 28/2, 30/7 и 32. Этот топоним – еще один памятник средневековой Москвы, напоминающий о городской системе оборонительных укреплений, частью которой были и Петровские ворота Белого города. С начала XIX века здесь прошла первая линия московских бульваров.

Само слово *ворота*, означающее “широкий, обыкновенно двухстворный проход или проезд в ограде, стене”, “широкое отверстие для прохода или проезда в стене, ограде, а также подвижная плоскость, закрывающая это отверстие”, – очень древнее. Ученые-этимологи считают, что *ворота* – общеславянское слово индоевропейского характера. В древнерусском языке оно зафиксировано с XI века, образовано было при помощи суффикса *-т-* от той же основы, которая содержится в древнерусском слове *ворь* “ограда, забор” и восходит к праславянскому глаголу *\*verti* “запирать”. В старославянском языке употреблялось похожее на него слово *vrata*, от которого образованы слова *вратарь* и *привратник*; оно в нашей современной русской речи употребляется лишь в высоком, книжном стиле. Однокоренные слова в том же или близком значении существуют во многих славянских языках, сравните чешское *vrata*, польское *wrota*, болгарское *vrata*.

У тех, кто интересуется московской историей, запечатленной в топонимах, нередко вызывает вопросы необычное наименование улицы *Петровские Линии*. Оно в столице единственное, подобных ему нет. Улица соединяет Петровку и Неглинку. Четырехтомный академический “Словарь русского языка” под ред. А.П. Евгеньевой, среди множества значений слова *линия* указывает и такое: “Длинный ряд или цепь чего-л. (...) Порядок, строй (...) Название некоторых улиц или их сторон, торговых рядов и т.п.” (М., 1982. Т. II). Оно более привычно в применении к топографии Санкт-Петербурга, в котором Большой проспект Васильевского острова пересекает четырнадцать параллельно проложенных улиц, стороны которых именуются *линиями*. Всего их – 27!

Авторы одной из книг по топонимии города на Неве К.С. Горбачевич и Е.П. Хабло пишут: “Образование линий на Васильевском острове связано с замыслом Петра I создать здесь сеть прямолинейных кварталов, разделенных каналами. Каждая сторона канала должна была представлять отдельную улицу или линию, как их называли еще в ту пору. В 1766 году было принято решение засыпать эти каналы. С застройкой острова здесь образовались улицы. Особые их названия сохраняют память о первоначальных планах строительства в этом районе города”.

Московская улица *Петровские Линии* связана с линиями не каналов, а крупных магазинов, хотя само возникновение такого топонима произошло не без влияния ассоциаций с Санкт-Петербургом. Многие источники по истории Москвы отмечают, что улица *Петровские Линии* возникла в 1876 году. Именно тогда “Товарищество Петровских линий” приобрело для прокладки проезда и строительства зданий земельный участок между Петровкой и Неглинной улицами. Составители энциклопедии “Москва” (1997) обращают внимание читателей на то, что фактически улицу *Петровские Линии* образуют два почти одинаковых дома: в доме № 1 размещались издательство И.Н. Кнебеля и книжный магазин “Знание”, а в доме № 2 гостиница “Россия”, к которой в начале нашего столетия был пристроен ресторан “Амбир”, сейчас называющийся “Будапешт”, как и сама гостиница.

Вероятно, вам будет небезынтересно узнать, что существительное *линия* заимствовано русским языком из латинского через немецкое посредство. Латинское *linea* “линия” первоначально означало... “нитка” и было образовано в далекой древности от слова *linum* “лен”!

*Петровские Линии, Петровские Ворота, Петровка...* Как точно написал в своей книге “Лучи от Кремля” покойный знаток Москвы литератор Юрий Федосюк, “это легкое, удобопроизносимое, специфически московское название сразу же рождает в представлении образ улицы: неширокой, непарадной и даже немного будничной, но очень знаковой, привычной и необходимой”.



**С ОГНЕМ НЕ ШУТИ,  
С ВОДОЙ НЕ ДРУЖИСЬ,  
ВЕТРУ НЕ ВЕРЬ**

*Л.Б. САВЕНКОВА,  
кандидат филологических наук*

Прочитав заглавие статьи, читатель, конечно, сразу определит, что в нём сформулировано назидание, совет, рекомендация. А если знать, что ещё сто – сто пятьдесят лет назад это назидание было известно многим, то станет ясно: перед нами дидактическая устойчивая фраза – пословица, а совет, заключённый в ней, своей образной основой регламентирует отношения между человеком и природой, точнее, природными стихиями.

Современный человек отличается от своих предков уровнем познания окружающей действительности. Хотя мы и признаём, что многое вокруг нас остаётся труднообъяснимым или вовсе не поддаётся рациональному истолкованию, но всё же для непознанного, веря в силу человеческого разума, предполагаем возможность изучения в будущем. Вспомним лирическую и одновременно ироническую сказку Оскара

Уайльда “Кентервильское привидение”, в которой прагматичный американец, мистер Отис, купивший у англичанина замок с призраком, предлагает этому самому призраку для сохранения тишины в доме смазывать свои цепи машинным маслом под названием “Восходящее солнце демократической партии”, а миссис Отис пытается снабдить его микстурой от несварения желудка. В сказке как в капле воды отразился практицизм современного мира, стремление человека во всём видеть реальное, материальное, закономерное начало и ко всему окружающему подходить с привычной меркой. Поэтому сегодня, употребляя поговорку в речи или встречаясь с ней в книге, мы стараемся обнаружить логику изречения, выявить его значение, определить общность отношений между элементами двух ситуаций – представленной в предложении переменного состава, которое легло в основу поговорки, и той, к которой устойчивая фраза применена. К примеру, услышав высказывание “*Не всякий гром бьёт, а и бьёт, да не по нас*”, мы без труда объясним его значение: “Не стоит без особых причин бояться словесного неодобрения поступка, ибо по опыту (в том числе и по личному опыту участников данного речевого акта) известно, что такое неодобрение не обязательно имеет серьёзные неприятные последствия”. Что касается видения образа, заложенного в переменном предложении – деривационной базе, то оно находит основания в реальности. Когда гремит гром, не надо особенно пугаться его, так как известно: гроза редко становится причиной чьей-либо смерти, причём убивает не гром, а молния.

Думается, та же поговорка в сознании древних славян существовала благодаря ассоциациям, отличным от нынешних. Чтобы понять, каким именно, надо обратиться к славянским мифологическим представлениям.

Издавна люди почитали четыре основные стихии: воду, огонь, воздух и землю. О первой и – отчасти – о второй из них речь шла в нашей статье “Вода всему господин” (см.: Русская речь. 1997. № 6). Об остальных расскажем теперь.

Как можно было понять из упомянутой статьи, многие поговорки отражают взгляд наших предков на место человека в мире. Этот мир представлял в их сознании как совокупность знакомого и неведомого, дружелюбного и враждебного, доброго и злого. А человек в нём виделся не единственным разумным, а всего лишь одним из разумных, к тому же достаточно незащищённых существ. В своей книге “Поэтические воззрения славян на природу” А.Н. Афанасьев так характеризовал жизнь человека в далёком прошлом: “На раннем утре своего доисторического существования пранарод, от которого произошли индоевропейские племена (в том числе и славяне), был погружен в ту простую, непосредственную жизнь, какая устанавливается матерью-природой. Он любил природу и боялся её с детским простодушием и с напря-

жённным вниманием следил за её знаменьями, от которых зависели и которыми определялись его житейские нужды. В ней находил он живое существо, всегда готовое отозваться и на скорбь и на веселье” (М., 1994. Т. I. С. 57).

В своём большинстве стихии представлялись древнему человеку враждебными. Это и понятно: вся человеческая жизнь проходила в попытках подчинить себе силы природы или, по крайней мере, не пострадать от них. Именно это извечное противоборство, победы и поражения человека и отражают пословицы. Правда, в разных случаях природные стихии по-разному представлены в пословичных образах. Иногда в них зафиксированы результаты наблюдений людей, различные ситуации, в которых оказывался человек. Порою они исполнены священного ужаса перед непонятными природными явлениями или могуществом стихий, что осмысливалось нашими предками как проявление разрушительной силы враждебных богов.

Чтобы не быть голословными, добавим к перечисленным в статье “Вода всему господин” свидетельствам мощи, коварства воды и огня такие: “*Вода и землю точит, и камень долбит*”; “*Жди горя с моря, беды от воды*”; “*Огню не верь и воде не верь*”; “*Огонь – не вода: пожитки не всплывают*”. Нелестно отзываются пословицы и о ветре – воплощении стихии воздуха: “*Вей по ветру, а впротив – глаза запорошишь*”; “*На ветер надеяться – без помолы быть*”; “*С ветром пришло, на ветер и пошло*”.

Сегодня почти все эти пословицы могут быть расценены как отражение практических наблюдений, выводы из личного опыта. К примеру, тот факт, что ветер не дует постоянно, приводит к заключению: при помолы нельзя рассчитывать только на ветряную мельницу. В то же время, когда он дует, надо учитывать его направление: собираясь провезти зерно, горох, бобы, надо побережь глаза от пыли и мякины, которая может быть занесена ветром.

Кроме того, стихии действительно несут с собой неприятности для ротозея (“*Подле огня обожжёшься, подле воды обмочившись*”), а то и таят в себе грозную опасность. Скажем, нельзя беспечно плыть по морю в утлом судёнышке; вряд ли можно рассчитывать, что пожар пощадит имущество в горящем доме.

Однако в некоторых устойчивых фразах явно ощутимо восприятие сил природы как живых существ. Например, пословица, выбранная в качестве заглавия данной статьи, предлагает не верить огню и воде, поскольку те могут *замышлять* какой-то обман. Другая пословица (“*С огнём, с водой не поспоришь*”) признаёт, что эти стихии умеют *спорить*, то есть говорить, а значит, вступать в контакт с человеком.

Ветер предстаёт в пословице чем-то вроде человека с переменчивым, взбалмошным характером. Недаром о нём говорится: “*Ветер взбесится и с бобылейей избы крышу сорвёт*”. В этой пословице слыш-

ны отголоски древних представлений о ветре как о демоническом существе, свободно перемещающемся в стихии воздуха и вовсе не старающемся угодить людям.

Если ветер вовремя задобрить, верили славяне, он способен в знак расположения увеличить благосостояние, одарить человека богатством, но по своей прихоти, будучи чем-либо недовольным, может так же неожиданно, как принёс, унести его. Поэтому и сегодня, когда, произнося пословицы, большинство из нас не думает о поверьях и суевериях, можно услышать в разговоре о деньгах или вещах, доставшихся неожиданно, без особых усилий и так же быстро растраченных, израсходованных, уничтоженных: *“С ветром пришло, на ветер и пошло”*.

Самым досадным оказывалось то, что заставить ветер насильно работать на людей (а ведь так много было ему под силу – и зерно провеять, и муку смолоть, и корабли по морю двигать!) не удавалось. На этом убеждении основывается образная структура следующих пословиц: *“За ветром в поле не угоняешься”*, *“В рукавицу ветра не изловишь”*. Правда, в случае необходимости его можно было приманить. Для этой цели следовало запеть или засвистеть (см. об этом: Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 87). Однако привлеченный обманом ветер ненадолго подчинялся человеку, о чём можно узнать из пословицы *“Свистанным ветром не навеешься”*.

И даже тогда, когда ветер будто бы начинал помогать человеку в его делах, не стоило радоваться преждевременно, а надо было дожидаться результата: *“На хвали ветра, не извеяв жита”*.

Стихия воздуха связывалась с мыслью о свете и тьме. При этом свет и тьма считались находящимися в постоянном противоборстве: *“Тьма свету не любит – злой доброго не терпит”*. Противопоставление света и тьмы как доброго и злого начал традиционно и в христианской религии, и в языческих суевериях русского народа (как, впрочем, и других этносов).

Свет – состояние воздуха, благоприятное для жизни человека. Недалором в прежние времена бытовала примета: *“Кто нечаянно завидит свет в своём доме – жди счастья”*. Не случайно светом называли не только антипод тьмы, но и землю, окружающий человека мир, часто сопровождая это наименование эпитетом *белый*, что отразилось и в пословицах, ср.: *“Родился мал, вырос пьян, помер стар – и свету не видал”*, *“Белый свет на волю дан”*, *“От белого света отстану, а старого любить не стану”*, *“На весь свет и солнышку не угреть”*, *“Не мил и свет, когда милого нет”*, *“Бояться смерти – на свете не жить”* и т.д. Свет ощущался как стихия настолько родственная человеку, что и самих людей, живущих при свете-энергии на свете-земле, стали называть тем же словом: *“Кто людей веселит, за того весь свет стоит”*, *“На весь свет не угодишь”*, *“Свет лукав”*.

В противоположность свету ночь, темнота в представлениях древних оказывается явно связанной с потусторонними силами. Если не признавать этой связи, как понять смысл пословицы *“Доброму ночь не в убыток”*?

Считалось, что работать надо в светлое время дня, пока нечистая сила не вступила в свои права. Однако, успокаивает пословица, когда человек добр, он не может быть подвластен козням тьмы, поэтому благие дела можно делать и ночью.

Окинув взором перечисленные пословицы, читатель придёт к убеждению: окружающая природа в сознании наших предков в основном рисовалась как воплощение враждебных сил (такими выглядят стихии воды, огня, воздуха-тьмы) либо ненадёжных союзников (стихия воздуха-ветра). Даже тогда, когда какая-то стихия (стихия воздуха-света) расположена к людям, она, к сожалению, не способна сопутствовать им в жизни постоянно.

Единственной безоговорочно покровительствующей человеку стихией представлялась славянам земля. Это легко объяснимо. На земле человек жил, ее тверди, в отличие от водной стихии, он не должен был бояться; из её недр брал богатства; на ней выращивал полезные для себя растения; в её лесах бил зверя и птицу. Всё давала человеку земля. Потому и в пословицах она предстаёт как доброе и могучее начало: *“Рыбам – вода, птицам – воздух, а человеку – вся земля”*; *“Держись за землю, трава обманет”*. Земля виделась тем местом, откуда человек выходит в этот мир и куда он должен возвратиться по истечении отведенного ему срока. С землёй как последним пристанищем человека связаны следующие пословицы: *“Батьку, матку земля взяла, а нам, деткам, воля своя”*; *“Всякому мертвецу земля гроб”*; *“Лихое зелье не скоро пойдёт в землю”*; *“Из земли вышли, в землю и пойдём”*.

Первая из этих пословиц характеризует землю как живое существо: она *взяла* родителей, то есть выступила как активное начало. В двух других олицетворения земли нет. Вероятно, эти изречения выполняли иную функцию – подчёркивали, что *земля* – место постоянного обитания человека в отличие от *белого света*, куда он попадает лишь на время. Ещё моя бабушка, дожившая до середины XX века, любила повторять, размышляя о жизни человека: *“Все мы здесь часовые”* (то есть присутствующие временно, непостоянно).

Наши предки понимали, что умирающий не оживает, поэтому смерть они воспринимали как односторонний переход в иной мир. Обратного никто не возвращается. Мнения о том, куда направлялся покойник после смерти, в разное время были различными. А.Н. Афанасьев цитирует христианскую легенду, записанную летописцем Нестором: *“Богъ мывся в мовници и вспотивъся, отеръся ветъхомъ (вар. ветхимъ), и верже с небесе на землю; и распрѣся сотона съ Богомъ, кому в немъ створити челоувѣка? И створи дьявол челоувѣка, а Богъ душу въ*

нѣ (во-нѣ) вложи; тѣмже еще умереть человекъ – въ землю идетъ тѣло, а душа къ Богу” (Поэтические воззрения славян на природу. Т. II. С. 476). Но пословицы отражают не только поздние, христианские поверья, а и языческие, не отделявшие тело от души. Поэтому *умереть* в пословице порой значит не “оставив тело в земле, душе отправиться в распоряжение Бога”, а просто “уйти в землю, в подземное царство, где обитают мёртвые”. Ср.: “*От иной хвалы хоть в землю уйти*”, то есть становится так стыдно, что готов умереть со стыда.

О том, что под поверхностью земли происходит какая-то своя жизнь (которая, правда, доступна для созерцания только избранным, *видящим на три аршина сквозь землю*), говорит формула проклятия тому, кого хотели бы наказать или обидеть: “*Чтоб ты провалился!*”, или клятвы, заверения собеседника в истинности слов говорящего: “*Провалиться мне на этом самом месте!*” или “*Чтоб я провалился!*” И это было не простым пожеланием потерять под ногами твёрдую почву. Наказанием за грехи оказывалось именно переселение в подземное царство, наполненное нечистой силой. А.Н. Афанасьев упоминает, что, по народным поверьям, духи, связанные с разнообразными стихиями, появляются на земле только в тёплое время года, а всю зиму проводят под её поверхностью: водяной и русалки – подо льдом, лешие – в подземном царстве (Поэтические воззрения славян на природу. Т. III. С. 140). Надо полагать, что жизнь в подобной компании для простого смертного не казалась мёдом.

Именно потому, что подземное существование было явно на сладким, сами злые существа не торопились туда уходить. Более того, люди, души которых были сродни нечистой силе, очевидно, не были желанными в подземном мире. Трудно сказать, почему. Возможно, его постоянные обитатели боялись соперничества. Ведь есть в числе русских пословиц, к примеру, такая: “*Подьячему и на том свете хорошо: умрёт – сразу в дьяволы*”. Известно, что в XVI–XVIII веках подьячие – помощники приказных дьяков, – разбирая судебные тяжбы, часто нарушали закон, польстившись на взятку. Их нечестность, корыстолюбие были так велики, что люди считали: по количеству злых дел подьячие далеко опережают не только грешных людей, но даже самого дьявола. А какой же дьявол захочет добровольно отдать бразды правления в чужие руки?

Конечно, причина неприятия злодеев в подземное царство (с точки зрения суеверных славян) могла быть и иной: тёмные силы специально продляли их существование на земле, где грешники способствовали укреплению влияния сатаны, служили орудием воплощения его коварных планов. Во всяком случае пословица констатирует факт: плохие люди умирают не так быстро, как хотелось бы: “*Лихое зелье не скоро пойдёт в землю*”. Речь в этой пословице идёт именно о злодеях. Подтверждение: в “Толковом словаре” В.И. Даля в кругу значений слова

зелье зафиксировано и такое: “человек негодный, беспокойный, беспутный, пройдоха, негодяй” (М., 1955. Т. I. С. 676).

Правда, эту поговорку можно этимологизировать и иначе. Земля как мать всего живого была святым местом, а потому она и не хотела принимать в своё лоно *лихое зелье*. Для такого неприятия, по мнению наших суеверных прародителей, было достаточно веское основание: осквернённую землю-матушку переставало любить небо-отец и не посылало ей оплодотворяющего дождя. Вера в то, что причиной засухи было именно осквернение земли чем-то нечистым (трупом нечистого животного, самоубийцы и т.п.), сохранилась у южных и восточных славян даже в XX веке. Н.И. Толстой в книге “Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике” упоминает о ритуальных действиях, имевших место в Сербии в 20–30-е годы нашего столетия, когда крестьяне одной местности закопали кошку, чтобы осквернить землю и тем самым остановить многодневный дождь, а крестьянки другой – напротив, нуждаясь в дожде, откопали и выбросили из могилы тело самоубийцы-висельника, после чего долго лили туда ведрами воду, чтобы очистить землю и показать небу: препятствие, мешавшее дождю пролиться на землю, устранено (М., 1995. С. 414–415).

Существование поверья, что в святую землю можно лечь только тогда, когда ты не нарушишь её чистоты, закрепило в народе традицию обмывать покойника и облачать его во всё новое. В чистую сорочку старались одеться перед боем солдаты, чтобы смерть не застала их врасплох и земля не отторгла.

Ясно, что забота о такой детали, как внешняя чистота перед встречей с землей, была признаком чистоты духовной. Если же человек был нечист, *чёрен* душой, места ему для вечного упокоения не могло быть. Именно на эту мысль наводит и поговорка, известная в двух вариантах: “Уродила мать, что земля не примет” (то есть не принимает) и “Уродила мама, что не принимает и яма” (могила).

Необходимость беречь родную землю, отношение к ней как главной святыне сформулированы в поговорке: “С родной (родительской) земли, умри, не сходи”. Это восприятие сохранили и наши современники. Особенно отчётливо идею неразрывности человека и земли выразила Анна Ахматова в стихотворении “Родная земля”. Поэт говорит, что любовь к родной земле не нуждается в демонстрации: “В заветных ладанках не носим на груди, / О ней стихи навзрыд не сочиняем...”. Более того, чувство это настолько естественно, что даже не ощутимо: “Наш горький сон она не берedit, / Не кажется обетованным раем (...)/ Хвоя, бедствуя, немотствуя на ней, / О ней не вспоминаем даже”. Прозаическое восприятие земли как “грязи на калошах”, пыли, хрустящей на зубах (“(...) для нас это хруст на зубах...”), не мешает ощущать её как чистое, святое начало – “ни в чём не замешанный прах”. И высшим воплощением родства, единства с землёй предков осмысливается возвраще-

ние в неё в конце жизни: "...ложимся в неё и становимся ею, / Оттого и зовём так свободно – своею".

Прошли века, человек не просто выделился из природы, а как будто отделился от неё. Но по-прежнему народная психология не включает в ряд стихий, с которыми нельзя шутить, дружить, которым не стоит легкомысленно верить, землю. Неизменным остаётся убеждение: *"Из земли вышли, в землю и пойдём"*.

*Ростов-на-Дону*



*За знакомой строкой***“И мальчики кровавые в глазах...”**

В.Г. ДОЛГУШЕВ,

кандидат филологических наук

Всем хорошо известны заключительные строфы знаменитого монолога царя Бориса Годунова из одноименной трагедии А.С. Пушкина “Достиг я высшей власти”:

Ах! чувствую: ничто не может нас  
Среди мирских печалей успокоить,  
Ничто, ничто... едина разве совесть.  
Так, здоровая, она восторжествует.  
Над злобою, над темной клеветой. –  
Но если в ней единое пятно,  
Единое, случайно завелось  
Тогда – беда! Как язвой моровой  
Душа сгорит, нальется сердце ядом,  
Как молотком стучит в ушах упрек,  
И все тошнит, и голова кружится,  
И мальчики кровавые в глазах...  
И рад бежать, да некуда... ужасно!  
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

Многие воспринимают строфу *И мальчики кровавые в глазах...* буквально, считая, что Борис Годунов имеет здесь в виду царевича Дмитрия, которого умертвили по его приказу. Все это, казалось бы, соответствует истине. Но почему *мальчики*, а не *мальчик*? Ведь царевич Дмитрий был один. Что это: случайная обмолвка Пушкина или поэтическая вольность? Но у Пушкина нет ничего случайного, каждое слово плотно пригнано к другому, многократно обдуманно, взвешено. Вероят-

но, причина такого понимания строфы кроется в нашем неверном восприятии поэтического текста.

Обратимся к наиболее авторитетному справочнику – “Словарю языка Пушкина”. Среди 54 фразеологизмов, доминантой в которых является лексема *глаз*, встречающихся в произведениях Пушкина, отмечено три идиоматических конструкции со словосочетанием *в глазах*, причем третье значение – “о том, что представляется видимым, зримым”, иллюстрируется интересующей нас строфою. Вероятно, здесь подразумевается сокращенный вариант фразеологизма *стоять в глазах*, и сейчас широко употребляющийся в литературном языке (Словарь языка Пушкина. М., 1956. Т. 1). Между тем речь в монологе царя Бориса идет отнюдь не о себе, а о состоянии любого человека, совершившего в своей жизни хотя бы раз нравственный проступок. Это вытекает из смысла контекста отрывка, уже процитированного: тяжелые душевные муки такого человека усугубляются плохим физическим самочувствием – головокружением, тошнотой, мельканием в глазах каких-то неясных предметов и т.п. Конечно, здесь есть и отражение субъективных переживаний самого Бориса Годунова, и связь ощущений с его болезнью, о которой он не знает. Однако все же основной смысл этого отрывка – муки совести человека вообще.

В конце XVIII – начале XIX веков в разговорной речи употреблялся фразеологизм *мальчики в глазах бегают* в значении “рябит, зеленеет” и был отмечен уже В.И. Далем в “Толковом словаре живого великорусского языка”. М.И. Михельсон в своем словаре “Русская мьль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии” также приводил этот фразеологизм и его вариант *уланчики в глазах бегают* в том же значении “рябит, зеленеет”. Михельсон, к сожалению, не дает примеров употребления этого фразеологизма, однако связывает его значение с описанием сильной степени опьянения, приведя в качестве синонима фразеологизм *до зеленого змия*. Действительно, пример на употребление *мальчики в глазах бегают* в этом значении мы находим в книге “Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX веков в анекдоте о поэте и переводчике конца XVIII века Е.И. Кострове: «Раз, после веселого обеда у какого-то литератора, подвыпивший Костров сел на диван и опрокинул голову на спинку. Один из присутствующих, молодой человек, желая подшутить над ним, спросил: “– Что, Ермил Иванович, у нас, кажется, мальчики в глазах? – И самые глупые, – отвечал Костров”» (Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века”. М., 1990).

Как видим, Костров за словом в карман не лез. Таким образом, *мальчики в глазах* можно поставить в один синонимический ряд с идиомами *до зеленого змия*, *до чертиков*, *до белой горячки*, *чертей мешком ловить*. Антонимом к этим фразеологизмам является выражение *ни в одном глазу (глазе)*.

Однако, по-видимому, фразеологизм *мальчики в глазах* мог употребляться и в более широком смысле, при обозначении мелькания каких-то неясных пятен при плохом физическом состоянии человека вообще. К данному значению фразеологизма имеются синонимичные идиоматические конструкции *в глазах помутилось, зелено в глазах, зелень в глазах заходила*. Ср.: “Зелень у Дуни в глазах заходила, когда услышала Таисины речи” (Мельников-Печерский П.И. На горах). Вероятно, фразеологизм *мальчики в глазах* вышел из активного словоупотребления во второй половине XIX века и воспринимался в начале XX как архаизм. На смену ему пришли другие устойчивые выражения: *в глазах рябит, зеленеет, темнеет*.

Таким образом, строфа пушкинского “Бориса Годунова” *И мальчики кровавые в глазах...* не случайна. Это трансформация имевшего широкое хождение в конце XVIII – начале XIX веков фразеологического выражения *мальчики в глазах* в значении “рябит, зеленеет”, которое употреблялось обычно для обозначения человека в сильной степени опьянения. Состояние душевного смятения у Бориса ассоциируется с состоянием тяжелого опьянения, когда в глазах все рябит, все очертания предметов сливаются. Поскольку Борис Годунов все время думает о своем злодеянии, то это мельтешение приобретает в его глазах зловеще-кровавый оттенок. Такое истолкование данной строфы Пушкина нам кажется более правомерным. Исходя из всего уже сказанного, на наш взгляд, в “Словаре языка Пушкина” допущена неточность. В строфе “И мальчики кровавые в глазах...” следует выделять в качестве фразеологического сочетания не сочетание существительного с предложением, а фразеологическую конструкцию *мальчики в глазах*, широкоупотребительную в языке конца XVIII – начале XIX веков.

Киров

# Определяем тип сложноподчиненного предложения

О.М. ЧУПАШЕВА,  
кандидат филологических наук

Устный вступительный экзамен по русскому языку предполагает различные виды грамматического разбора, в том числе и анализ предложения. Сложноподчиненное предложение – одна из наиболее интересных синтаксических единиц – получает разное освещение в ныне действующих школьных учебниках: в учебнике С.Г. Бархударова, С.Е. Крючкова, Л.Ю. Максимова и др. “Русский язык” (М.: Просвещение, 1994) – с точки зрения структурно-семантической в семантико-структурном варианте, а в учебнике В.В. Бабайцевой, Л.Д. Чесноковой “Русский язык. Теория” (М.: Просвещение, 1996) – в аспекте логико-грамматическом.

В связи с этим полезно сопоставить данные аспекты и предложить алгоритмы для определения типа сложноподчиненного предложения (далее – СПП) в рамках каждого подхода.

При анализе СПП прежде всего надо обратить внимание на то, как связано придаточное с главным, найти наиболее важные элементы строения предложения, отличающие один тип СПП от другого, и суметь определить его значение. Наиболее важными структурными элементами предложения являются связочные, опорные и указательные слова. Связочные слова – союзы и союзные слова – содержатся в каждом СПП, располагаясь всегда в придаточной части. Опорные и указательные слова встречаются не в каждом СПП, их место – в главной части. Опорные слова – это самостоятельные части речи, к которым непосредственно относится придаточная часть. Указательные слова – это местоимения или местоименные наречия, которые также притягивают

к себе придаточные части; придаточная часть наполняет указательное слово конкретным содержанием. Значение, или семантика, СПП определяется по вопросу, подставляемому от главного предложения (от всего или от опорного, указательного слова) к придаточному. В школьном анализе определение значения ограничивается постановкой вопроса.

Проанализируем предложение: “В связи с ростом уровня знаний, развития науки постоянно усложняются и те предметы, которые изучаются” (примеры в данной статье взяты из произведений Д.С. Лихачева). Придаточное связано с главным союзным словом *которые*, в главной части есть опорное слово – существительное *предметы* и указательное слово *те*, к ним непосредственно прикрепляется придаточное предложение. Это особенности структуры, или строения, СПП. Для определения значения подставляем вопрос: ... те предметы (*какие?*), которые изучаются...

Еще предложение: “Сюда [на Север] ездят и будут ездить, чтобы испытать на себе нравственную целительную силу Севера”. Придаточное соединяется с главным союзом *чтобы*, оно связывается со всем главным, так как в нем нет ни опорного, ни указательного слов. Сюда ездят и будут ездить (*с какой целью?*), чтобы испытать...

Определяя значение и далее тип придаточного, нельзя ориентироваться только на союз и тем более на союзное слово, поскольку одни и те же связочные слова часто используются в разных типах СПП. Ср. предыдущее предложение с союзом *чтобы* и предложение с тем же союзом: “Истинный патриотизм в том, чтобы, обогащая других, обогащаться самому духовно”. ... В том (*в чем?*), чтобы, обогащая... – придаточные отвечают на разные вопросы, неодинаково связаны с главными, значит, относятся к разным типам. То же можно сказать о союзе *что*. Вместе с тем есть союзы (только союзы!), использующиеся в строго определенных типах СПП, например: *так как*, *ибо*, *оттого что* – в причинных; *если*, *раз* – в условных; *хотя*, *несмотря на то*, *что*, *пусть* – в уступительных; *так что* – в следственных; *причем* – в присоединительных придаточных. Такие союзы “подсказывают” значение и тип придаточного, их надо запомнить.

Хронологически более ранним является логико-грамматический подход к СПП, при котором всё СПП сопоставляется с простым предложением, а придаточное – соответственно – с членом простого предложения. Отсюда и названия типов придаточных: *подлежащее*, *сказуемое*, *определятельное*, *дополнительное*, *обстоятельственное*. Члены предложения определяются прежде всего по вопросу, значит, и тип придаточного определяется путем подстановки вопроса от главного к придаточному. Например: (1) “И мне стало ясно, что напоминать историю осад древнерусских городов остро необходимо”. ...Ясно (*кто? что?*), что напоминать... – придаточное подлежащее. Напомним, что здесь необходимо подставлять двойной вопрос *кто? что?* для ограни-

чения именительного падежа от винительного, двойной вопрос которого *кого? что?*, и – соответственно – для отграничения придаточного подлежащего от дополнительного.

Еще примеры: (2) “Преобразуется и город, чью историю мы познаем”. – ... Город (*какой?*), чью историю... – придаточное определительное. (3) “Отмечу, что литературные памятники Древней Руси переводятся и издаются даже в Японии”. Отмечу (*кого? что?*), что литературные памятники... – придаточное дополнительное. (4) “...Когда утром приехали саперы, снаряда не обнаружили”. – Снаряда не обнаружили (*когда?*), когда утром... – придаточное обстоятельственное, временное.

Обратим внимание на то, что в главных частях всех рассмотренных предложений отсутствуют указательные слова. При наличии указательного слова придаточное относится непосредственно к нему, дублируя его синтаксическую функцию. Значит, для определения типа придаточного в этом случае достаточно установить синтаксическую функцию указательного слова. Ср.: (5) “Тот, кто не интересуется историей, прошлым, обедняет свое настоящее”. Придаточное относится к указательному слову *тот*, выполняющему роль подлежащего, значит, и придаточное в данном случае подлежащее. (6) “Каков вопрос, таков ответ”. Придаточное связано с указательным словом *таков*, выступающим в функции сказуемого, значит, придаточное является сказуемым.

Итак, можно предложить следующий алгоритм для определения типа СПП в логико-грамматическом аспекте.

1. Установите, есть ли в главном предложении *указательное слово*.

Если *нет* указательного слова, подставьте вопрос от главного предложения к придаточному.

Если *есть* указательное слово, подставьте к нему вопрос и определите его синтаксическую функцию.

2. Назовите тип придаточного.

*Примеры.* (7) «Крестьянин торжествует и радуется снегу, ибо выпавшим снегом “на третье в ночь” спасен урожай». В главной части нет указательного слова. Подставляем вопрос к придаточному: Крестьянин торжествует и радуется (*почему?*), ибо выпавшим снегом... – придаточное обстоятельственное, причинное. (8) “Память противостоит уничтожающей силе времени и накапливает то, что называется культурой”. В главной части есть указательное слово *то*. Накапливает (*кого? что?*) *то* – указательное слово является дополнением, значит, и придаточное дополнительное. (9) “Было видно, как буксир везли мимо фортов барки со щитами...”. В главной части нет указательного слова. Подставляем вопрос от опорного слова к придаточному: ...видно (*кто? что и кого? что?*) – придаточное отвечает на вопросы подлежащего и дополнения, значит, оно является и подлежащим, и дополнительным одновременно.

Иначе анализируются сложноподчиненные предложения в структурно-семантическом отношении: СПП не сопоставляется с простым предложением, а рассматривается в совокупности собственных структурных и семантических особенностей. Не случайны и другие названия некоторых придаточных, нежели в первом случае, например, изъяснительные. Одинаковы названия определительных и обстоятельственных придаточных, однако полностью совпадают в обоих случаях только придаточные обстоятельственные.

При структурно-семантическом анализе наличие/отсутствие опорных и указательных слов в предложении позволяет разграничить две разновидности предложений: в первом случае – СПП с придаточными изъяснительными, определительными и некоторыми обстоятельственными, а во втором – только большая часть обстоятельственных. Особенности опорных слов позволяют различить придаточные изъяснительные и определительные. Придаточные определительные прикрепляются к опорным словам, выраженным существительным или любым словом со значением существительного независимо от его значения (*дом, ночь, мысль, событие, облако, учащиеся* и т.п.), а придаточные изъяснительные – к опорным словам со значением речи, мысли, зрения, слуха, чувства и под. независимо от того, какой частью речи они являются (*видеть, видно, сообщить, сообщено, сообщение*).

Синтаксическая роль указательного слова, в отличие от логико-грамматического подхода, не определяет типа придаточного.

Итак, ход рассуждений (алгоритм) для определения типа СПП при структурно-семантическом анализе может быть следующим:

1. Подставьте вопрос от главного предложения к придаточному.
2. Установите, есть ли *опорное слово* в главной части.
3. Установите, есть ли *указательное слово* в главной части.
4. Найдите *союз* или *союзное слово* в придаточной части.
5. Назовите тип придаточного.

Проанализируем рассмотренные ранее предложения в рамках структурно-семантического подхода:

(1) ...Ясно (*что?*), что напоминать... Обратите внимание: в данном случае нет необходимости подставлять двойные вопросы, разграничивать именительный и винительный падежи, так как и те и другие характеризуют изъяснительный тип. Придаточное соединяется с опорным словом со значением мысли. Указательного слова нет. Придаточное связано с главным союзом *что*. Это СПП с придаточным изъяснительным.

(2) ...Город (*какой?*), чью историю... Придаточное относится к существительному *город*. Указательного слова нет. Придаточное связано с главным союзным словом *чью*. Это СПП с придаточным определительным.

(3) Отмечу (*что?*), что литературные памятники... Придаточное от-

носится к глаголу со значением речи-мысли, указательного слова нет. Придаточное связано с главным союзом *что*. Это СПП с придаточным изъяснительным.

(4) Снарядя не обнаружили (*когда?*), когда утром.... Придаточное относится ко всему главному предложению, т.е. в главной части нет ни опорного, ни указательного слова. Придаточное с главным связано временным союзом *когда*. Это СПП с придаточным обстоятельственным, временным.

(5) Тот... (*кто именно?*), кто не интересуется... Опорного слова нет. Придаточное связано непосредственно с указательным словом *тот*, которое имеет значение существительного, ср.: тот – человек, школьник и т.п. Оно присоединяется союзным словом *кто*. Это СПП с придаточным местоименно-определятельным, которое является разновидностью придаточного определятельного.

(6) Придаточное в данном случае относится к указательному слову *таков*, это весьма своеобразная группа предложений, которая не отражена в школьном учебнике Л.С. Бархударова, С.Е. Крючкова, Л.Ю. Максимова и др. “Русский язык” (в научной грамматике их называют местоименно-соотнесительными).

(7) Крестьянин торжествует и радуется (*почему?*), ибо выпавшим снегом.... В главной части нет ни опорного, ни указательного слов, т.е. придаточное связано со всем главным предложением причинным союзом *ибо*. Это СПП с придаточным обстоятельственным, причинным.

(8) ...То (*что именно?*), что называется... Опорного слова нет. Придаточное связано с указательным словом *то*, употребленным в значении существительного, ср.: черты, признаки. Это СПП с придаточным местоименно-определятельным (разновидность определятельного).

Анализируя предложения с указательным словом *то*, сталкиваемся с трудностью разграничения предложений местоименно-определятельных и изъяснительных. Решение такое. *То* в предложениях местоименно-определятельных используется в значении существительного, следовательно, его можно заменить конкретным существительным, как поступали при анализе предложения (8). Кроме того, к такому местоимению можно добавить местоимение *всё* (*всё то*). Указательное слово *то* в СПП с придаточным изъяснительным такими свойствами не обладает. Ср.: “Я говорю сейчас о том, что русский художник особенно чуток к изменениям годовым, суточным, к атмосферным условиям и пр.”; “И нет ничего удивительного в том, что каждый воспринимает это национальное по-своему”. Указательное слово в последних двух предложениях не имеет значения существительного, его нельзя заменить существительным, к нему нельзя добавить местоимение *всё*. Оно употреблено в СПП с придаточным изъяснительным.

(9) ...Видно (*что?*), как буксиры... В главной части есть опорное слово *видно* со значением зрительного восприятия. Указательного слова

нет. Придаточное связано с главным союзом *как*. Это придаточное изъяснительное. Оно является однозначным в рамках данного подхода в отличие от логико-грамматического.

В то же время существуют СПП, совмещающие в себе признаки нескольких разновидностей независимо от подхода к СПП. Рассмотрим примеры: “Градостроительная дисциплина в Новгороде была так велика, что в течение девятисот лет ни одно здание в Новгороде не строилось выше и больше собора Софии”. Согласно структурно-семантическому подходу: придаточное отвечает на вопрос – так велика (*в какой степени?*), что в течение девятисот лет...; оно связано с главным союзом *что*, прикрепляется к указательному слову *так*. Это придаточное обстоятельственное, степени действия. Кроме того, анализируемое предложение имеет значение следствия, ср.: Градостроительная дисциплина в Новгороде была велика, так что в течение девятисот лет... При логико-грамматическом подходе тип придаточного определяется по имеющемуся указательному слову: оно выполняет роль обстоятельства степени (...*велика в какой степени? так*), значит, и придаточное обстоятельственное, степени действия. Это предложение имеет и следственное значение (доказательство см. выше). Таким образом, предложения подобного типа многозначны в рамках обоих подходов к СПП. Многозначными являются все предложения, одно из значений которых – обстоятельственное образа или степени действия, если придаточное соединяется с главным не только союзом *что*, но и союзами *чтобы*, *словно*, *точно*, *будто*, *как будто*. Однако названные союзы сигнализируют о различных значениях: *чтобы* – о целевом, *словно*, *точно*, *будто*, *как будто* – о сравнительном.

Мурманск

## Казак на Русском Севере

Ю.И. ЧАЙКИНА,  
доктор филологических наук

В связи с расширением и укреплением феодальных вотчин (светских и монастырских) на Русском Севере появлялась необходимость в наемной рабочей силе. Судя по материалам деловой письменности ряда северных монастырей (Кирилло-Белозерского, Спасо-Прилуцкого, Свирского, Антониева Сийского и др.), наемный работник в XVI – начале XVII вв. обозначался не одним строго определенным словом, а имел целый ряд наименований – *детеньши*, *детина*, *робенок*, *поденщик*, *трудник*, *деловец*; *казак*, *работной человек*, *наемной человек*, *деловой человек* и т.д.

Наряду с общеупотребительными названиями *детеньши*, *детина*, *трудник* и др. в хозяйственных книгах феодальных вотчин Севера высокую активность имело заимствованное из тюркских языков локальное слово *казак*: “Дал старцу Макарью Малухе на *казаки*, назем возили, полтора рубли денег” (Расх. кн. Спасо-Прил. мон., 1576 г.).

Первая фиксация *казак* “работник” в документе Кирилло-Белозерского монастыря относится к концу XVI в.: “а манастырских люди были: Иван Кощеев да Олюша Филипов да слуга манастырской *казак* (Разъезж. гр., 1395). Ареал данного слова охватывал в XV–XVI вв. Новгород Великий и его пятины. В значении “наемный работник” оно длительный период сохранялось в псковских, новгородских, онежских, архангельских, вологодских, вятских, ярославских, тверских, рязанских, касимовских говорах (СРНГ. Т. XII. С. 307).

В общем употреблении слово *казак* в XV–XVII вв. имело иное значение – “вольный человек из бежавших на окраины Русского государства, ищущий богатства и добычи на войне”, а с XVIII в. – “представитель особого военного сословия, житель войсковых областей России (Дона, Запорожья, Яика)”.

Активизация лексики *казак* “наемный работник” в хозяйственных книгах северных монастырей падает на XVI – первую треть XVII веков. В более поздних документах частотность его уменьшается, что обусловлено рядом факторов. В начале XVII века, в период польско-литовского нашествия на территории Севера возрастает активность слова *казак* в значении “воин польско-литовского отряда”: “в ночь наехали на нас... незнамые многие люди и назывались *казаки* и меня холопа твоего переграбили донага” (Челобитная крестьянина Белозерского у. 1616 г.). В памятниках письменности можно обнаружить приемы разграничения значений данного слова. В одних документах слово *казак*

“воин” сопровождается определениями *ратной* или *служилой*, в других – наемный работник обозначается словом *казачек*, а воин – лексемой *казак*: “дал мне Калинке *служилой казак* Петров зовут лошадь отвести ездока” (Челоб. кр. Белоз. у. 1614 г.); “поехал ...у меня у Митки на мельницу *казачек* мой Онтонко в село Куность... постигли того моего *казачка* Онтонка *казаки*, которые были на Белеозере” (Явка д. Кункина. 1615 г.).

Трудности в разграничении двух понятий не являлись, вероятно, основной причиной снижения активности слова *казак* “работник” в хозяйственных книгах монастырей, поскольку в словарном составе севернорусских говоров это слово в таком значении сохранилось. Основным фактором, способствующим выпадению из письменной речи локального *казак*, следует считать влияние нормированного литературного языка на монастырскую деловую письменность, активизировавшееся в первой половине XVII в. и приведшее к закреплению в ней общепотребительного *казак* “воин”. Выпадение *казак* “работник” определило активизацию в документах северных монастырей второй половины XVII в. словосочетания *работной человек* и лексики *работник*, которые были широко распространены в актовом письме центральных и южных уездов Русского государства.

## Еще раз о прилагательном *студенческий*\*

Р. МАРОВИЧ,

доктор филологических наук, ординарный профессор

Как образовано прилагательное *студенческий*? От словообразующей основы существительного *студент* (это несомненно) с помощью сложного суффикса *-ческ-* (по аналогии с прилагательными типа *садоводческий*), с упрощением группы согласных (\**студентческий* > *студенческий*), или с помощью также сложного суффикса \**-јеск-* (по аналогии с прилагательным *ребяческий*).

К вопросу о происхождении сложного суффикса *-ческ-* следует сказать следующее. С помощью суффикса *-еск-*, книжного варианта суффикса *-ск-*, образовывались относительные прилагательные от производных существительных на *-ец* (*купец* – *купеческий*, *полководец* – *полководческий*). Вторичной связью этих прилагательных со словообразующими основами существительных на *-ец* вычленился в результате пе-

\* См.: Русская речь. 1997. № 1.

реинтеграции (переразложения) сложный суффикс *-ческ-*. Прилагательное *переселенческий*, например, стало мотивироваться не существительным *переселенец*, от которого оно на самом деле было образовано, а существительным *переселение*; вычленившийся суффикс *-ческ-* стал присоединяться к другим существительным на *-ение* без посредства производных на *-енец-* (например: *самоуправление* – *самоуправленческий*). Другой пример: прилагательное *творческий*, образованное с помощью суффикса *-еск-* от существительного *творец*, стало мотивироваться глаголом *творить*. Вычленившийся суффикс *-ческ-* стал образовывать имена прилагательные от существительных, не имеющих в своей морфемной структуре суффикса *-ец-*: *садовод* – *садоводческий*.

К вопросу о возможности вычленения суффикса *\*-јеск-* можно сказать следующее. С помощью суффикса притяжательных прилагательных *\*-јь* в древнерусском языке от основы родительного – дательного падежей *ребят-* существительного *ребя* (*робя*) было образовано притяжательное прилагательное *ребячь* (ср. Р. Маројевић. Посесивне категорије у руском језику: У своме историјском развитку и данас. Београд, 1983. С. 19). Вторичным добавлением к основе *ребяч-* относительного суффикса *-еск-* было образовано прилагательное *ребяческий*. С получением форм местоименного склонения притяжательное прилагательное *ребячь* превратилось в относительное прилагательное *ребячий* (*ребячья, ребячье*, мн.ч. *ребячь*), в словообразовательной структуре которого исторически различаются два суффикса: *\*-ј* (восходящий к *\*-јь*) и *-(e)ј* (восходящий к *-ьјь*). Поскольку с синхронной точки зрения прилагательное *ребяческий* мотивируется непосредственно существительным (мн.ч.) *ребята*, то в нем можно вычленить сложный суффикс *\*-јеск-*. О реальной жизни этого суффикса можно говорить лишь в случае его присоединения к словообразующим основам, не имевшим притяжательных прилагательных на *\*-јь*. Такой является словообразующая основа *студент*, от которой с помощью вычленившегося суффикса *\*-јеск-* могло образоваться прилагательное *студенческий*.

Два вышеприведенных толкования не противоречат друг другу. Продуктивность суффикса *-ческ-* способствовала его “прорыву” в круг существительных на *-нт-*; аналогия с прилагательным *ребяческий* объясняет исключительность и изолированность производного *студенческий*.

Белград



## Поливановские чтения в Смоленске

Имя Евгения Дмитриевича Поливанова, выдающегося русского лингвиста, литературоведа, методиста, уроженца Смоленска, широко известно научной общественности как возвращенное после посмертной реабилитации ученого. Поэтому неудивительно, что его земляки не только сохраняют, но и упрочивают память об этом удивительном человеке с такой трагической судьбой. Е.Д. Поливанов в своих идеях опередил время, и теперь время возвращает ему должное.

19–20 мая 1998 г. в Смоленском государственном педагогическом университете в четвертый раз прошли уже ставшие традиционными чтения, посвященные Е.Д. Поливанову. На этот раз они были международными – в них приняли участие ученые России, Белоруссии и Украины.

По материалам конференции выпущен сборник, состоящий из четырех частей и содержащий тексты 133 докладов и сообщений объемом около 760 страниц. Для сравнения отметим, что на первых Поливановских чтениях в Смоленске, которые состоялись в 1992 году, выступило всего 10 участников, в том числе четверо студентов Смоленского пединститута.

Теперь же география регионов, где ученые развивают идеи Е.Д. По-

ливанова, была представлена 32 городами – от Бреста на западе до Красноярска на востоке, Вологды на севере и Симферополя на юге. Это Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Иркутск, Тверь, Ярославль, Брянск, Смоленск, Минск, Витебск, Могилёв, Киев, Донецк.

Участники четвертых Поливановских чтений в своих исследованиях затрагивают широкий круг проблем, которыми занимался ученый: история славянских языков, диалектология, востоковедение, вопросы фонетики, лексикологии, грамматики, методики обучения русскому и нерусским языкам. Присущая Евгению Дмитриевичу оригинальная творческая интерпретация любого конкретного материала, смелость научной мысли позволяли делать серьезные научные открытия, которые развиваются его учениками и последователями, что подчеркивали все выступавшие и участники круглого стола “Идеи Е.Д. Поливанова в современном языкознании”.

В работе чтений приняли участие и смоленские педагоги: преподаватели языковых кафедр смоленских вузов, учителя лицей, гимназии, школ.

Пятые, юбилейные, Поливановские чтения состоятся в 2000 году. Оргкомитет конференции приглашает всех желающих к сотрудничеству.

И.А. Королева,  
член оргкомитета  
Поливановских чтений  
*Смоленск*



**ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,  
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ  
“РУССКАЯ РЕЧЬ”  
В 1998 ГОДУ**

**РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

<b>Костомаров В.Г.</b> Русский язык нужен этому миру .....	2
МАПРЯЛ – 30 лет.....	2

**ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

<b>Бельская Л.Л.</b> Как “заблудившийся трамвай” превратился в “трамвай-убийцу”.....	2
<b>Бельская Л.Л.</b> Ностальгия по весне (Перечитывая раннего Булата Окуджаву).....	2
<b>Бельская Л.Л.</b> “Часть речи” Иосифа Бродского.....	1
<b>Воронова О.Е.</b> Религиозный символ в поэтическом контексте С. Есенина .....	3
<b>Гик А.В.</b> “...Какой же гений налепит на слово точный ярлык?” (Языковые воззрения М. Кузмина).....	6
<b>Дилакторская О.Г.</b> “Двойник” и “Мертвые души” (К проблеме диалога текстов).....	4
<b>Дилакторская О.Г.</b> О значении фамилии “Ферфичкин” в “Записках из подполья” Ф.М. Достоевского .....	1
<b>Зыкова Г.В.</b> Еще раз об Угрюм-Бурчееве и революционных демократах .....	3

<b>Илюшин А.А.</b> Синичка, лисичка и горящее море .....	5
<b>Каргашин И.А.</b> “Пальма в Сибири не водится...” (Поэтика первой фразы).....	4
<b>Кихней Л.Г.</b> “Звучащая и говорящая плоть...” (Акмеисты о природе слова).....	1
<b>Клещикова В.Н.</b> Формула цвета (Образ мира в поэзии М. Цветаевой) .....	5
<b>Коршунков В.А.</b> Гоголевский Акакий Акакиевич: имя и судьба ....	3
<b>Кошелев В.А.</b> “По всем по трем...” (Об истоках поэтического образа тройки).....	1
<b>Красикова Е.В.</b> Главный дом (О романе Ф. Абрамова “Дом”) .....	5
<b>Лекманов О.А.</b> “Красное дыханье, гибкий стан...” .....	2
<b>Лекманов О.А.</b> О “страшной высоте”, “черной карете”, Осипе Мандельштаме и Юрии Олеше.....	5
<b>Люстров М.Ю.</b> О возможном источнике рассказа А.П. Чехова “Архиерей”.....	6
<b>Нефедьева Л.В.</b> Стилистические славянизмы в прозе Д. Балашова ....	6
<b>Николаева А.В.</b> “Русская бездна” Максимилиана Волошина.....	4
<b>Патроева Н.В.</b> Обращение в поэтической речи Е.А. Баратынского..	6
<b>Савельева В.В.</b> Лицо и “личико часов” у Владимира Набокова.....	4
<b>Сергеева Е.В.</b> “Античная” лексика в поэзии И. Бродского .....	2
<b>Толстогузов П.Н.</b> Стихотворение Ф.И. Тютчева “Безумие”: попытка расширенного анализа .....	5
<b>Хан-Пира Эр.</b> Метафоричность окказионального слова.....	3
<i>О переводах и переводчиках</i>	
<b>Македонская Е.И.</b> Данте по-русски.....	1
<b>Чернышева М.И.</b> “Крив был Гнедич поэт...” .....	2
<i>Русский быт и словесность</i>	
<b>Тарланов Е.З., Савельева Л.В.</b> К истории литературного вкуса середины прошлого века (Стихотворное переложение молитвы “Отче наш” в рукописной антологии Е.В. Гоголь-Быковой) .....	6
<b>НАШИ ПУБЛИКАЦИИ</b>	
Последние подмостки И.Ф. Горбунова. Из дневника графа С.Д. Шереметева .....	2
Пушкинские очерки Георгия Мейера .....	3
Стихи Анны Присмановой .....	6
Стихи Николая Страхова, критика и философа .....	5
<b>ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ</b>	
<b>Азбелев С.Н.</b> Всеволод Федорович Миллер (К 150-летию со дня рождения) .....	3
<i>К 125-летию со дня рождения Д.Н. Ушакова</i>	
<b>Реформатский А.А.</b> Труды Д.Н. Ушакова по русской орфографии ч орфоэзии.....	1

**КУЛЬТУРА РЕЧИ**

<b>Буглак С.И.</b> <i>Воистину и поистине</i> .....	1
<b>Граудина Л.К.</b> “С Москва-тур на Красное море!” (Что-то новенькое в грамматике?) .....	3
<b>Жамьян Долгормаа.</b> Табун – кони – конь (К проблеме национально-языкового “видения” мира).....	6
<b>Зеленин А.В.</b> Аппарат, аппаратчик.....	4
<b>Киклевич А.К.</b> “Цвет платья напоминал...” (Есть ли у языка своя логика?) .....	5
<b>Клушина Н.И.</b> Как некоторые слова “ухудшают” свои значения... ..	3
<b>Колтунова М.В.</b> Господа – граждане – товарищи – господа .....	2
<b>Кочетков В.В., Шапошников В.Н.</b> Заметки о современных клише и ходячих выражениях .....	6
<b>Крысин Л.П.</b> Йогурт или йогурт? .....	1
<b>Лазуткина Е.М.</b> <i>Чувствительный или чувственный?</i> .....	6
<b>Лаптева О.А.</b> Говорят по радио и с телеэкрана .....	4,5
<b>Лысакова И.П., Лукина Я.В.</b> “Жить надо веселее и виртуальнее!” ..	5
<b>Муравьева Н.В.</b> Русская реклама по американскому образцу? .....	3
<b>Хан-Пира Эр.</b> <i>Владеть и знать</i> .....	4
<b>Хан-Пира Эр.</b> <i>Государственный чиновник и письменное делопроизводство</i> .....	2
<b>Хан-Пира Эр.</b> Как их называть? .....	5
<b>Хан-Пира Эр.</b> Правомерно ли употреблять выражения <i>ограниченный контингент, эпицентр событий, кредит доверия?</i> .....	6
<b>Ширшов И.А.</b> <i>Голый и нагой</i> .....	2
<b>Шмелев А.Д.</b> “Широкая” русская душа.....	1
<i>Дискуссионные проблемы русской орфографии</i>	
<b>Иванова В.Ф.</b> Вести из Орфографической комиссии РАН.....	6
<b>Еськова Н.А.</b> О написании сочетаний с приложениями .....	6
<i>Язык прессы</i>	
<b>Баранова Л.А.</b> О <i>папарацци, стрингерах и таблоидах</i> .....	4
<b>Дровникова Л.Н.</b> “Имеют место быть... персоналии” .....	2
<b>Дровникова Л.Н.</b> “Приоритет” и “альтернатива” .....	5
<b>Муравьева Н.В.</b> Загадочный “синопсис” .....	2
<b>Муравьева Н.В.</b> О любви к “особым” словам.....	5
<b>Ревенская Н.А.</b> “Приглашаются писатели самых высоких кондиций” .....	3
<i>Практикум по культуре речи</i>	
Я говорю – ты говоришь .....	1,4
<i>Беседы по культуре речи</i>	
<b>Дунаевская О.В.</b> Несколько слов о современном термине .....	1
<b>ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ</b>	
<b>Волконский С.М.</b> Ораторам.....	2

**ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ**

<b>Антошенкова Е.В.</b> Пояс, кушак, подпояска в русском быту .....	4
<b>Бабурин К.Б.</b> <i>Сыр</i> в языке и обычаях русского народа.....	2
<b>Баранкова Г.С.</b> От черноризца Храбра к Стефану Пермскому .....	4
<b>Грановская Л.М.</b> Библейские фразеологизмы (Опыт словаря) .....	1–5
<b>Деблик Н.М.</b> Малинин, Буренин и другие (Гимназические учебники ушедшей эпохи).....	4
<b>Долгушев В.Г.</b> Забытый проект русского алфавита .....	3
<b>Изюмов А.И.</b> Уральские казаки в русской культуре .....	6
<b>Криничная Н.А.</b> Петров крест – символ рыбацкого счастья.....	5
<b>Рогалев А.Ф.</b> “А родимичи от ляхов...” (К интерпретации летописной легенды) .....	4
<b>Михайлычева Т.В.</b> О Житии Василия Нового.....	5
<b>Симонов Р.А.</b> Почему погода не рассчитывается, а предсказывается и прогнозируется?.....	1
<b>Старовойтова М.В.</b> Чин свадебный .....	3
<b>Судаков Г.В.</b> Монастырская трапеза в XVI веке.....	6
<b>Удалых Г.Д.</b> Документы посольств в XVI–XVIII веках .....	5
<b>Шацкая М.Ф.</b> Легат, нунций, интернунций.....	6

**ОНОМАСТИКА**

<b>Королева И.А.</b> Из истории некоторых русских фамилий .....	3
---	---

**ТОПОНИМИКА**

<b>Горбаневский М.В.</b> Петровские Ворота .....	6
<b>Моисеев А.И.</b> Города <i>Новые</i> и <i>Старые</i> .....	2
<b>Мурзаев Э.М.</b> Амур .....	3
<b>Мурзаев Э.М.</b> <i>Большой, Великий, Малый</i> в географических названиях .....	4
<b>Мурзаев Э.М.</b> “Мы не знаем... Камни знают” (Н.К. Рерих о географических названиях).....	5
<b>Мурзаев Э.М.</b> Нарзан .....	2
<b>Смолицкая Г.П.</b> Топонимический словарь Центральной России.....	1–6

**РУССКИЕ ГОВОРЫ**

<b>Вендина Т.И.</b> Размышления о диалектной основе русского литературного языка.....	1
---	---

**ПИСАТЕЛЬ И ФОЛЬКЛОР**

<b>Дилакторская О.Г.</b> Почему Голядкина зовут “Яков Петрович”? ....	2
<b>Медриш Д.Н.</b> У истоков поэтического образа .....	1

**ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА**

<b>Азбелев С.Н.</b> Алеша Попович .....	2
<b>Зуева Т.В.</b> Свадебный приговор при выносе “девьей красоты” в Костромской области.....	4

<b>Коршунков В.А.</b> Почему Масленица в Ростов ездила? .....	4
<b>Савенкова Л.Б.</b> Мал золотник, да дорог .....	3
<b>Савенкова Л.Б.</b> С огнем не шути, с водой не дружись, ветру не верь .....	6
<b>Шувалова С.А.</b> “Свое” и “чужое” в русских пословицах и пого- ворках .....	5
<b>ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ</b>	
<b>Алексеев А.В.</b> <i>Труд</i> : деятельность или печаль? .....	4
<b>Зеленин А.В.</b> Масленица .....	3
<b>Зеленин А.В.</b> Мясопуст и мясоед .....	1
<b>Зеленин А.В.</b> Сыропуст .....	2
<b>Иванова Т.А.</b> Как и почему <i>празднуют трусу</i> ? .....	1
<b>Митин В.В.</b> Слова с корнем <i>рух-</i> в русском языке .....	4
<b>Шунейко А.А.</b> Труба нетолчёная .....	3
<b>Шустов А.Н.</b> Диаконы и диакониссы .....	5
<b>Шустов А.Н.</b> Какая часть речи <i>тридевять</i> ? .....	2
<i>За знакомой строкой</i>	
<b>Беркович Т.Л.</b> Черный виксатин .....	5
<b>Бортник Г.В.</b> Человек в футляре .....	3
<b>Долгушев В.Г.</b> “И мальчики кровавые в глазах...” .....	6
<b>ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ</b>	
<b>Чупашева О.М.</b> Определяем тип сложноподчиненного предло- жения .....	6
Почта “Русской речи”	
<b>Дядечко Л.П.</b> Утром – роман, вечером – крылатое слово .....	5
<b>Левашов Е.А.</b> Вась-вась .....	3
<b>Мароевич Р.</b> Еще раз о прилагательном <i>студенческий</i> .....	6
<b>Попов О.П.</b> Союз гибкий и выразительный .....	1
<b>Чайкина Ю.И.</b> <i>Казак</i> на Русском Севере .....	6
<b>СРЕДИ КНИГ</b>	
Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов .....	
<b>Протченко И.Ф.</b> Словари русского языка. Краткий очерк .....	1
<b>ХРОНИКА</b>	
Русский язык как государственный .....	1
Поливановские чтения в Смоленске .....	6